

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**МЕЖУРОВНЕВАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ТЕКСТА
В ЕСТЕСТВЕННОМ
ЯЗЫКЕ**

Межвузовский сборник
научных трудов

**ЭКЗЕМПЛЯР
ЧИТАЛЬНОГО
ЗАЛА**

1211432

Межуровневая организация текста в естественном языке: Межвузовский сборник научных трудов.— Челябинск, ЧГПИ, 1987.— 128 с.

На основе современной теории текста по-новому решаются актуальные проблемы сегментации речевых целых, статуса и функций единиц языка в высказывании, строевой и содержательной организации речевого акта. Углубленно анализируются текстообразующие параметры фигур речи, структурные единицы текста, в том числе и впервые установленные (комментарий, аллонимический комплекс), рассматриваются средства связи в межуровневой организации текста (ретроспекция, контаминация).

Сборник рассчитан на языковедов, преподавателей и студентов филологических факультетов, факультетов иностранных языков, кафедр естественных языков, учителей-словесников. Включены статьи профессоров и преподавателей Челябинского, МГПИ им. В. И. Ленина, ЛГПИ им. А. И. Герцена, Оренбургского, Магнитогорского пединститутов, Челябинского и Ленинградского университетов, Челябинского и Киевского институтов культуры, Челябинского политехнического института и Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Редакционная коллегия: **Г. В. Данилова**, кандидат филологических наук; **В. Д. Маргулис**, кандидат филологических наук; **А. Г. Турбин**, кандидат филологических наук (отв. редактор).

Рецензенты: **А. Г. Басманова**, доктор филологических наук, профессор (МГПИИЯ им. М. Тореза); **В. В. Богданов**, доктор филологических наук, профессор (ЛГУ им. Н. А. Жданова); **Л. Н. Рыньков**, доктор филологических наук, профессор (ЧГПИ).

И. В. Арнольд
(Ленинград)

ОЦЕНОЧНОСТЬ КОММЕНТАРИЯ В УСТНОЙ РЕЧИ И ТЕКСТЕ

Настоящая статья посвящена информационной характеристике, способам выражения и функциям комментариев как особой коммуникативной единицы письменной и устной речи. Цель статьи показать, что с точки зрения коммуникативной лингвистики и разговорное выражение «с большим удовольствием», и парадоксы в репликах персонажей Оскара Уайльда, и пояснительные сноски или примечания в конце текста или даже целая книга Ю. М. Лотмана «Комментарий к Евгению Онегину» [1] не случайно могут называться одним и тем же словом «комментарий». Их общие признаки — вторичность и оценочность содержащейся в них информации.

Комментарий обязательно предполагает наличие первичного комментируемого сообщения как стимула, по отношению к которому он является реакцией. Первичное сообщение может быть воплощено в устном высказывании или тексте, но это может быть и событие или художественное произведение, вызывающее оценку или пояснения. Комментарий может быть письменным или устным или даже выражаться паралингвистическими средствами, т. е. жестом, улыбкой, аплодисментами, пожатием плеч и т. д.

Оценочность комментария надо понимать в самом широком смысле, т. е. не как простое аксиологическое «хорошо — плохо», а как эмоциональную, модальную, эстетическую, этическую и т. п. оценку, или интеллектуальные пояснения.

Для того чтобы раскрыть информационную сущность комментария и его коммуникативную функцию, сравним это деление на первичную и комментирующую информацию с другими типами информационной сегментации текста и рассмотрим их корреляцию.

С точки зрения референции и отношения к ситуации общения можно разделить информацию в тексте и устном диалоге на предметно-логическую или информацию первого рода (ее также называют интеллектуальной, дескриптивной, объективной, концепту-

альной или фактуальной), не связанную с ситуацией и участниками общения, и прагматическую, оценочную, или информацию второго рода, субъективную, связанную с ситуацией и участниками общения. Это часто, но не обязательно, информация экспрессивная и эмоциональная [2]. Ее основная функция — воздействие на собеседника и передача ему своего отношения к ситуации [3].

В зависимости от выраженности информации вербальными средствами она подразделяется на имплицитную и эксплицитную. Имплицитная информация подразделяется на текстовую импликацию, подтекст, пресуппозицию.

Исходя из ролевой структуры акта коммуникации, изображенного в художественной речи, принято деление на план автора и план персонажа. Это деление отличается от первых двух тем, что касается не любого общения, а только художественной литературы. В более общем случае — это деление в зависимости от адресанта.

Сегментация, которой посвящена данная статья, т. е. деление на основную (начальный стимул) и комментирующую (реакция, реплика) является четвертым типом, возможна в любом типе коммуникации и всегда сочетается с остальными.

Роланд Познер в своей книге «Теория комментирования» [4] показывает, что общение не состоит только из обмена фактической информацией и сообщения новостей, но включает все свойственные языку функции, в том числе и фактическую и метаязыковую (т. е. пояснение употребленных средств языка) и обязательно включает реакцию на увиденное и услышанное, которая может быть стереотипно этикетной, эмоциональной, оценочной, экспрессивной и т. д., и по-разному сочетается с остальными типами информации.

В живой речи имеет место реальный комментарий. Он может быть искренним или нет, это дела не меняет. Комментарий может быть активным, т. е. направить разговор в новое русло, дать ему новое направление и тему.

Обратимся к тексту пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным». Все виды комментариев, возможных в устной речи, представлены здесь достаточно полно. Делаем допущение, что драматургия отражает устную речь.

Jack: Who is coming to tea?

Alg.: Oh! Merely aunt Augusta and Gwendolene.

Jack: How perfectly delightful!

Джек комментирует сообщение о том, что придет Гвендолин, выражая свое по этому поводу удовольствие.

Каждое высказывание можно охарактеризовать по всем четырем парам признаков. Слова Олджернона о том, что придет его тетушка со своей дочерью Гвендолин, содержат предметно-логи-

ческой информации первого рода, эксплицитную, персонажную, исходную, т. е. комментируемый стимул. Реплика Джека: «Это восхитительно!» содержит информацию второго рода (эмоционально-оценочную), тоже эксплицитную и тоже персонажную, но комментирующую.

Возможны и другие сочетания перечисленных пар признаков. Так, например, всякий иронический комментарий содержит имплицитную информацию. Возможны также комментарии, передающие информацию первого рода, что особенно свойственно активному комментарию, комментариям в научном тексте и комментариям справочного характера. Существование такого комментария отнюдь не делает основную информацию лишенной автосемантии. Она возможна и без комментария. Комментарий же, напротив, синсемантичен, в том смысле, что обязательно является сателлитом какого-то другого сообщения.

В активном диалоге комментатор и комментируемый постоянно меняются местами. В той же пьесе Уайльда персонажи, состязаясь в остроумии, комментируют друг друга. Объясняя свое поведение, Джек говорит: «That, my dear Algy, is the whole truth, pure and simple».

Он, таким образом, комментирует свой собственный рассказ с точки зрения его истинности, т. е. в модальном плане. Это служит поводом для того, чтобы вложить в реплику Олджернона целый каскад парадоксов: The truth is rarely pure and never simple. Modern life would be very tedious if it were either; and modern literature a complete impossibility.

Информация этого комментария — есть информация первого рода, т. е. предметно-логическая (концептуальная), имплицитно содержит характеристику циничного отношения персонажа к искусству. Этот комментарий вводит новую тему и дальше оказывается предметом следующего комментария первого персонажа:

That wouldn't be at all a bad thing. Информационная характеристика этой реплики: информация второго рода (оценочная), эксплицитная, персонажная, комментирующая.

Выделение комментария как коммуникативной единицы и описание его языковых характеристик на разных уровнях имеет большое практическое значение для преподавания иностранных языков, поскольку представление о диалоге как о чередовании вопросов и ответов не отражает реальности речи и мешает обучению естественной речи. Рамки статьи не позволяют остановиться на этом вопросе подробно, отметим только, что с этой точки зрения особого внимания заслуживают все оценочные и эмоциональные и модальные слова, т. е. слова с выраженными узуальными коннотациями всякого рода, в том числе и междометия, всевозможные устойчивые сочетания, крылатые выражения, клише и посло-

вицы и особенно разговорные и этикетные формулы.

Same to you! Oh, come on! Not at all. Take your time. Have a heart. Take it easy. That won't do. This is a small world, indeed! It never rains but it pours, etc.

Применительно к синтаксису Кверк и его соавторы [5] отмечают особый тип придаточных предложений, которые они так и называют «комментирующие придаточные»: What's more, we lost our belongings.

The children were rather noisy, I'm afraid.

Эти примеры показывают, что сегментация на основную и комментирующую часть возможна даже в пределах одного предложения одного из собеседников.

Комментарий в диалоге драматического произведения усложняется тем, что реакции и ценностный подход к действительности персонажей не обязательно совпадают с ценностным подходом автора, но и не обязательно расходятся с ним.

Во всяком художественном тексте общение автора с читателем может принимать разные формы. Во-первых, каждое чтение книги есть форма общения автора и читателя, посредством которой автор передает читателю свое представление о мире и свою оценку. Кроме того, текст содержит внутритекстовые авторские комментарии, вплетенные в повествование, комментарии в виде авторских рассуждений и другие типы авторского комментария. Во-вторых, книга содержит еще и коммуникацию изображенную, т. е. диалог между персонажами, которые также могут содержать не только комментарии этих персонажей, но и мнения других, т. е. возможна целая лесенка отраженных коммуникативных ситуаций. Рассказчик при перепорученном повествовании говорит о том, что рассказал ему персонаж о том, что сказал другой персонаж и т. д. Авторский комментарий — коммуникативная единица, восстанавливающая первоначальную коммуникативную ситуацию непосредственного общения автора с читателем.

Авторские комментарии большого объема принято называть «отступлениями» и «лирическими отступлениями»; термин этот и понимание его представляются неудачными. Дело в том, что хотя автор и прерывает при этом рассказ о событиях, но от темы он не отступает, а говорит о своих идеях, прямо и обобщенно, но обращаясь к читателю непосредственно, не прибегая к образам. Логичнее считать рассуждение не отступлением, а разновидностью комментария. Функции комментариев в художественном тексте и их формы отличаются большей сложностью, чем их аналоги в живой речи, хотя имеют все те же функции управления восприятием адресата и обозначения его тезауруса. В словаре Квятковского лирическое отступление определяется как стилистический прием в художественной прозе или поэзии, заключающийся в том,

что автор отклоняется от прямого повествования, перебивая его лирическими вставками на темы, мало связанные или совсем не связанные с магистральной темой. С этим определением невозможно согласиться. Впрочем, в следующей же строке Квятковский сам себе противоречит и справедливо пишет, что лирическое отступление «позволяет писателю в открытой форме высказать личные суждения по разным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к центральной теме» [6]. В числе упомянутых им примеров «Тамбовская казначейша» Лермонтова. Всем знакомый конец этой поэмы:

И вот конец печальной были
Иль сказки — выражусь прямой.
Признайтесь, Вы меня бранили?
Вы ждали действия, страстей?
Повсюду нынче нищут драмы.
Все просят крови — даже дамы?
А я, как робкий ученик:
Остановился в лучший миг.

Это уж никак не отступление, а напротив, завершающее всю историю прямое авторское обращение к читателю, содержащее самооценку и тесно связанное с темой. По-видимому, термин «отступление» может быть сохранен только как подвид «рассуждения», а «рассуждение», как мы уже говорили, оказывается подвидом комментария.

Важнейшим признаком комментария во всех его видах является не разрыв с повествованием, а синсемантическая зависимость от комментируемой информации. Ю. М. Лотман в упомянутой выше работе пишет, что комментарий помогает понимать текст, но не заменяет его.

Итак, в план автора необходимо ввести, помимо повествования и описаний, не рассуждение или отступление, а комментарий.

Основная функция авторского комментария состоит в более непосредственном чем в других композиционных элементах управлении восприятием читателя. Автор помогает читателю в оценке описываемого, сообщает или напоминает географические, исторические, историко-культурные данные, или уточняет ситуативный фон описываемых событий. Подчеркнем, что возможность содержания эмоционально-оценочной коннотации, оценочных языковых средств отличает авторский комментарий от комментария как справочного аппарата, выполненного другим специалистом. Помимо авторских, возможны комментарии переводчика, составителя, литературного критика и др.

Авторские комментарии изучаются поэтикой и литературоведением, комментарии переводчика — теорией перевода; примечаниями редактора занимается практическая стилистика; теории, объ-

единицей все эти разнообразные воплощения комментирования, пока не существует.

Авторский комментарий можно подразделить на внетекстовой и внутритекстовой.

К внетекстовому следует отнести примечания после глав или песен, как у Байрона или Т. С. Эллиота, отдельные главы, посвященные обобщенному рассмотрению затронутых тем или творческих проблем, стоящих перед автором, эпитафии, постраничные примечания, предисловие автора.

Внутритекстовой авторский комментарий — оценка событий, людей, предметов, включается в повествование, в любые части текста — предложения или сверхфразовые единства. Иногда комментарий и повествование оказываются в очень тесной связи и даже обнаруживают взаимопроникновение.

Внетекстовые постраничные сноски характерны больше для научной прозы и в романе имеют специальную функцию сделать изложение похожим на научное и тем придать ему более высокую степень достоверности, как это делает Джон Фаулз в романе «Женщина французского лейтенанта», историческом романе нового типа, описывающем Викторианскую Англию, с привлечением документального материала и с непрерывным сопоставлением с современностью: Англия той эпохи дается сквозь призму представлений и исторического опыта современного читателя. Осмысление прошлого происходит в его неразрывной связи с предшествующим и последующим.

Чтобы дать представление о большом разнообразии сносок в романе Фаулза, назовем некоторые их темы: положение женщины, религия, мораль, появление контрацептивных средств, политические партии, история и значение некоторых слов сленга, в том числе и рифмованного, и мн. др. Все эти реалии прагматически маркированы тем, что человек, живущий в другую эпоху, может не знать их. Само их появление подчеркивает временную дистанцию и делает текст похожим на научное или публицистическое исследование, создает некую транспозицию жанров.

Очень специфическим видом комментария является эпитафия, т. е. поэтическая или прозаическая цитата или пословица, помещаемые после заглавия или перед отдельными главами и комментирующая последующий текст. Известнейшим примером эпитафии является эпитафия из трагедии «Ромео и Джульетта», предпосланный роману Голсуорси «Сдается в наем», где история несостоявшегося счастья Флер и Джона сопоставляется с трагической судьбой Ромео и Джульетты.

Общим эпитафией ко всему только что упомянутому роману Фаулза служит цитата из работы К. Маркса «К еврейскому вопросу», которая говорит о том, что всякая эмансипация возвра-

цает человеку человеческий мир и человеческие отношения. Эпиграф ориентирует читателя и показывает, что в центре внимания романиста — человеческая личность и ее борьба за свое человеческое достоинство.

Комментирующая функция эпиграфа может осуществляться разными путями, его действенность может усиливаться контрастной, иронической или пародийной переключкой с текстом главы или всего романа или поэмы.

Информационная характеристика эпиграфа такова: эпиграф может передавать как концептуальную информацию первого рода, так и эмоционально экспрессивную информацию второго рода. По типу выраженности это, как правило, импликация. От других видов комментариев эпиграф отличается своей коммуникативной природой — адресантом здесь оказывается не сам автор и не персонаж, а какое-то третье лицо, которому автор передоверяет суждение о том, что последует. Можно даже сказать, что адресантом при том же адресате-читателе становится теперь два: второй адресант, т. е. автор эпиграфа, приходит автору на помощь. Он и его сообщение оказываются вставленными в другое сообщение, т. е. в новый контекст. Это изменение контекста придает цитате добавочный смысл, а следующий за ним текст может предстать осложненным и неоднозначным. Эпиграф может создать ожидание, которое в дальнейшем будет обмануто контрастирующим с ним текстом.

Рассмотрение и обобщение внутритекстовых авторских комментариев и функционирования эпиграфов показывает, что утверждение сторонников аксиологического подхода в лингвистике о том, что «все многообразие межличностных отношений легко укладывается в разряды хороших и плохих» [7], никак не подтверждается. Главная проблематика упомянутого романа Фаулза связана с межличностными отношениями, и автор занят их оценкой и всячески привлекает читателя к их разгадке, но не навязывая ему готовых решений, и речь никак не может идти о примитивном делении всего изображаемого по заданным аксиологическим признакам хорошего и плохого. Аксиологическое деление на хорошее и плохое является только частью ценностного подхода авторов к своему материалу.

Для лингвистов, связанных с преподаванием иностранных языков, большой интерес представляет еще один вид внетекстового комментария со сменой адресанта, а именно комментарии составителей всякого рода адаптированных и неадаптированных изданий литературы на иностранных языках, предназначенных для изучающих иностранные языки. Такие комментарии имеют обычно форму постраничных примечаний и помещаются после текста. Своей теории этот тип комментариев пока не имеет, они выполняются в

меру таланта и эрудиции своих авторов. Информационная характеристика такого комментария и всей коммуникативной ситуации состоит в следующем. Передается информация первого рода, она может быть концептуальной, но чаще объясняет смысл слов, выражений, аллюзий и т. п. Форма эксплицитная, но со стремлением к краткости. Адресантом является не писатель и не его персонажи, а специалист, часто представитель другой страны и другой эпохи как, например, в случае комментариев Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину» или Л. М. Аринштейна к стихам Р. Бернса. Комментирующая информация при этом очень разнообразна по характеру, она может быть энциклопедической и комментировать реалии или текстовой и комментировать слова, выражения и аллюзии текста; иногда она содержит биографические сведения об авторе или текстологические данные.

Подведем итоги. При коммуникативно-прагматическом подходе и к устному высказыванию и к художественному тексту их можно (в числе других возможных сегментаций) разделить по степени первичности на основную информацию и комментарий. Комментарий в художественном тексте может принадлежать самому автору, и тогда коммуникация автор—читатель является прямой, или комментарий может быть передан персонажам, коммуникация в этом случае изображенная; или, наконец, адресантом комментария может быть специалист лингвист или литературовед, а комментарий оказывается приложением к тексту или даже отдельной книгой. Все эти очень разные по форме и содержанию коммуникативные единицы объединены свойствами: синсемантической и оценочностью.

Предложенный подход позволяет, с одной стороны, дополнить теорию комментирования, предложенную Познером, показав, что комментирование имеет место и выполняет важные художественные функции не только в устной речи, но и в литературном тексте, причем информативная сущность сохраняется. С другой стороны, здесь уточняется отражение в тексте ценностного подхода к действительности, который привлекает к себе в настоящее время очень большое внимание лингвистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. второе.— Л.: Просвещение, 1983.
2. Лотман Ю. М. Указ. раб.
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования.— Л.: Просвещение, 1981.
4. Posner R. Theorie des Kommentierens.— Frankfurt/M.: Athenäum, 1972.
5. Quirk R. et al. A Grammar of Contemporary English.— L.: Longman, 1972.

6. Квятковский А. Поэтический словарь.— М.: Советская энциклопедия, 1966.

7. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка.— В кн. Проблемы структурной лингвистики — 1982.— М.: Наука, 1984.

Т. А. Абросимова, О. Р. Прощёнок-Кальнина
(Ленинград)

РОЛЬ ТЕКСТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МОДАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из средств выражения модальных оттенков значения во французском языке могут выступать местоименные пассивные конструкции. В некоторых контекстах залоговое значение этих конструкций сочетается с модальными оттенками возможности или необходимости совершения действия, например: (1) *Bon Dieu, dit Maurice, c'est dégueulasse, on s'en sert de cette casserole /.../ — Et alors, dit il, ça se lave, une casserole* (Clavel, *La maison*, 413) соответствует активной конструкции с модальным глаголом: *...on peut laver ça*; (2) *Un spectacle, ça se paye!* кричал Ральф á la première chute (Bazin, *Les bienheureux*, 233) соответствует безличному обороту с модальным значением: *... il faut payer ça*.

При рассмотрении модальных значений за основу берется классификация, принятая многими лингвистами, согласно которой выделяются объективная и субъективная модальность [1]. Модальность, средством выражения которой может выступать местоименный пассив во французском языке, следует считать объективной, поскольку она «отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые» [2].

К первой разновидности местоименных пассивных конструкций с модальным значением относятся местоименные пассивные конструкции со значением возможности совершения действия. Способность глаголов в местоименной пассивной форме выражать потенциальное значение отмечают некоторые исследователи [3]. Как справедливо указывает Е. Е. Корди, эти конструкции употребляются в презенсе со значением неактуального настоящего [4]. Действительно, эти конструкции характеризуют действие как абстрагированное от непосредственного протекания во времени. По признаку нелокализации/локализации во времени они могут быть противопоставлены в контексте аналитической пассивной конструкции: (3) *Tout ce qui se mange et se boit leur étaient offerts* (Perec, 100). Как показывает приведенный пример, действие, обозначенное местоименной пассивной конструкцией, не

локализовано на определенной точке временной оси; глаголы *manger* и *boire* в местоименной форме указывают здесь на возможность реализации действия, а не на акт реализации, тогда как глагол *offrir* в составе аналитической пассивной конструкции выражает действие, отнесенное к конкретному моменту в плане прошлого.

В некоторых случаях местоименная пассивная конструкция с потенциальным значением указывает на возможность сохранения объектом определенного свойства в течение какого-то отрезка времени: (4) *Tambouille... ça ne se conserve même pas une nuit...* (Clavel, *Les fruits*, 369); (5) *Je sais pas ce qu'ils peuvent y mettre, c'est pas catholique du pain qui se garde frais des huit jours!* (Triplet, *Le cheval*, 332).

Обычно местоименные пассивные конструкции с потенциальным значением выражают значение возможности, которая вытекает из наличия у объекта определенных свойств, то есть выражают значение алетической модальности [5]. Подобные пассивные конструкции дают общую характеристику объекту, приписывают ему стабильный признак. На этом основании их можно отнести к особому семантическому типу глагольных предикатов, которые Т. В. Булыгина называет «характеризующими глагольными предикатами» [6].

Использование таких конструкций обычно предполагает, что говорящий хорошо знаком со свойствами объекта: (6) *Un caractère d'homme, ça ne se rabote pas comme une planche...* (Stil, 87); (7) *Le tilleul, ça se fend comme de rien* (Clavel, *Les fruits*, 381); (8) *...ma grand-mère chérie... s'était attaquée à la poussière des nombreuses médailles attribuées aux Gorenfan guerriers; le vent lu mont s'en donnait à coeur joie et les médailles se balançaient dangereusement; grand-mère chérie, sereine et patriote, avait apaisé mes craintes en disant: «Une croix de guerre, ça ne se décroche pas comme ça!»* (Pilhes, 156).

Важная роль при формировании у местоименного пассива модального значения возможности принадлежит контексту. Так, употребление местоименного пассива с потенциальным значением для характеристики свойства объекта иногда подкрепляется в контексте параллельным использованием конструкции *être* + прилагательное: (9) *A leur pieds, des fleurs de trèfle, boules roses. Elle lui affirme que ça se mange, que c'est sucré* (Stil, 36). Кроме того, следует отметить способность местоименных пассивных конструкций с потенциальным значением возможности распространяться посредством сочетания *comme* + существительное/местоимение *ça*, *rien* (примеры (6) — (8)) или качественными наречиями типа *bien*, *facilement*, *aisément*, например: (10) *Je*

pense que c'est une attitude qui s'explique fort bien. (Clavel, *Le coeur*, 33). Употребление наречий или различных обстоятельственных словосочетаний служит для передачи оценки качества объекта со стороны говорящего.

Рассматриваемые конструкции могут использоваться также для выражения возможности, которая вытекает из наличия условий совершения действия, то есть могут передавать значение деонтической модальности [7], например: (11) *Cette réaction s'explique facilement quand on songe que, bâtard, je vais franchir le seuil d'une propriété qui aurait dû être la mienne...* (Pilhès, 250); (12) *Il y a des arts où l'erreur est possible, où la nouveauté de la manière, de la vision, peuvent étonner et fausser le jugement, mais un écrivain se révèle en quelques mots. Or, tout de suite, le pire nous fut révélé: Chalonnès ne savait pas écrire, mais pas du tout* (Maurois, 52); (13) — *C'est vraiment un très beau numéro. Vous avez dû beaucoup le travailler. — Ça ne s'apprend pas en un jour!* (Marceau, 107).

Указание на условие реализации действия в приведенных примерах носит обязательный характер; устранение этого указания привело бы к изменению смысла высказывания. Способы выражения условий, от которых зависит совершение действия, разнообразны. Обоснование возможности действия может быть выражено в придаточном предложении (11) или посредством различных предложных конструкций (12), (13).

Условие реализации действия может быть непосредственно не выражено в предложении, включающем местоименный пассив, но подразумеваться в более широком контексте. В таких случаях нередко возможность совершения действия связана как с внешними факторами, так и со свойствами самого объекта, например: (14) — *Faut se méfier. Une fille maigre comme ça. — D'après toi, elle pourrait être tuberculeuse? [...]* — *Ce sont des choses qu'on ne peut jamais affirmer, mais il faut toujours faire attention. — Attention à quoi? — Ben ça se donne. C'est un microbe, tu ne le sais pas?* (Clavel, *La maison*, 215). В данном примере возможность осуществления действия, выраженного местоименным пассивом, обусловлена, с одной стороны, свойствами самого объекта (речь идет об инфекционном заболевании), а с другой стороны, внешними факторами (наличие контакта).

Ко второй разновидности местоименных пассивных конструкций с модальным значением относятся конструкции со значением необходимости совершения действия (долженствования): (15) *Cela t'oblige à ne plus travailler que le matin à la librairie. Les chambres meublées, ça se paie* (Simenon, 416).

Подобные конструкции выражают значение деонтической модальности, поскольку передают необходимость совершения дейст-

вия с точки зрения принятых общественных норм или этических принципов. Высказывания, содержащие эти конструкции, могут использоваться, например, для рекомендаций к действию в определенной ситуации или как общие сентенции: (16) *Celui-ci, qui ne savait rien vouloir que ce que voulaient les autres, de quel droit parlait-il de son autorité? L'autorité, ça se prend, ça ne se réclame pas comme une bille perdue* (Bazin, *La vipère*, 124); (17) *Daniel n'aimait pas qu'on débitât ce genre de sottises au-dessus de sa fille. L'intelligence se cultive par l'intelligence* (Troyat, 143).

Как и конструкции с потенциальным значением возможности, рассмотренные выше, местоименные пассивные конструкции со значением долженствования не дают точной локализации действия во времени, хотя и соотносятся с конкретной ситуацией. Обычно они употребляются в форме презенса со значением неактуального настоящего как в контексте настоящего, так и в контексте прошедшего времени (15) — (17). Наш материал дает лишь отдельные случаи использования местоименного пассива со значением долженствования в форме имперфекта, причем нами зарегистрированы только примеры использования в этой функции глагола *faire* в отрицательной форме: (18) *On l'avait enrôlé de force, disait la vieille mère, et elle pleurait, s'arrachait les cheveux et déchirait son mouchoir. Miles était très gêné de ces démonstrations, il estimait que cela ne se faisait pas* (Sagan, 444). Очевидно, в таких случаях действует тенденция к соблюдению грамматического согласования в сложном предложении.

Рассматриваемые местоименные пассивные конструкции в отрицательной форме могут указывать 1) на отсутствие необходимости совершения действия или 2) на необходимость не совершать действие, то есть выражать запрет на действие.

Отсутствие необходимости совершать действие передается местоименным пассивом в отрицательной форме, например, в следующем контексте: (19) *Une toque, c'est comme un calot de troffion, ça ne se quitte pas pour saluer. Il n'y a que chez les clients qu'il faut l'enlever* (Clavel, *La maison*, 35). Отсутствие необходимости совершения действия, выраженного местоименным пассивом, в данном примере противопоставляется необходимости его совершения в определенных условиях (*il n'y a que chez les clients qu'il faut...*).

Значение запрета на совершение действия передается местоименным пассивом в смягченной форме, например: (20) *Savez-vous, Martine, qu'il y a des choses qui ne se font pas, même si elles ne sont pas punies par la loi?* (Triolet, *Roses*, 291).

При формировании у местоименных пассивных конструкций модального оттенка необходимости также важную роль играет кон-

текст. В некоторых контекстах значение использования у этих конструкций подчеркивается параллельным использованием оборота *il faut* (19). Местоименные пассивные конструкции с модальным значением часто используются после глаголов речевой и мыслительной деятельности типа *affirmer, dire, estimer, prétendre* и др., которые соотносят данное высказывание с лицом, устанавливающим модальное отношение (9), (18).

Таким образом, изложенный выше материал позволяет заключить, что местоименные пассивные конструкции способны реализовать в контексте модальные значения алетической возможности и деонтической возможности совершения действия, а также значение деонтической необходимости. Модальная характеристика местоименного пассива тесно связана с его временной характеристикой. Формированию модальной характеристики местоименных пассивных конструкций в большой мере способствуют такие факторы контекста, как параллельное употребление конструкций, включающих модальный глагол, употребление наречий с оценочным значением, указание на условия, определяющие возможность совершения действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 353.
2. Там же, с. 353.
3. Реферовская Е. А. Местоименная форма пассива во французском языке.— Сб. науч. тр. Ленингр. гос. ун-та, вып. 35, № 232, 1958, с. 13; —Stefanini J., *La voix pronominale en ancien et en moyen français*. Paris, 1962, p. 125, 634.
4. Корди Е. Е. Деривационная, семантическая и синтаксическая классификация местоименных глаголов французского языка.— В кн.: *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. Л., 1981, с. 224.
5. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, с. 106.
6. Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 43.
7. Ломтев Т. П. Указ. раб., с. 106.

СОКРАЩЕНИЯ

Bazin, <i>Les bienheureux</i>	—Bazin H. <i>Les bienheureux de la désolation</i> , Paris, 1970.
Bazin, <i>La vipère</i>	—Bazin H. <i>La vipère au poing</i> . Moscou, 1979.
Clavel, <i>Le coeur</i>	—Clavel B. <i>Le coeur des vivants</i> . Paris, 1979.
Clavel, <i>Les fruits</i>	—Clavel B. <i>Les fruits de l'hiver</i> . Paris, 1979.
Clavel, <i>La maison</i>	—Clavel B. <i>La maison des autres</i> . Paris, 1979.
Marceau	—Marceau F. <i>Bergère légère</i> . Paris, 1965.
Maurois	—Maurois A. <i>Une carrière et autres nouvelles</i> , Moscou, 1975.
Perec	—Perec G. <i>Les choses</i> . Moscou, 1969.
Pilhes	—Pilhes R.-V. <i>La rhubarbe</i> . Paris, 1978.
Sagan	—Sagan F. <i>Le ciel d'Italie</i> .— In: <i>Conteurs français du XXe siècle</i> . Moscou, 1981.

Simenon

Stil

Triolet Le cheval

Triolet Roses

Troyat

- Simenon G. Romans. Moscou, 1968.

- Stil A. Dieu est un enfant. Moscou, 1982.

- Triolet E. Le cheval blanc. Paris, 1968.

- Triolet E. Roses à crédit. Paris, 1967.

- Troyat H. La malade. Paris, 1967.

Е. Н. Азнамеева

(Челябинск)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТОВ

Метасемиотическое описание текстов различных моделирующих систем открывает новые возможности для выявления как универсальных, так и индивидуальных особенностей их структурирования, не доступных для анализа вне контекста общей культуры. В основе метасемиотического исследования объекта лежит его сопоставление с некоторым эталоном, по отношению к которому этот объект описывается. На продвинутом этапе исследования эталон должен представлять собой совокупность универсальных семиотических признаков, при этом описание исследуемого объекта создается путем их конкретизации или элиминирования. На начальном этапе изучения в роли эталона может выступать какая-либо другая знаковая система. В большинстве случаев исследование литературно-художественного текста проводится в сопоставлении с естественным языком в его коммуникативной функции. Однако сравнение с естественным языком не может вскрыть особенностей литературного произведения как художественно-образной системы. Поэтому целесообразно сопоставление литературно-художественных текстов с вербальными нехудожественными текстами дополнить сравнением с текстами других художественно-образных знаковых систем.

Наиболее эффективным при метасемиотическом описании художественной литературы представляется использование в качестве эталона музыкального текста. Это обусловлено, с одной стороны, типологической близостью литературы и музыки (их генетической общностью, процессуально-временным характером, обращенностью к слуху, а не к зрению), а с другой — спецификой музыки как искусства, о которой советский музыковед А. Фарбштейн пишет следующим образом: «Лишенное обязательной связи с изобразительным началом творение музыки представляет выразительную форму, «несущую» содержание в самой себе, в логике построения, в структуре и разворачивании звукового процесса. Подобно тому, как семиотика видит в музыке «наиболее типичный образец художественного сообщения», можно сказать, что эстетика музыки дает как бы наиболее типичный случай художественности. В силу этого категории, «работающие» в музыкально-художественном ма-

терриале, обретают общезначимый смысл и могут рассчитывать на пригодность и в других областях искусствознания» [1].

Мысль о том, что музыка является идеальным эстетическим объектом, высказывали многие эстетики, начиная с немецких романтиков и до исследователей наших дней. Это связано с относительно большим удельным весом в музыке эстетической информации. Все виды искусства отражают ценностные свойства действительности, но отражают их по-своему. Литература как изобразительное искусство делает это через представление конкретных носителей ценностей (характеры персонажей, события, конкретные детали). Наряду с эстетической информацией большую роль в литературе играют и внеэстетические моменты, благодаря которым она обладает неограниченными возможностями отражения жизненной реальности. Музыка, где роль изобразительности и повествовательности незначительна, непосредственно раскрывает ценностное отношение к действительности в отвлечении от конкретного предметного содержания [2]. Поэтому, будучи «наиболее чистой моделью искусства» [3], она может служить эталоном при изучении некоторых аспектов структурирования текстов других художественно-знаковых систем.

Разный удельный вес эстетической информации в музыкальных и литературно-художественных текстах обуславливается как спецификой используемого в них материала, так и способами его организации. Семиотическая система художественной литературы представляет собой вторичную моделирующую систему, основывающуюся на первичной системе естественного языка. Отсюда гетерогенность литературно-художественного текста, который использует общекодовой дискурсивный язык речевых символов, но создает из него новый язык уникальных эстетических знаков, присущий лишь данному произведению. Процесс порождения литературного произведения осуществляется в двух направлениях: от знаков к тексту и от текста к знакам, т. е. язык порождает текст, но и текст порождает новые языки.

В музыке вместо единой абстрактной системы знаков имеется множество конкретных музыкальных систем, вводимых ретроспективно из конкретных музыкальных текстов. В музыковедении этот факт находит отражение, когда говорят о языке отдельных композиторов, о нескольких языках одного и того же композитора в разные периоды его творчества или в произведениях разных жанров и даже «о языке отдельного произведения, если его порождающая система нигде более не реализовалась с той же полнотой» [4]. Все ускоряющийся процесс смены различных течений и направлений приводит к коренным качественным преобразованиям системы музыкальных выразительных средств; при этом индивидуальная творческая манера автора детерминирует не только

принципы отбора и правила сочетаемости и преобразования элементов, но и свойства музыкально-акустического материала. Отсутствие единой системы музыкальных знаков обуславливает порождение музыкального текста только в одном направлении — от текста к знакам. Не язык порождает текст, но текст порождает новые образные языки различной степени обобщенности. В этом основная причина ярко выраженной первичности музыкального текста по отношению к его составляющим и высокого уровня его системности.

Одним из признаков первичности текста по отношению к его составляющим является его непрерывность как на горизонтальной (синтагматической), так и на вертикальной (межуровневой) оси, которая оценивается не с точки зрения физических параметров, а с точки зрения восприятия. Прерывность/непрерывность представляет собой диалектическое единство, и степень ее выраженности различна в текстах разных видов искусства. Для литературы, пользующейся дискретным способом фиксации, непрерывность текста вторична, она возникает лишь на уровне содержания вследствие возникновения эстетических знаков. Эстетические знаки характеризуются своей многозначностью и множественностью связей, они не имеют четких границ, и их выделение из текста связано со значительными трудностями.

В отличие от художественной литературы для музыки непрерывность первична, она проявляется как на уровне содержания, так и на уровне плана выражения. Не только эстетические знаки, но каждый мельчайший элемент музыкального сообщения обладает многогранной значимостью и многомерностью связей с другими элементами — динамических, ритмических, ладово-функциональных, мелодических, тембровых, темповых и др. Многофункциональность элементов обуславливает неразложимость музыкальной ткани на дискретные элементы, подобные словесным знакам. Прерывность возникает лишь при переводе музыкального текста на метаязыки — музыкальной нотации или музыкальной теории, где происходит абстрагирование от многозначности музыкальной материи и последовательное представление симультанных составляющих музыкальных знаков.

Недискретность на вертикальной оси проявляется в отсутствии прерывности, во-первых, между планом выражения и планом содержания текста, а во-вторых, между его разными содержательными уровнями. С семиотической точки зрения текст имеет несколько уровней, при этом то, что выступает как означаемое на более низкой ступени, становится означаемым на более высокой. Высшим уровнем текста является художественный замысел. Низший представляет собой последовательность материальных сигналов, воспринимаемых органами чувств. Из единиц низшего, до-

знакового, уровня строятся элементы содержательных уровней — эстетические знаки разной ступени иерархии.

Наличие прерывности/непрерывности между планами выражения и содержания произведения связано со степенью использования вещественных свойств знаковой материи для передачи информации, а также с уровнем знаковости текста. В вербальных нехудожественных текстах передаваемая информация требует сравнительно небольших затрат материального уровня. Эти тексты достигают наивысшего уровня знаковости, количество семиотических уровней и полисемия знаков здесь минимальны.

В художественных произведениях знаки характеризуются автономностью. Автономность, т. е. способность знака ориентировать на себя, быть не только средством, но и целью выражения, в той или иной мере присуща всем произведениям искусства. В художественной литературе она проявляется в выдвигании на первый план иконических и индексальных составляющих словесных знаков, в использовании скрытых имитационных и динамично-образительных потенций языковой материи. Это приводит к особой ритмической организации высказываний с помощью звукозаписи, аллитерации, ассонансов, ритмосинтаксических образований и т. п. Таким образом происходит преодоление произвольности и семантизация формы словесных знаков.

В неизобразительных искусствах автономность знаков выступает более рельефно. В музыке это находит выражение в особой значимости вещественного фактора. Различные качественные признаки звуковой материи обладают многообразным ассоциативным смыслом, который не осознается и поэтому воспринимается как имманентное свойство самих музыкальных знаков. Следствием является наличие непосредственной связи чувственно-материальных и идеально-смысловых моментов, взаимовлияние и взаимопроникновение различных уровней музыкального образа.

Широко распространены в музыке автономные знаки композиции, отражающие основные закономерности отношений объективной действительности — сходство/контраст, неизменность/развитие, единство/противоположность, устойчивость/неустойчивость, главенство/подчиненность, конфликт/гармония и др. [5]. Автономностью обладает и структура музыкального текста как целостного знака. По Ч. Пирсу, отличие музыки от изобразительных искусств состоит в том, что при коммуникации знак-изображение и объект изображения совпадают, так как форма изображения сама и является объектом [6]. Структура музыкального текста отражает процесс освоения художником объективно существующей системы эмоциональных отношений. Поэтому восприятие музыкальной структуры дает представление о некоторых закономерностях отражения в сознании субъекта объективной логики связей и отношений действительности.

Вследствие особой значимости вещественного фактора семиотическая система музыки приближается к низшему уровню знаковости, о которой, употребляя слова Ю. С. Степанова, можно сказать, что при ней «знаковая система-посредник стремится... слиться с самими материальными системами» [7]. Степень знаковости достигает порогового минимума, при котором максимальная многозначность сочетается с сохранением возможности семантической интерпретации текста. Из-за этих особенностей музыкальной семиотической системы некоторые музыковеды называют музыку знаковой системой особого рода [8].

Характер взаимоотношений между элементами разных содержательных уровней связан с преобладанием тех или иных видов знакообразования. С семиотической точки зрения различаются три способа построения знаков из фигур или знаков более высоких ступеней из знаков более низких ступеней иерархии: адъюнкция, комбинация и итерация [9]. Адъюнкцией называется присоединение элементов в последовательности, отражающей в общих чертах порядок следования элементов действительности; в ее основе лежит стремление к изоморфизму между знаком и его объектом. Под комбинацией* понимается конструирование сложного знакового образования из нескольких простых; при комбинации структура сложного знака определяется отношением к изображаемому, поэтому эти знаки характеризуются большей условностью по сравнению со знаками первого типа. Итерация — это образование сложного знака из простого путем соотнесения нового означаемого с тем же самым означающим.

Для адъюнкции характерна прерывность между планом содержания и планом выражения знаков. При комбинации материальная форма знаков может участвовать в образовании автономных знаков композиции. Использование итерации имеет следствием как семантизацию низших слов текста, так и его многозначность, поскольку при итерации с помощью одной материальной структуры конструируются знаки нескольких семиотических ступеней.

Реально в художественном произведении употребляются все три способа знакообразования, но их удельный вес в различных произведениях искусства неодинаков. В литературно-художественном тексте знаки образуются, главным образом, путем сочетания адъюнкции с комбинацией, при этом удельный вес каждого из этих способов зависит от жанровых и индивидуальных особенностей произведения и определяет степень преобладания образительности или условности в художественном тексте. Итерация для художественной литературы не типична. В поэтических текстах она проявляется в эквивалентности элементов ритмического и зву-

* М. Бензе употребляет термин *Superisation*.

кового уровней и в метафоричности на семантическом. В прозаических текстах итерация встречается реже, она выражается в использовании лейтмотивов, явлений приращения смысла, вторичной символизации и т. п.

В музыке в силу ее неизобразительного характера адьюнкция представлена значительно меньше. Ведущим и отличительным принципом знакообразования является итерация. Итерация в музыке выступает как тождественное или варьированное повторение означающего, при этом тождественное выражение в разных контекстах может иметь разный смысл. В основе музыкального фрагмента и даже целого произведения лежит одна или несколько глубоких структур, а сам текст представляет собой их раскрытие и развитие. Комбинация состоит в музыке в организации соответствующих поверхностных структур на основе их сходства и несходства (контраста). Таким образом, характерным для музыки является сочетание итерации и комбинации.

В результате преобладания итерации в музыке сильнее выражена поглощенность отдельных знаков целостным знаком-текстом. При итерации особенно рельефно выступает свойство музыкальных структур, включаясь в более высокие формы организации элементов, не полностью растворяясь в них, а сохраняя значимость, присущую им на предшествующих уровнях. Это обуславливает многозначность музыкального текста, которая в отличие от художественной литературы возникает уже на его низших уровнях [10]. В этом проявляется целенаправленный характер системы музыкального произведения, состоящий в подчиненности мельчайших элементов художественному замыслу.

Одним из факторов, определяющих уровень системности текста, является направление детерминации его знаковой системы и его знаковая ориентация. В литературно-художественном тексте преобладает направление детерминации от уровня денотатов к знаковой системе, т. е. ему присуща семантическая ориентация. Это обусловлено изобразительным характером литературы как вида искусства. Музыкальная знаковая система характеризуется двойственным типом детерминации. По В. Медушевскому, следует различать две стороны музыкальной формы — аналитическую, или аналитико-грамматическую, составляющую схематизирующий каркас музыкального произведения (сюда относятся функциональная система гармоник, метрическая организация, масштабно-тематические структуры, система функций музыкальной формы, типы фактуры и т. п.) и интонационно-драматургическую, включающую в себя все свойства звука и составляющую живую основу музыки [11].

Знаки интонационно-драматургической формы непосредственно детерминированы объективными явлениями действительности, от-

дельные интонационные структуры обладают предметно-смысловыми значениями, и их функционирование сходно с функционированием изобразительных знаков в других искусствах. Однако в противоположность изобразительным знакам в художественной литературе они отличаются недифференцированностью и предметной неопределенностью значений. Отсюда субъективность и вариантная множественность представлений, которые они вызывают.

Знакам аналитической формы свойственно противоположное направление детерминации — от знаков к смыслу. Именно к ним относится определение «детерминирующие знаки», употребляемое Б. М. Гаспаровым по отношению ко всем музыкальным знакам. Если знаки интонационной формы детерминируются объектом изображения, то в детерминирующих знаках, говоря словами Б. М. Гаспарова, форма изображения определяет семантику музыкального произведения [12].

Направление детерминации от знаков к смыслу означает преобладание в музыке синтаксической знаковой ориентации, при которой главную роль играет внутрисистемная соотнесенность элементов между собой. Результатом является более высокая степень упорядоченности элементов музыкального текста по сравнению с текстами изобразительных искусств, в частности, их высокая избыточность, единообразие, высокий коэффициент взаимодействия друг с другом (т. е. наличие широких системных связей), большое число вхождений в текст (повторяемость). При этом увеличение избыточности не уменьшает энтропию, а вместе с ней информационную ценность, а напротив, повышает ее, поскольку они разведены по разным уровням: избыточность проявляется на уровне ритмической организации текста, а энтропия — на ассоциативно-содержательном. Наличие системы ограничений и запретов, определяющих строгий отбор элементов, а также строгих правил их сочетаемости и преобразований, приводит к возрастанию семантической неопределенности и содержательной многозначности, т. е. в конечном счете повышению информативности текста.

Поэзия также характеризуется избыточной организацией элементов текста. Р. Якобсон объясняет это проекцией принципа эквивалентности с оси выбора (парадигматики) на ось сочетаемости (синтагматики). Под эквивалентностью понимается наличие специфических поэтических признаков (рифма, метр и др.), объединяемых в парадигматические ряды. Формальная эквивалентность усиливает семантическую эквивалентность или противопоставленность рифмующихся слов [13]. В художественной прозе упорядоченность элементов выражена значительно менее ярко. Здесь она может проявиться в ослаблении причинной и временной и преобладании пространственной организации текста (повторяемость единиц и стилистических приемов, преодоление ли-

нейной последовательности в пользу ассоциативных пространственных структур, наличие параллельных построений, построение произведения по определенной схеме и др.).

Следствием синтаксической знаковой ориентации произведения является выдвигание на первый план функционального значения элементов. По Ц. Тодорову, синтаксический аспект «соответствует взаимному сочленению единиц, отношениям, которые они между собой поддерживают... То, что позволяет нам идентифицировать идентичность двух действий, относится к области семантики. То, что позволяет нам судить о значении этого действия для повествования, о его функции, относится к области синтаксиса» [14]. Значение каждого элемента определяется его ролью в тексте, который соотносится с действительностью как целостный знак. Функциональность особенно характерна для музыки, где она является общим свойством музыкальной структуры, обуславливающим способность устанавливать закономерные отношения между своими элементами. По словам И. Земцовского, в музыке «реализация семантики («свечение» смысла происходит не в «каждом порознь» элементе мелодии, а в «каждом как части целого — друг с другом и самим целым. Другими словами, каждое реализуется как данное каждое лишь в системе тотальных внутримелодических взаимосвязей» (разрядка И. Земцовского — Е. А.) [15].

Вследствие семантической ориентации литературно-художественного текста элементы текста имеют предметно-смысловое значение, их функциональная роль выдвигается на первый план лишь в некоторых случаях расхождения предметного и функционального значения. Это имеет место при асимметрии эстетических знаков — повторении единиц, которые в разных контекстах получают разный смысл. Наличие функционального значения свидетельствует об обращении единицы в знак другого, более высокого уровня, а это влечет за собой возрастание семантической многослойности текста, т. е. повышение его информативности.

Различия между музыкальным и литературно-художественным текстами являются абсолютными лишь на уровне их материальной организации. На содержательных уровнях они носят вероятностный характер: то, что в музыке обязательно и регулярно, в литературе носит факультативный и спорадический характер. В типологическом ряду литературно-художественный текст занимает промежуточное место между вербальным нехудожественным и музыкальным текстами, причем различия между музыкальным и поэтическим текстами на содержательном уровне сводятся к минимуму. Сближение прозаических литературно-художественных текстов с музыкальными особенно ярко обнаруживается в те периоды развития искусства, для которых доминирующей является знаковая ориентация на неизобразительные виды искусства [16].

1. Фарбштейн А. Музыка и эстетика. М., 1967, с. 100.
2. Каган М. Морфология искусства. Л., 1972, с. 281 и след.
3. Раппопорт С. Природа искусства и специфика музыки. — В кн.: Эстетические очерки: Избранное. М., 1980, с. 100.
4. Орлов Г. А. Семантика музыки. — В кн.: Проблемы музыкальной науки, вып. 2. М., 1973, с. 451.
5. Медушевский В. В. О музыкальных универсалиях. — В кн.: С. С. Скребков. Статьи и воспоминания. М., 1979, с. 203—206.
6. Басни Е. Знак, изображение, искусство (О семиотической концепции Чарлза Пирса). — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 169.
7. Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971, с. 83—84.
8. Сохор А. Музыка как вид искусства. — В кн.: А. Сохор. Вопросы социологии и эстетики музыки. Т. II: Статьи и воспоминания. Л., 1981, с. 173.
9. Bense M. Semiotik: Allgemeine Theorie der Zeichen. Baden-Baden, 1967, s. 10.
10. Musikästhetik in der Diskussion. Leipzig, 1981, s. 187.
11. Медушевский В. В. Двойственность музыкальной формы и восприятие музыки. — В кн.: Восприятие музыки. М., 1980, с. 166—168.
12. Гаспаров Б. М. Некоторые аспекты семиотической ориентации вторичных моделирующих систем. — In: Semiotyka: Struktura tekstu. Warszawa, 1973.
13. Jakobson R. Zwei Seiten der Sprache und zwei Typen aphatischer Störungen. — In: R. Jakobson, M. Halle. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960, s. 70.
14. Todorov T. De l'ambiguïté narrative. — In: Echanges et communications. Mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss, t. 11. Paris, 1970, p. 914.
15. Земцовский И. Нужна ли музыкознанию семасиология? — Советская музыка, 1972, № 1, с. 29.
16. Гаспаров Б. М. Указ. раб., с. 43—44.

Я. Г. Биренбаум
(Киров)

РОЛЬ СОЮЗНЫХ ПАРЕНТЕЗ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Пытаясь вскрыть речемыслительные процессы, в результате которых формируется текст, С. Д. Кацнельсон сопоставляет внутреннюю речь, складывающуюся из набора пропозиций, и внешнюю речь, разбиваемую на сверхфразовые единства и предложения. Различия между ними заключаются не только в «обеззвученности» внутренней речи, не только в различии между реляционным отношением, пропозицией и предложением, но в большой мере еще в том, что во внутренней речи переход от одной пропозиции к другой без особой нужды не эксплицируется. Недостаточная оформленность, разорванность этой речи объясняется глобальностью реляционных предикатов и отсутствием необходимости считаться с интересами адресата. Во внешней же речи адресант вынужден считаться с уровнем знаний адресата и с тем, что ему известно о той области, которую описывает текст (пресуппозиция). Развернутое сообщение всегда разбивается на отрывки, связанные сред-

ствами межфразового синтаксиса, среди которых немаловажную роль играют вводные замечания. Внешняя речь невозможна без межфразовых сочленений типа «сначала, потом, таким образом, отсюда вытекает, например, иначе говоря» [1].

Предложив многоаспектный подход к синтаксису, мы различаем в нем четыре синтаксических механизма: вертикальные или подчинительные связи; горизонтальные, в частности, сочинительные, аппозитивные и уточнительные связи; механизм смещения по осям этих связей, в результате которых, например, может реверсировать направление доминанции (a number of men); и, наконец, механизм пространства вводности [2]. Первые три механизма обеспечивают, в основном, построение отдельных предложений, а пространство вводности специализируется преимущественно на выражении межфразовых связей и логического единства текста в целом.

Структуру пространства вводности можно представить как сферу, в центре которой расположены модальные слова (perhaps, seemingly, supposedly), а вокруг центра в виде сферических слоев вводные единицы (in all probability, to my alarm, all things considered, between ourselves), далее различного рода парентезы, затем вставки (Cheerful, naïf — one could forget that he was a cunning old intriguer — he gambled on) и, наконец, обособления (Then he starts — with dread), см. [3].

Почти все исследователи замечают текстообразующую функцию различных элементов пространства вводности, например, модальных слов [4]. Нашу задачу — подробную разработку текстоорганизующей и когезивной роли вводных и вставных элементов — целесообразно начать с перечисления и иллюстрации единиц, специально для этого предназначенных, чему и посвящается данная статья, а их название вынесено в заглавие.

В состав парентез мы включаем ряд отстоявшихся лексических образований и синтаксических позиций, которые по традиции исключаются из синтаксического строя предложения, регулярно или предпочтительно обособляются фонетически (и на письме), но не характеризуются несомненным значением метаязыковости, т. е. способностью обозначать отношение к десигнату [5]. Модус и диктум противопоставляются друг другу в принципе, однако в речевом акте они не могут не переплетаться и сливаться в одно неразрывное целое [6].

Кроме союзной парентезы, к парентезам относятся междометия, обращения, парентезы вежливости (with your permission) и тема — рематические парентезы (as for NP).*

* NP — noun group — именованное словосочетание.

Переходя непосредственно к союзным парентезам, отметим, что они выражают оценку связи между отдельными высказываниями или частями предложения и их зависимости от общего контекста, например, *Miss Grant ... wondered what she ought to do. Finally, she stayed where she was for another ten minutes or more...* (Priestley). Большинство грамматистов относит союзные парантезы — слова, сочетания или предложения, — к вводным единицам. В этом есть большая доля истины, так как многие союзные парантезы дают модальную оценку связям, и все они содержат мнение говорящего на аранжировку сообщения, распределение акцентов, очередность описания, причинно-следственные, гиподинамические и другие логические связи между отдельными мыслями, которые, вообще говоря, могли бы быть иными при ином подходе к той же описываемой ситуации.

Интересно, что в русских грамматиках прошлого века Ф. И. Буслаева, П. Перелесского и др. многие вводные единицы относились к союзам, и иногда выделялся особый класс союзов, передающий отношение говорящего к речи. В. Я. Плоткин довольно убедительно показал, как при сопровождении однородных членов предложения модальные слова становятся равноценными двойным и парным союзам типа *either — or* [7], например, ... *it was a splendid novelty, eating at that hour, and something of novelty, perhaps, eating at all, certainly, eating steadily through four general courses* (Priestley).

В. М. Никитин, наоборот, исключает из состава вводных обособляемые единицы типа **кроме того, сверх того, вдобавок к тому** (8). Он прав постольку, поскольку все они связывают явления описываемой действительности в той же мере, как и высказывания о них. Но они входят в пространство вводности, о чем свидетельствует довольно регулярное обособление и свобода позиции. Мы считаем целесообразным включить эти единицы не во вторую сферу пространства вводности, т. е. не в состав вводных единиц, а в третью сферу, в парантезы, так как они связывают содержание высказываний и в то же время элементы ситуации общения. Именно так понимал обсуждаемую группу элементов пространства вводности В. В. Виноградов. Он перечисляет разряды языковых единиц, которые он располагает между модальными словами и союзами. Слова эти выражают обобщение, заключение, присоединение, вывод, выделение, ограничение, количественную и качественную оценку отдельных мыслей в сообщении, уточнение, пояснение, присоединение, обособление, противопоставление, ограниченное допущение в рамках сообщения, порядок следования мысли, последовательность расположения в соответствии с оценкой степени значимости. В качестве примеров В. В. Виноградов приводит такие слова и сочетания как **прежде всего, наконец, наоборот,**

мало того, вместе с тем, то есть, главное, в частности, выходит, словом, итак, и многие другие. В. В. Виноградов настаивает на промежуточном характере этих единиц: «Промежуточное положение этих слов между союзами и модальными словами обнаруживается в том, что они сочетают функцию связывания членов предложения и предложений и функцию выражения оценки связываемого или присоединяемого, а иногда также функцию выражения отношения к сообщаемому со стороны говорящего. Кроме того, они и интонационно выделяются подобно модальным словам». [9]. Эта промежуточная группа слов, которая одновременно относится к вводным единицам (выражает метаязыковость) и не входит в вводные единицы (не выражает метаязыковости), но в любом случае разнопланова по отношению к описываемой реальности, находит себе место в предлагаемой нами системе в третьей сфере среди парентез.

Характерной особенностью союзных парентез, отличающей их от союзов и близких по смыслу вводных единиц, является способность связывать отрезки текста, расположенные дистантно, например, *There is also a confidential manservant. This little group forms the real family, for they travel about together, and Henderson is a great traveller, always on the move. It is only within the last few weeks that he has returned after a year's absence, to High Gable. I may add that he is enormously rich, and whatever his whims may be he can easily satisfy them. For the rest, his house is full of butlers, footmen, maidservants and the usual overfed, underworked staff of a large English countryhouse (Doyle).*

По характеру передаваемых отношений мы предлагаем выделить 10 групп союзных парентез.

1) **Начинательная группа:** *to begin (старт), with, first of all, to begin at the beginning, first and foremost* и др.

2) **Завершительная группа:** *at last, ultimately, eventually, finally, lastly, last of all* и др.

3) **Перечислительная группа:** *first (ly) — second (ly) — third (ly) — ... in the first place — in the second place, on the one hand — on the other hand, by one NP — by the other NP, in the one case — in the other case, for one thing — for another thing, at first — then* и др.

Иногда первый член перечисленных союзных парентез употребляется без последующих членов, и тогда он относится к начинательной группе, например: *In the first place, your Grace, I am bound to tell you that you have placed yourself in a most serious position in the eyes of the law (Doyle)*

Иногда второй член употребляется без первого, и тогда он относится к переключающей группе (см. следующую группу): It was good to know that the young man could be serious about something but, on the other hand, it was distressing to think that his next son-in law might be as given to furious partisanship as the first (Vidal).

4) **Переключающая группа:** in turn, to pass to another subject, in NP's turn, in the next place, for the rest, another thing и др.

5) **Присоединительно-усилительная группа:** what's more (important), what's worse, more than that, worse than that, at that, in addition, into the bargain, similarly, in a similar way, apart from that, also, as well, too, either, neither и др.

6) **Следственная группа:** consequently, in consequence, as a result, accordingly и др.

7) **Противительно-уступительная группа:** on the contrary, conversely, though, for all that, at the same time, all the same, alternatively, instead, the other way (round), vice versa, as it is и др.

Союзная парентеза в последнем примере вызвала много ошибочных интерпретаций. Забывая о связующей роли этого слова, некоторые ученые характеризуют *though* в конечном и среднем положении просто как наречие. Интересно мнение У. Резерфорда. Он предлагает для интерпретации *though* развертывающую трансформацию: I say *though* that she loves her husband \Rightarrow I say, *though* I have evidence to the contrary that she loves her husband. Это подразумеваемое придаточное предложение, по мнению У. Резерфорда, относится не к главному, а к воображаемому перформативному предложению, которому подчинено все высказывание в роли дополнительного придаточного [10]. Это полностью совпадает с нашим пониманием метаязыковости, а включение подразумеваемого придаточного уступки показывает связующую роль *though*.

8) **Ретроспективная группа:** as mentioned before, to return и др. ...it is just the wide seas...that wash their hearts...

9) **Иллюстративно-пояснительная группа:** for example, for instance, that is (i. e., viz), namely, say и др.

10) **Дистрибутивная группа:** respectively, as the case may be, correspondingly и др.

Многие из союзных парентез очень близки к относительным вводным единицам, когда они отражают относительную важность высказывания. К ним можно причислить *firstly*, *secondly*, *to begin with*, *more than that*, *last of all*,

finally, lastly, first and foremost, first of all, in the first place, in the second place, eventually и некоторые др. Союзные парентезы соприкасаются с обыкновенными сочинительными союзами and, but, or, for, которые не входят в пространство вводности. На границе пространства вводности в этом плане находятся союзные наречия. Эта группа слов отстоялась в языке как средство передачи отношений между предложениями. Состав их нельзя считать устоявшимся, и возможны взаимные переходы с безусловными союзными парентезами, наречиями и союзами. Можно предложить следующий примерный список: besides, further, furthermore, hence, henceforth, however, likewise, meanwhile, moreover, nevertheless, none the less, now, otherwise, still, then, therefore,* thus, yet. Н. А. Кобрина, впервые описавшая союзные наречия в советской лингвистике, отмечает, что они могут выполнять в предложении роль вводных единиц или обстоятельств и союзов [11]. Союзные наречия указывают на различные виды логических и экспрессивных отношений последующей мысли к предыдущему сообщению и характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой. Их нельзя считать союзами, потому что они не только служат для выражения связи мысли, но и вносят еще дополнительный смысл. Они не имеют характерного для союзов закрепленного места в предложении. С одной стороны, союзные наречия связаны с союзными парентезами, например, союзная парентеза to begin with регулярно выполняет свою связующую роль с союзным наречием then: To begin with, it was a respectable street... Then too, it was entirely composed of proper houses... (Priestley). С другой стороны, союзные наречия очень близки к союзам и наречиям. Для разграничения элементов пространства вводности и обстоятельственной или чисто союзной функции можно привести ряд критериев. Например, В. Я. Плоткин показывает, как nevertheless, however и некоторые другие союзные наречия могут связывать части высказывания, подчиненные друг другу, что отличает их от сочинительных союзов [13]. Более того, союзное наречие может сочетаться с подчинительным союзом, например, ...Scanland and Mc Murdo were quite determined to be present at what they called «the fun». When, therefore, at an early hour one morning Mc. Murdo heard them creeping down the stairs he awakened Scanland... (Doyle). Мы предлагаем относить все союзные парентезы к пространству

* Наряду с therefore к союзным наречиям можно отнести другие слова такой же структуры (Б. А. Ильин назвал их местоименными наречиями) [12]. They gave him Jimmy's name and address. Thereupon, Mr. Memsworth dictated a telegram of theatrical dimensions... (Priestley);

вводности, а союзные наречия в одних случаях считать союзными парентезами, а в других — обстоятельствами или союзами и не включать в пространство вводности. В начальном положении необособленные союзные наречия выступают как обстоятельства или союзы, а при начальном обособлении или в ненадлежащей позиции мы считаем те же слова союзными парентезами. В сочетаниях с сочинительными союзами союзные наречия можно расценить как союзы или наречия, с одной стороны, и парентезы, с другой. Это переходный случай. Если расценивать их как усилители союзов [14], то они будут союзами. Если считать, что связь между явлениями действительности уже выражена, а они берут на себя метаязыковую роль связи высказываний, то они являются парентезами или, как пишет А. И. Аникин, совмещают функцию вводной единицы и союза [3]. Совместная встречаемость с сочинительным союзом ограничивает союзные парентезы от сочинительных союзов, которые не допускают синтагматического контакта между собой: He tried to be disappointed, told himself he must see her as soon as he could, but nevertheless he could not help feeling relieved (Priestley); I don't like it, and besides I think we ought to start all over again (Priestley). Высказывания в речи могут быть связаны отдельными предложениями и даже сериями предложений. Например, This was the more painful as she was as loving a wife as a man could have — to all appearance absolutely devoted.

Now for the point which I will make more plain when we meet. Indeed, this note is merely to give you a general idea of the situation and to ascertain whether you would care to interest yourself in the matter. The lady began to show some curious traits quite alien to her ordinarily sweet and gentle disposition (Doyle) [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Канцельсон С. Д. Речемыслительные процессы. — *Вопр. языкознания*, 1984, № 4, с. 7—8.
2. Биренбаум Я. Г. Сложноподчиненное предложение в современном английском языке: Учебное пособие. — Челябинск, 1981, с. 5.
3. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. — Челябинск, 1976, с. 22—53.
4. Теоретическая грамматика английского языка. — Л., 1983, с. 86.
5. Вейрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: *Новое в лингвистике*, т. 5. — М., 1970, с. 189.
6. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, с. 62.
7. Плоткин В. Я. Связь вводных слов с частью предложения (на материале английского языка) — *Сб. науч. тр. Карел. пед. ин-т*, 1957—1958, т. 5. Петрозаводск, 1958, с. 51—52.
8. Никитин В. М. Вводные слова в русском языке, их специфика и типы. — *Сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ин-т*, № 8, Рязань, 1949, с. 125.

9. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке.— Сб. науч. тр. Ин-т рус. яз. М., 1950, т. 2, с. 79.

10. Rutherford W. E. Some observations concerning subordinate clauses in English. Language, 1970, vol. 46, No 1, p. 109.

11. Кобрин Н. А. К вопросу о «союзных наречиях» в современном английском языке.— Сб. науч. тр. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; т. 21. Л., 1956, с. 117—120.

12. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948, с. 141.

13. Плоткин В. Я. О синтаксической категории вводных элементов в английском языке.— Сб. науч. тр. Карел. пед. ин-т, т. 6. Петрозаводск, 1959, с. 191—192.

14. Никитин В. М. Указ раб., с. 133.

15. Аникин А. И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1953, с. 5.

16. На материале русского языка эти предложения подробно рассмотрены в статье И. М. Новицкой. См.: Новицкая И. М. Целые предложения в функции средств межфразовой связи.— В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности.— ЛГУ, 1973, вып. 1.

М. В. Буковская
(Челябинск)

ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ АФОРИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В последние годы появилось несколько работ, посвященных исследованию афоризмов. Афоризмы рассматриваются в них в структурном, семантическом, функциональном, текстовом планах [1]. Однако текстообразующие функции афоризмов изучены еще недостаточно.

Данная статья ставит перед собой задачу рассмотреть роль афоризмов в композиции художественного произведения, в раскрытии концептуального содержания и внутреннего мира героя. Работа ведется в русле изучения структуры текста и тех его средств, которыми достигается единство художественного повествования, рассмотрения внутритекстовых отношений на фоне общей композиции произведения,

Исследование проводится на материале романа Р. П. Уоррена «Вся королевская рать». Роман написан от первого лица. Рассказчик является одновременно и действующим лицом и повествователем. Все описываемые события преломляются одним центральным восприятием.

Речевая структура повествования рассказчика является необходимым компонентом лингвистической категории образа автора, выдвинутой В. В. Виноградовым.

В раскрытии внутреннего мира героя-повествователя важную роль играет композиционное оформление повествовательного материала, распределение информации, ибо оно находится в непосред-

ственной зависимости от специфики мыслительной деятельности повествующего персонажа.

Роман пронизан этическими и философскими оценками, присутствующими и в плане рассказчика, и в плане персонажей. В речи рассказчика есть нарушения линейной последовательности повествования, которые создаются за счет реминисценций, структурных сдвигов от повествующего «я» к «он», когда рассказчик в определенных моментах предпочитает говорить о себе в третьем лице, — от «я» к «вы» в лирических и философских пассажах; отступления от принятой нормы повествования создаются также за счет многочисленных афоризмов.

Уже то, что афоризмы составляют заметную часть повествовательной структуры романа, делает их значимыми элементами текста: «Частое — значимо, значимое — часто» [2].

Присущая афоризму автосемантичность [3] не исключает его тесных синтагматических связей с ближайшим контекстом. Будучи особым типом текста, афоризм не является чужеродным отрезком, не автономизирован от соседнего с ним повествования, но специфически связан с контекстом справа и слева.

В данной работе рассматриваются не только отдельные афоризмы, но и фрагменты текста, состоящие из афоризма и примыкающих к нему справа и слева одного или нескольких предложений, продолжающих, развивающих или иллюстрирующих основной тезис. Такие фрагменты текста называются в работе афористическими комплексами.

Проследим, как распределены в тексте афористически отточенные высказывания рассказчика, как они соотносятся друг с другом и целым текстом, какова их роль в композиционно-смысловом оформлении романа, в раскрытии его идейного содержания.

Главная нравственная проблема романа «Вся королевская рать» — это проблема нравственного самоопределения человека, познание как цель жизни, идея взаимосвязи людей и явлений в мире. Эта проблематика тесно связана с образом протагониста-рассказчика Джека Бёрдена. Рассказывая историю возвышения и падения губернатора Вилли Старка, Джек одновременно описывает путь собственных нравственных поисков, мучительную одиссею самопознания.

Уже в первой главе заявлены основные темы произведения, развивающиеся затем на протяжении всего романа. Их можно вычлени́ть из текста в виде самостоятельных фрагментов — афоризмов рассказчика.

Так, описывая психологический момент ожидания того неизбежного потрясения, которое Джек испытывает от выступлений Вилли Старка, рассказчик так завершает поток ассоциаций:

The end of man is knowledge, but there is one thing he

can't know. He can't know whether knowledge will save him or kill him. He will be killed, all right, but he can't know whether he is killed because of the knowledge which he has got or because of the knowledge which he hasn't got and which if he had it would save him (p. 28).

Здесь с характерной для афоризма отточенной обобщенностью и категоричностью отражены темы судьбы (the end of man, save, kill) и познания (knowledge, to know), являющиеся тематическим и идейным стержнем романа.

С этой первоначальной посылкой созвучно признание героя, содержащее его жизненное кредо. Как и в предыдущем случае афористический комплекс включает в себя несколько афористических высказываний и близких к ним по смыслу предложений, составляющих единый смысловой блок:

What you don't know, don't hurt you for it ain't real. They called it Idealism in my book when I was in college, and after I had got hold of that principle, I became an Idealist. If you are an Idealist, it doesn't matter what you do or what goes on around you because it ain't real anyway (p. 46).

Позиция «идеалиста» освобождала героя от рефлексий по поводу его поступков и служила удобным обоснованием собственной версии о себе как о человеке, выполняющем приказы «технически безупречно» и при этом не несущим никакой ответственности за свои действия. Такая стратегия самоустранения означала в конечном счете свободу от нравственных обязательств. Добавочным смыслом эта идея обрастает еще в одном афористическом отступлении от ткани повествования. Стремясь отогнать от себя навязчивые воспоминания о детстве и юности, которые служат укором его теперешней духовной невесомости, Джек говорит:

If human race didn't remember anything, it would be perfectly happy (p. 54).

Не помнить, не задумываться, ни за что не отвечать, не страдать — вот этот аккорд, который суммирует отправную точку нравственной позиции повествователя.

Несмотря на кажущуюся категоричность и настойчивое самонадеянное убеждение, эта позиция очень неустойчива. Джек Берден — человек раздвоенный, нецельный, продукт «ужасной негармоничности века». В нем борются тяга к познанию, увлеченность истиной, характерная для историка, и боязнь истины, недоверие к возможности познать и объяснить жизнь, экзистенциалистский тезис «предопределенности». Афористические рассуждения в речи рассказчика дают возможность увидеть и эту противоречивость установок, и неровный, нервный, многоступенчатый путь интеллекту-

ального и морального возмужания героя. Вот некоторые из этих афоризмов:

...Luck is what about makes you and me what we are...; life history is a process of ... becoming what luck makes us. (p. 73).

Life is Motion toward Knowledge (p. 147).

Life is all but the dark heave of blood and the twitch of the nerve... (p. 285)

...Process as process is neither morally good nor morally bad (p. 356).

Само обилие размышлений и оценок контрастирует с декларируемой рассказчиком установкой на принятие мира таким, каков он есть («The world was full of things I didn't want to know»).

Размышления о жизни, судьбе, собственном «я» часто сопровождаются ироническими пассажами, которые даже на фоне общей насмешливо-скептической тональности произведения выделяют афористические комплексы как особо яркие островки текста, несущие в образной, ассоциативной, часто парадоксальной форме обобщенный образ духовного поиска героя на каждом новом витке бытия. Например:

For Life is Motion toward knowledge. If God is Complete Knowledge, then he is Complete Non-Motion, which is Non-Life which is Death (p. 147- 148).

Или:

They say you are not you except in terms of relation to other people. If there weren't any other people there wouldn't be any you because what you do, which is what you are, has only meaning in relation to other people. That is a very comforting thought when you are in the car in the rain at night alone, for then you aren't you, and not being you or anything, you can really lie back and get some rest. It is a vacation from being you. There is only a flow of the motor ... between the you which you have just left in one place and the you which you will be when you get to the other place. You ought to invite these two you's to the same party, some time. Or you might have a family reunion for all the you's with barbecue under the trees. It would be amusing to know what they would say to each other (p. 129).

Ирония, скепсис, цинизм свидетельствуют о трудности поиска, невозможности однозначно и окончательно истолковать проблемы времени, жизни, судьбы, своего места в мире.

...You cannot lose what you have never had... You are never guilty of a crime you did not commit (p. 285).

Эволюцию героя можно проследить, выстроив в цепочку афоризмы, связанные с темой прошлого, истории.

Сначала рассказчик с настойчивостью констатирует тезис о разрозненности настоящего, прошедшего и будущего, что вытекает из его позиции идеалиста:

...Whatever was is not now and whatever is will not be... (p. 190).

...All those dead in the past never lived before our definition gives them life (p. 214).

Историка, по мнению Джэка Бердена, должны интересовать только факты, какими бы они ни были:

A student of history does not care what he digs out of the ash pile, the midden, the sublunary dung heap, which is the human past. He doesn't care whether it is the dead pussy or the Kohinor diamond (p. 153).

Моральные последствия этих «раскопок» не должны приниматься во внимание: The truth shall make you free (p. 241) — подразумевается свобода от ответственности, от устаревших нравственных запретов.

Но реальная, ненадуманная жизнь настолько сложна и непредсказуема, что ее невозможно охватить удобной вязью силлогизмов. События собственной жизни и жизни близких ему людей, чуть мыслителя и врожденная интеллигентность заставляют рассказчика отказаться от успокаивающих совесть заповедей. Под влиянием драматических событий Джек Берден пересматривает свое отношение к себе, к людям, к жизни, к прошлому. Большим нравственным испытанием явилось для него осознание своей причастности к гибели близких ему людей.

Окрашенный сентиментальностью или цинизмом прежний взгляд на историю как на сумму разрозненных фактов и образов уступает место трезвому, зрелому подходу человека, осознавшего естественную связь времен и готового принять «ужасную ответственность века».

...I have now come to understand: that we can keep the past only by having the future, for they are forever tied together (p. 284).

But if anything is certain it is that no story is ever over, for the story which we think is over is only a chapter in a story which will not be over... (p. 323).

...if you could not accept the past and its burden there was no future for without one there cannot be the other (p. 391).

Обретение утраченного исторического чувства сказалось и на изменении взглядов рассказчика на роль истины, познания. Познание может освободить человека не от ответственности, а от иллюзии, заблуждений, легкомыслия и самоуверенности. Познание

тяжело дается человеку, истина может быть мучительна:

For the truth is a terrible thing ... For there is a blackness of truth, too (p. 312).

...All knowledge that is worth anything is maybe paid for by blood. Maybe that is the only way you can tell that a certain piece of knowledge is worth anything: it has cost some blood (p. 387).

Главным итогом духовной эволюции героя явилось обретение цельности, преодоление негармоничности в самом себе, а отсюда и готовность к активному житнетворчеству.

...if you loved and were loved perfectly then there wouldn't be any difference between the two you's or any distance between them. They would coincide perfectly, there would be a perfect focus, as when a stereoscope gets the twin images on the card into perfect alignment (p. 260).

Итак, афоризмы в повествовании рассказчика в романе Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» имеют разнообразные текстообразующие функции.

Афоризмы рассказчика группируются вокруг таких понятий, как жизнь, познание, время и тем самым способствуют вычленению некоторых тем произведения. Афоризмы отражают развитие, изменение, расслоение и переплетение этих тем, что обеспечивает тематичность текста, выявляют взаимодействие фрагментов текста, расположенных дистантно, осуществляют внутреннюю смысловую непрерывность текста и являются одним из средств создания глобальной связности и цельности текста.

Смысловая структура произведения связана с его композицией. Контуры строения текста, схему его композиции можно передать с помощью логических единств, которые могут быть внешними по отношению к тексту [4], или с помощью самих единиц текста, например, афоризмов. Афоризмы в речи повествователя выстраиваются как план-конспект романа, как заголовки глав, как композиционные шаги, ступеньки разворачивания сюжета и фабулы. Они же, как мы видели, являются теми узловыми моментами, которые вскрывают динамику развития образа повествователя, становление его как личности. Сопоставление разнохарактерных этических оценок разных персонажей (сравни, например, этические заповеди Вилли Старка, тоже афористически оформленные), сопоставление их с судьбами героев является одним из способов выявления авторской позиции и определения нравственного мира романа [5].

Таким образом, афоризмы в романе являются слагаемыми содержательно-концептуальной информации.

Логически усиливая темы и идеи произведения, афоризмы притягивают к себе устойчивые образы романа, которые обрастают символическим значением, сосредоточивают сигналы, обуславливаю-

щие ироническую и парадоксальную тональность романа. Иными словами, поднятая на ступень обобщения мысль выдвигается в афоризме и сопряженном с ним тексте с помощью конвергенции стилистических средств, что делает афористические комплексы наиболее эмоционально насыщенными и эстетически оформленными фрагментами текста.

Перечисленные свойства афористических комплексов — их тесная соотнесенность с главным субъектом, их роль в акцентуации существенных моментов идейно-содержательной информации, их функционирование в качестве ключевых пропозиций в композиционном развертывании романа, их интенсивная внутренняя оценочность и внешняя экспрессивность — обуславливают высокий прагматический потенциал афористических комплексов и позволяют отнести их к сильным позициям текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Еленевская М. П. Структура и функции афоризма. — Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983; Дедусь Л. Ф. Синтактико-архитектоническое и сюжетно-композиционное членение художественного текста. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983; Каджарова М. М. Композиционно-стилистические особенности английского эссе первой полов. XVIII в. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983; Русинова А. Н. Абстрактное слово в составе сентенции. — В кн.: Текстобразующие свойства слова и предложения. Горький, 1982.
2. Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтическом тексте. — В кн.: Структурная типология языков. М. 1966.
3. Еленевская М. Н. Указ. раб., с. 18.
4. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980, с. 55—56, 107.
5. Белая Г. Нравственный мир художественного произведения. — Вопросы литературы, 1983, № 4.

А. К. Гильдина
(Челябинск)

К ВОПРОСУ О РЕТРОСПЕКЦИИ В ТЕКСТЕ

Исследование художественного текста как целостного явления предполагает выявление логики его развития, проникновения в замысел автора, освоение заложенной в тексте смысловой и эмоциональной информации, коммуникативного задания, связи с экстралингвистическими факторами.

Способы и средства реализации авторского замысла, отбор и распределение конкретных слов, предложений, принципы организации текста представляют значительный интерес для исследователей, так как являются выражением диалектического соотношения между семантикой и функционированием языковых единиц, планом содержания и планом выражения.

Восприятие художественного текста, отмечает Ю. М. Лотман [1], представляет собой ряд повторов и возвращений, существ-

вующих не во времени, а в некоем мысленном пространстве, оно целостно: каждая часть раскрывает свою семантику лишь в отношении к целому, и поэтому для наиболее адекватного восприятия своего произведения автор стремится использовать такие средства и способы выражения, которые наилучшим образом обеспечивали бы внутренние связи между частями текста, осуществляли задуманное воздействие на читателя.

Языковые единицы, составляющие текст, испытывают его воздействие и, одновременно, сами влияют на его форму и содержание. Это взаимовлияние и взаимообусловленность проявляется на всех уровнях текстовой организации. Так, изучение актов словообразования в тексте показало качественное своеобразие возникновения и функционирования производных слов под давлением текста как интегрирующего феномена [2]. Предмет данной статьи составляет исследование влияния синхронно происходящих словообразовательных процессов на некоторые свойства текста. Е. С. Кубрякова отмечает особую важность актов номинации словообразовательного порядка для анализа номинативной деятельности в целом. Осуществив поиск необходимого слова и не обнаружив подходящего названия, говорящий создает его сам, используя для этого известные ему словообразовательные модели или отдельные лексические образцы, по аналогии с которыми он строит нечто новое. Поиск адекватной синтаксической конструкции, пишет далее Е. С. Кубрякова, согласуется с выбранным обозначением отдельных частей описываемой ситуации и их структурно-семантическими особенностями [3].

Кардинальные свойства текста — содержательная цельность, структурная и семантическая связность — когерентность и когезия — определяются многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Одним из проявлений когезии текста является наличие в нем ретроспективных отношений между частями целого. Ретроспекция, по определению И. Р. Гальперина, это свойство текста заставлять обращаться к ранее сообщенной содержательно-фактуальной информации [4]. Ретроспекция проявляется двояко: 1) когда предшествующая информация уже была изложена в тексте, 2) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий, прерывает движение текста. Цели и виды ретроспекции зависят от прагматической установки: 1) восстановить в памяти читателя старые сведения или сообщить новые, необходимые для понимания; 2) дать возможность переосмыслить эти сведения в новых контекстуальных условиях; 3) актуализировать отдельные части текста, непосредственно относящиеся к содержательно-концептуальной информации.

Средства когезии, частным случаем которой является ретроспекция, т. е. средства связи между двумя и более элементами

в тексте [5], разнообразны — они могут быть как традиционно грамматическими, так и логическими, ассоциативными, образными, композиционно-структурными, стилистическими и ритмико-организационными и выражаются фонетическими, графическими, лексическими, словообразовательными и синтаксическими способами, а также их комбинациями.

Образование непосредственно в тексте новых производных слов служит, помимо целей номинации предметов и явлений, ретроспективным связям между частями текста. Акты номинации словообразовательного порядка, осуществляемые в процессе развертывания текста, создают эксплицитно выраженную ретроспекцию¹. Анализ языкового материала (более 500 контекстов, выбранных из произведений современных английских и американских писателей) позволяет выделить два вида эксплицитной ретроспекции — в зависимости от характера используемых языковых средств. Первый вид основан на повторяемости лексических компонентов в разноразном уровне оформления, его можно определить как лексико-синтаксическую ретроспекцию; второй — на повторяемости формы (модели) выражения при изменении лексического заполнения, называемый далее формальной ретроспекцией.

Лексико-синтаксическая ретроспекция осуществляется путем чередования разных средств выражения одного и того же содержания — производных единиц (сложных и аффиксальных слов) и словосочетаний. Например: «Kate was no snob. Man or woman, she cared nothing about the social class. But meanness, sordidness she hated. She hated bottom dogs... — Juana was obstinate and reckless... and there was a touch of bottom-dog insolence about her»/Lawrence, 88, 119/; «...the nightgowns with democratic hems and sailor collars» — «...a long blue peignoir covering her sailor-collared nightgown»/Stone, 24, 249/; «In the storage area was a shallow, wall-mounted lime green cupboard» — «Pierce stared at the storage room of the offices, at the little cupboard mounted on the wall»/Crichton, 22, 24/. В приведенных контекстах новая единица, образованная путем универбации словосочетания или разложением сложного слова на самостоятельные компоненты, вводится в текст с целью восстановить ранее упомянутые сведения об объекте. Аналогично достигается другая цель ретроспекции — дать возможность переосмыслить старые сведения в новых контекстуальных условиях: «But who spread the story about Rauch's visit to a woman friend» — «But the truth couldn't be told, and the story — spreader had relied on that»

¹ В связи с ограниченным пространством статьи мы не рассматриваем здесь другие способы ретроспекции (например, различные синтаксические приемы), а также имплицитную ретроспекцию, создаваемую семантическими средствами.

/McInnes, 143, 144/; «Miss Thompson, loud-voiced and garrulous, was evidently quite willing to gossip...» — «...presently they heard her voice too, hoarse and loud» /Maugham, 208, 209/. Отчетливо проявляется и третья цель ретроспекции при чередовании в тексте — актуализация отдельной части (элемента) текста, привлечение внимания читателя к определенной информации, сообщавшейся ранее. Например: «After that there wasn't even Wilcox or his small domineering wife who played hockey» — «There was just a chance there — if the hockey-playing wife didn't interfere» /Greene, 68, 72/.

Чередование аффиксальных производных и синтаксических единиц не имеет (по нашему материалу) такого же широкого применения в тексте, как чередование сложных слов и структурно-семантически соотносительных словосочетаний, хотя каждая аффиксальная единица несет в себе скрытую предикацию и может быть развернута в суждение. Исключение составляют чередования с компонентом *-like*, видимо, вследствие синхронно воспринимаемого родства с соответствующим компонентом сложения. Например: «...the coarse dark red hair bristling off his high skull like a mane» — «...the onetime thick dark-red mane-like hair» /Warren, 53, 57/.

Лексико-синтаксическая повторяемость может осуществляться и в усеченном, компрессном варианте, когда для восстановления в памяти ранее упомянутого факта или явления достаточно одного из компонентов чередующихся единиц, несущего основную смысловую нагрузку. Например: «Prosperous men and women gathered by the sapphire-coloured waters...» — «Neddy remembered the sapphire water at the Bunkers' with longing» /Cheever, 268, 274/; «Dona Carlota was delicate and sensitive like a Chi-huahua dog». — «Kate felt she had rarely met a woman with such a dog-like finess of gentleness» /Lawrence, 166/.

Сходным является прием ретроспекции, в котором ранее упомянутое слово становится компонентом сложной или аффиксальной единицы, причем одновременно реализуются две цели ретроспекции — возможность переосмыслить сведения в новом контексте и актуализовать определенную информацию. Например: «I saw him push a piece of bread under his jersey...» — «One day my bread-stealer arrived at half past two...» /Lawrence, 49, 50/; «I feel as if I've been here for a month. Part of the spell». — «Once more he had that uncanny sense of melted time and normal process; of an impulsion that was indeed spell-like and legendary» /Fowles, 114, 115/; «The Egg.» /название рассказа. — А. Г./ — «... into a far beautiful place where there were no chicken farm and where life was a happy eggless affair» /Anderson, 133/; «You are not very

police-y» /Fowles, 189/ — герой работает в полиции.— А. Г.; «He found that he was content to let it drift along. Very un-Erich» /Waller, 182/ — использовано имя героя.— А. Г.; «He had never come into touch with life save through literature...» — «...this dazed, starved literature-bewildered young German» /Lawrence, 185/.

Формальная ретроспекция, т. е. повторение словообразовательной модели при полном или частичном изменении ее лексического заполнения, как уже указывалось, также есть средство когезии. Приведем примеры: «Her mouth was thinned almost to liplessness but unpleasantly. In repose it showed a string of mindlessness» /Steward, 99/; «The whole mission, all the malfeasance, misfeasance and nonfeasance» /Waller, 108/; «My tale does not primarily concern itself with the hen... After ten years of worry... with tiny balls of fluff that passed into semi-naked pullethood and from that into dead henhood» /Anderson, 130/.

В отличие от лексико-синтаксической ретроспекции, которая базируется на лексическом тождестве элементов и имеет целью восстановить и подчеркнуть этот факт, повторение внешнего оформления единиц выражает стремление автора соединить различные явления с тем, чтобы подчеркнуть их сходство, однородность.

В процессе изучения ретроспективных отношений в тексте стал очевидным тот факт, что между выделенными двумя видами нет неизбежных границ, как нет границ и между категориями когезии [6]. Выявляется ряд смешанных видов, в которых наблюдается следующее: 1) повторение семантически нагруженного компонента в разных моделях сложных и аффиксальных слов, например: «Miss Shannon was ...a blonde lovely. The bleached hair swept back from a soft vacant baby-like countenance...», «...a certain shrewdness in the large baby-blue eyes» /Christie, 114/; 2) повторение одинаковых моделей, заполненных семантически близкими компонентами, например: «...fast-flowing Rhine», «The fast-running river...», «...the swift-flowing river» /Waller, 119, 120/; «A voice... enunciated in granite-hard words», «...alert eyes, at once gentle and gray-granite strong» /Stone, 477, 696/; 3) повторение одинаковых лексических компонентов в разных моделях сложных слов, например: «She could imagine...the closed down, non-giving thin expression on the thin, handsome lady-killer face», «Once had driven her out to the Bois in his lady-killing British racing green sports car» /Shaw, 18, 23/. Возникающие ретроспективные отношения имеют целью актуализировать данное содержание, привлечь к нему внимание читателя.

Приемы лексико-синтаксической и формальной ретроспекции ус-

пешно используются авторами не только для создания соответствующих отношений между частями текста, но и для иных целей — выразительности, образности. Возникающие в контексте номинативные единицы часто оказываются насыщенными коннотациями, реализуя одновременно стилистическую и связующую функцию. Например: «A guard in cornflower-blue uniform, something on the order of what a chorus boy might wear in a musical comedy about the Franco-Prussian war...» — «...another guard in musical-comedy-blue appeared» /Waller, 80/; «This was Collier Mannichon. He was medium-sized, plump, his face was melon-round, melon-smooth, ...his high forehead melon-bulged. Looking at him, it was impossible not to be reminded of a smooth-skinned cantaloupe, ripe, but not particularly tasty, and equipped with thick glasses... There was a blondish fuzz on top of the melony forehead and a small watermelon of a paunch.», «Mannichon was married to a woman who looked like a casaba melon, and he had two children... who looked like what you might expect them to look like», «Where going? Mrs. Mannichon said, in a non-melony voice» /Shaw, 121, 122, 136/; «But that time was long, long ago, wasn't it? Pre-Hitler. Pre-Vera. Possibly prehistoric.» /Yaffe, 239/.

Анализ контекстов показал, что радиус действия ретроспекции разных видов различен: лексико-синтаксическая ретроспекция может охватывать значительные участки текста, от нескольких абзацев, глав до всего произведения в целом, тогда как формальная ретроспекция действует в пределах одного-двух абзацев, и, если не подкрепляется лексическими единицами, далее уже не воспринимается как ретроспективное средство.

Проведенное исследование позволяет заключить, что важную роль в механизме развертывания текста и обеспечения его структурно-семантической связности, интеграции его частей в целое играют словообразовательные номинативные процессы. Лингвистической основой для этого служит существование в языке типовой синхронной структурно-семантической соотносительности между сложными словами и словосочетаниями, производным словом и синтаксической единицей, т. е. изоморфизм и изофункциональность разноуровневых единиц. Введение в текст приемов синхронного словообразования способствует структурно-семантической связности, смысловой цельности. Созданные в тексте номинативные единицы, часто являясь авторскими новообразованиями, окказионализмами, придают данному тексту своеобразный, уникальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю. М. Лекции по структурной поэтике. — В кн.: Труды по знаковым системам, ч. 1: Сб. науч. тр. /Тартуск. гос. ун-т, вып. 160. Тарту, 1964, с. 171.

2. Гильдина А. К. О порождающем влиянии текста на образование сложных и производных слов современного английского языка.— В кн.: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку: Сб. науч. тр. / Дальневосточн. гос. ун-т Владивосток, 1985, с. 53.

3. Кубрякова Е. С. О номинативном компоненте речевой деятельности.— Вопросы языкознания, 1984, № 4, с. 13.

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 106.

5. Гальперин И. Р. Интеграция и завершенность текста.— Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1980, № 6, с. 153.

6. Хлебникова И. Б. К проблеме средств связи между предложениями в тексте.— ИЯШ, 1983, № 1, с. 6.

СОКРАЩЕНИЯ

Stone I. The Passions of the Mind. N-Y.; Signet Book, 1972. 620 p.
Crichton M. The great Train Robbery. N-Y.~ Bantam Books, 1976. 300 p.

Cheever J. Selected stories. M.: Progress Publishers, 1980. 230 p.

Shaw I. Rich Man, Roor Man. N-Y.; Dell Book, 1976. 666 p.

Shaw I. God Was Here but He Left Early. London: Pan Books, 1978. 219 p.

Maugham S. Rain and Other Stories. M.: Progress Publishers, 1966. 350 p.

McInness H. Pray for a Brave Heart. London: Fontana Books, 1969. 240 p.

Greene G. The Ministry of Fear. London: Penguin Books, 1944. 215 p.

Warren R. All the King's Men. Progress Publishers, 1979. 370 p.

Lawrence D. The Princess and Other Stories. London: Penguin Books, 1978.— 240 p.

Fowles J. The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. M.: Progress Publishers, 1980.— 170 p.

Anderson S. Selected Short Stories. — M.: Progress Publishers, 1981.— 350 p.

Waller L. The Moon-Spinners.— London; Pan Books, 1964.— 250 p.

Yaffe J. The Voyage of the Franz Joseph. E-Y.; Dell Book, 1971.— 350 p.

В. С. Козлов

(Челябинск)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В МЕЖУРОВНЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Необходимость рассмотрения реального функционирования языковых единиц определяется тем, что язык представляет собою не простую совокупность форм и категорий, а действительную систему, в которой по вертикали и горизонтали скреплены все звенья, хотя и с определенной степенью свободы их взаимоотношений [1]

Условия языкового окружения приводят к тому, что предложение перестает быть изолированной единицей, становится частью

целого. Именно включением предложения в текст снимается энтропия, порождаяемая отдельным предложением. «Однако наблюдать форму, ее содержание, ее функционирование, ее потенциальные возможности, — отмечает И. Р. Гальперин, — можно только изолировав ее, т. е. остановив движение языкового высказывания, и рассмотрев ее сначала вне связи с окружением, привлекая для этого весь накопленный ранее опыт анализа изолированных явлений, а затем в цепи» [2].

Приведенные выше точки зрения, по нашему мнению, являются чрезвычайно важными для выявления закономерностей межуровневой организации текста. Они точно отражают диалектическое единство части и целого в отношении единиц языка. Поэтому, для того, чтобы выявить особенности и закономерности межуровневой организации текста, необходимо, прежде всего, выявить особенности и закономерности функционирования единиц языка как в составе минимального языкового окружения, т. е. предложения, так и в условиях макроконтекста, т. е. в тексте. Анализ, таким образом, должен проводиться как на уровне предложения, так и на уровне текста.

Любой текст представляет ряд высказываний, связанных между собой. Включение языковых средств в текст всегда обусловлено целями и задачами, которые ставятся перед текстом, его прагматической установкой. Кроме того, каждый текст имеет вполне определенную функциональную направленность, т. е. принадлежит к определенному функциональному стилю. Поэтому использование языковых средств не может не испытывать на себе влияния, обусловленного целенаправленным отбором языковых средств в определенной сфере общения.

На примере рассмотрения особенностей функционирования обстоятельственных причастных оборотов в двух функциональных стилях — функциональном стиле газеты и функциональном стиле научной прозы — мы постараемся показать роль этой конструкции в межуровневой организации текста и доказать необходимость разграничения уровней лингвистического анализа.

В последнее время при проведении лингвистических исследований заметно переключение внимания на коммуникативный аспект, в котором значительно более резко проявляется сама сущность и природа синтаксических единиц, поскольку именно в последних воплощается или вернее реализуется сам язык [3]. Именно рассмотрение коммуникативного аспекта языкового явления, при котором используется методика анализа с применением актуального членения, помогает, по мнению В. О. Матезиуса, по-новому и гораздо глубже осветить проблемы, а также по-новому классифицировать уже известные и открывать новые факты [4].

Разработкой методики проведения исследований в этом русле

занимались многие советские и зарубежные лингвисты: М. Я. Блох, Б. А. Ильиш, Г. А. Вейхман, И. И. Ковтунова, В. О. Матезиус, Д. Фирбас, П. Сгал, П. Новак. Разнообразна и терминология для описания одного и того же явления. Из используемых терминов «основа» — «ядро», «субъект» — «предикат», «данное» — «новое», «тема» — «рема», наиболее приемлемыми являются «тема» и «рема». Тема — исходная часть высказывания, то, о чем сообщается, рема — то, что сообщается о теме [5].

В предложении, как известно, выделяется синтаксическая структура, образуемая так называемыми членами предложения и информативная или, как ее еще называют, коммуникативная структура, по которой разворачивается содержание и осуществляется взаимодействие между тематической и рематической информацией. Launching the pamphlet at a press conference, Labour's deputy foreign affairs spokesman Denzil Davies dismissed the latest news of a move to compensate Britain for its contribution to the Common Agricultural Policy as «tinkling proposals».

(M. Star. 6.06.82)

Причастный оборот с причастием I в функции обстоятельства времени выступает в качестве добавочного рематического элемента к группе темы предложения Labour's deputy foreign affairs spokesman Denzil Davies и группе ремы dismissed the latest news of a move... Причастный оборот соотнесен не с каким-то отдельным элементом предложения, а является добавочной ремой по отношению ко всей тема-рематической конфигурации высказывания.¹ Схематично цепочку тема-рематических элементов можно представить следующим образом: $R_2 - (T_1 - R_1)$.

Схема распределения информативной нагрузки остается неизменной во всех предложениях, осложненных обстоятельственным причастным оборотом. Во всех примерах причастный оборот в функции обстоятельства выступает в качестве дополнительной, добавочной рематической группы по отношению к тема-рематическому комплексу, репрезентирующему основную информацию сообщения. В подтверждение сказанного приведем пример предложения, осложненного причастным оборотом в функции обстоятельства уступки.

Looking pale, Mrs. Harris took notes while the judge spoke, as she had done often while witnesses testified over the past three months.

(NYT. 18.02.81)

Схема включения причастного оборота в информативную структуру предложения иллюстрирует дополнительный характер при-

¹ Вслед за представителями ПЛК, которые ставили знак равенства между предложением и высказыванием, дословно — «предложение — коммуникативное высказывание», мы допускаем сосуществование этих терминов [6].

частного оборота по отношению к тема-рематической группе предложения. Для того, чтобы выявить особенности коммуникативной организации предложений, осложненных обстоятельственным причастным оборотом, рассмотрим коммуникативную организацию сложноподчиненных предложений, включающих обстоятельственные придаточные предложения — синтаксические синонимы обстоятельственных причастных оборотов.

Any prime minister confident of an election victory with inflation rampaging at more than 130% might be accused of undue optimism.

When he also faces accusations of revealing vital defence secrets and reducing world opinion of his nation to an all-time low, he could reasonably expect to be laughed into political wilderness.

(D. Mirror. 26.07.83)

При анализе сложноподчиненного предложения с придаточным предложением времени в терминах актуального членения, в информативной структуре предложения отчетливо выделяются два коммуникативных и семантических центра высказывания, сформированные тема-рематическими группами придаточного и главного предложений. Отправным пунктом или темой придаточного предложения времени является личное местоимение he, в то время как оставшаяся часть придаточного предложения времени представляет собой группу ремы. Схема распределения информативной нагрузки с учетом информации только сложноподчиненного предложения выглядит следующим образом: $T_1 - R_1 - T_2 - R_2$.

Анализируя информативную организацию сложноподчиненного предложения с придаточным уступительным предложением, предшествующим главному, мы можем убедиться в том, что коммуникативная организация этого предложения в принципе не отличается от коммуникативной организации сложноподчиненного предложения с придаточным предложением времени.

Although black Americans generally continue to endorse liberal programs, more than a third of them support an idea advanced by political conservatives.
(NYT. 17.06.81)

Придаточное уступительное предложение в составе сложноподчиненного предложения имеет собственную тему, отправной пункт этой части высказывания — black Americans, и группу ремы, представляющей то, что сообщается о теме generally continue to endorse liberal programs. Таким образом, придаточное уступительное предложение формирует собственный коммуникативный и семантический центр высказывания в коммуникативной структуре сложноподчиненного предложения. Схема распределения инфор-

мативной нагрузки выглядит следующим образом: $T_1 - R_2$ — $T_2 - R_2$.

Идентичность схем распределения информативной нагрузки имеет место при рассмотрении всего корпуса обстоятельственных придаточных предложений в составе сложноподчиненных предложений, когда придаточное предложение предшествует основному коммуникативному и семантическому центру высказывания.

Анализ в терминах актуального членения позволил, таким образом, не только выявить различия в коммуникативной организации высказываний в зависимости от использования одной из синонимичных конструкций, но и формализовать эти различия.

Таким образом, коммуникативная организация предложений, осложненных причастным оборотом в функции обстоятельства, характеризуется тем, что причастный оборот соотнесен не с каким-то отдельным элементом группы темы или группы ремы, а со всем тема-рематическим комплексом высказывания. Выделение имеет только один коммуникативный и семантический центр, представленный группой темы и группой ремы. Выделение причастного оборота в функции обстоятельства в структуру высказывания увеличивает объем рематической информации, способствует интенсификации высказывания.

Коммуникативная организация сложноподчиненных предложений, включающих в свой состав обстоятельственные придаточные предложения, отличается от коммуникативной организации предложений, осложненных обстоятельственным причастным оборотом тем, что представлена двумя коммуникативными и семантическими центрами. Между частями высказывания существуют отношения коммуникативного равновесия.

Различия в коммуникативном статусе синтаксических синонимов, таким образом, приводят к перераспределению информативной нагрузки в высказывании в зависимости от использования одного из синтаксических синонимов: меняется коммуникативный «фокус» высказывания, т. е. выделяются разные его стороны, смещаются акценты в высказывании, устанавливается коммуникативное равновесие или же происходит смещение коммуникативного равновесия и интенсификация высказывания. Все это способствует структурной и смысловой организации высказывания.

В. Матезиус, подробно рассматривая актуальное членение предложения в статье «Язык и стиль», указывал на необходимость учитывать контекстное окружение при анализе в терминах актуального членения [7]. Именно включение предложения в текст создает определенные сложности при анализе в терминах актуального членения. Несомненно, что каждое отдельное высказывание имеет исходный пункт высказывания, то, о чем сообщается и то, что сообщается о нем. Несомненно и то, что предложение, вклю-

ченное в текст, получает контекстную обусловленность. В этом случае при проведении лингвистического анализа целесообразно учитывать особенности информативной организации отдельного высказывания и наложение новых свойств, обусловленных включением высказывания в текст. Подобный подход, по нашему мнению, позволяет вскрыть диалектическую сущность предложения, которое, с одной стороны, является самостоятельной единицей, а, с другой стороны, находится в зависимости от контекстного окружения.

Разграничение уровней при проведении анализа в терминах актуального членения (когда выделяется анализ на уровне предложения и на уровне текста) позволяет выявить инвариантные свойства информативной организации предложения при включении в его состав обстоятельственного причастного оборота и особенности использования причастного оборота, обусловленные включением высказывания в текст определенной функциональной направленности.

Особое внимание при включении высказывания в текст необходимо уделить высказываниям с причастным оборотом в функции обстоятельства, находящимся в препозиции. Это объясняется тем, что: 1) причастный оборот не формирует самостоятельного коммуникативного и семантического центра высказывания; 2) причастный оборот в этой позиции чаще всего выступает в качестве переходного звена от одного высказывания к другому; 3) причастный оборот часто соотнесен с предтекстом или послетекстом, то есть отрезком текста, предшествующим или следующим за используемым причастным оборотом.

Рассмотрение особенностей функционирования обстоятельственных причастных оборотов в функциональном стиле газеты и в функциональном стиле научной прозы позволило выявить определенные закономерности.

Engineer's No to Tory cash offer.

The rank and file national committee of the AUEW here yesterday delivered a smashing blow to right-wing hopes of taking Tory government «blood money» for union ballots.

A vote of 55 to 36 by this policy-making body of Britain's second biggest union magnificently upheld TUC solidarity against the anti-union Employment Act.

Opening yesterday's debate against the proposal, Hetfield delegate Ron Halverson reminded the committee that the TUC was totally opposed to the Employment Act.

(M. Star. 6.02.82)

В функциональном стиле газеты в информативной структуре предложения причастный оборот рематичен по отношению к тема-рематическому комплексу предложения. В то же самое

время на уровне текста причастный оборот также рематичен. Включение предложения в текст вызывает усиленную рематизацию причастного оборота. Совпадение рематичности на уровне предложения и рематичности на уровне текста свидетельствует о том, что основная функция причастного оборота в этом случае — функция введения информации рематического характера, функция продвижения сообщения.

Defending gay workers' jobs

Nearly 100 people attended a conference in Birmingham at the weekend around the theme of protecting the employment rights of gay workers. Over 30 trade unions sponsored delegates and the gay movement was widely represented.

Organised by the Gay rights at Work Campaign, the conference was opened by Birmingham Trade Council president Paul Mackney, who said that such an event would have been «unthinkable» 15 years ago.

(M. Star. 26.04.81)

При рассмотрении информативной организации высказывания, содержащего причастный оборот с причастием II, в условиях контекста газетной статьи, можно провести аналогию с предшествующим примером и эта аналогия окажется полной.

Причастный оборот с причастием II в структуре высказывания рематичен по отношению к основной тема-рематической группе предложения. Рематичен причастный оборот и по отношению к предтексту, если рассматривать его коммуникативный статус в условиях языкового окружения — контекста. Налицо функции причастного оборота: функция введения новой информации и функция продвижения сообщения. Именно эти функции характеризуют использование причастных оборотов в функциональном стиле газеты, когда причастный оборот употреблен в начале предложения и предшествует основному коммуникативному и семантическому центру высказывания.

В функциональном стиле научной прозы причастный оборот рематичен в коммуникативной структуре предложения по отношению к основной тема-рематической группе предложения. В то же самое время, на уровне текста причастный оборот тематизирован.

Homeostasis in English Usage

One of the most important rules in the homeostasis of culture is to avoid new ideas whenever possible, or in other words to do as little thinking as possible. Obeying this principle, the technical name «transistor radio» was of course interpreted as formed on the model of two-piece nouns like «girl-friend». A girl friend is a girl; therefore a transistor radio is a transistor. This economical solution is

typical of cultural homeostasis, which minimizes effort and softens cultural shock whenever possible.

(Martin Joos, p. 341)

Тематичность причастного оборота объясняется многими причинами: его соотносительностью с предтекстом, обобщающим характером, и, если использовать терминологию текстовых категорий, причастный оборот ретроспективен. Тематизация причастного оборота на текстовом уровне вызывает замедление, задержку в ходе линейного развертывания текста.

The heat transfer coefficient H , for heat transfer between the bulk wire and the protrusions may be derived from the assumption of uniform temperatures within each protrusion and within the bulk wire. Because no literature values exist for H , it was estimated to be at least ten times the gas-protrusion heat transfer coefficient. This has been shown to yield reasonable temperature differences between the protrusions and the bulk wire.

Based on these physical considerations, typical maximal values of the dimensionless parameters in the model appear in Table 3.

(Theory of liquid phase dispersion in packed columns, Vol. 12, 1981)

Введение в текст научной статьи причастного оборота с причастием II не вносит изменений в схему коммуникативной организации, отмеченной нами при использовании причастного оборота с причастием I. Причастный оборот сохраняет свою тематичность в структуре предложения, но тематизируется на текстовом уровне. Тематизация причастного оборота на текстовом уровне конституирует замедление в ходе линейного развертывания текста.

Таким образом, коммуникативная организация высказываний на текстовом уровне, обусловленная включением обстоятельственного причастного оборота в состав высказывания, отражает функциональную направленность текстов различных функциональных стилей.

Для функционального стиля газеты характерно введение все новой и новой информации, и именно эту функцию отражает коммуникативный статус использования причастных оборотов.

Для функционального стиля научной прозы характерно не только введение новой информации, но и обобщение и, связанное с ним осмысление уже известной информации, которое является основой для лучшего усвоения последующей содержательно-фактуальной информации. Причастные обороты в функции обстоятельства являются одним из средств организации логического построения текстов и логических переходов от одной мысли к другой в функциональном стиле научной прозы.

Коммуникативная роль причастных оборотов в текстах различных функциональных стилей отражает прагматическую направленность текстов на получателя информации. Усиленная рематизация причастного оборота в функциональном стиле газеты направлена на быстрое прочтение газетной статьи, на побуждение читателя к прочтению статьи через введение все новой и новой информации.

Тематизация причастного оборота в функциональном стиле научной прозы на текстовом уровне задерживает внимание читателя на определенных фактах, приводимых в научном тексте, заставляет его осмыслить и обобщить уже известную информацию перед восприятием новой

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980, с. 16.
2. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974, с. 31.
3. Гальперин И. Р. Указ. раб., с. 31—100.
4. Матезиус В. О системном грамматическом анализе. В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 229.
5. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Актуальное членение и порядок слов. М.: Просвещение, 1976, с. 29.
6. Матезиус В. Язык и стиль. В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., Прогресс, 1967, с. 448.
7. Матезиус В. Указ. раб. с. 450.

Н. В. Козина
(Челябинск)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСНОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В последнее время изучение функционирования формально-структурных элементов стало проводиться на более крупных отрезках высказывания и на тексте как речетворческом произведении. В результате лингвистика текста начинает смыкаться с лингвостилистикой. Внимание исследователей привлекает структурно-семантическая организация текста, при этом нередко моделируется содержательная сторона произведений. Наблюдается тенденция к анализу текстообразующих факторов. По этому поводу Ван Дейк пишет: «Вместо изучения особенностей всех возможных литературных текстов исследование выиграло бы при ограничении определенных типов литературных текстов: современная поэзия, психологическая новелла, классическая драма и т. п.» [1]. Придерживаясь точки зрения Ван Дейка, мы взяли в качестве объекта рассмотрения психологическую новеллу. Изучение литературного произведения выделяется, как у нас, так и за рубежом, в отдель-

ную область филологии. Для изучения литературного произведения в его целостности и индивидуальной неповторимости является недостаточным только чисто литературоведческий подход. Одни лингвистические методы анализа также не могут в полной мере раскрыть всю его глубину и многогранность. При анализе литературного произведения необходимо использование комплексного подхода, сочетающего в себе категории литературоведения и лингвистики. «Комплексный анализ предполагает рассмотрение литературного произведения в совокупности всех его компонентов и уровней». [2]. Это не предполагает просто их констатацию и определение, а предусматривает выявление их взаимодействия и взаимовлияния.

В качестве иллюстрации комплексного анализа литературного произведения мы взяли новеллу А. Моруа «Добрый день, милочка». В этой психологической новелле и композиция, и конкретное словоупотребление отражают эстетический идеал и идейно-художественный замысел автора. Новеллы, как и все по существу произведения А. Моруа, построены на ситуациях локальных и одновременно «вечных»: ревность, любовь, грусть. Подмеченные новеллистом чувства, переживания можно считать всезначимыми, а время возможного их проявления — безграничным. Обычные, иногда почти банальные сюжеты обретают особенную жизнь благодаря сосредоточенному психологизму. Читателю открываются все нюансы переживаний, малые, чуть уловимые причины, вызывающие обиду, подозрение, отчуждение. «Моруа не вводит нас в «лабораторию сознания» (внутренний монолог его манере не свойственен), зато он ставит нас так близко от этой таинственной лаборатории, что мы начинаем различать все, движения, шумы, пульс ее работы и понимать то, что раньше — в жизни — ускользало от нас». [3]. Склонность к психологическому анализу во многом предопределяется психологизмом искусства XX века, хотя в большей степени зависит от склонности писателя к проникновению во внутренний мир человека. Моруа предпочитает новеллы характеров, психологические наброски-миниатюры. Своими учителями Моруа считает Чехова, Мериме, Мопассана. Он их ценит за сосредоточенное внимание к обыденной повседневности, за умение обнажать скрытые конфликты, увидеть драматическое в банальном, выразить боль за несостоявшиеся жизни. [4]. Так что читатель вслед за автором тоже становится психологом, разгадывает сложный ребус человеческого характера.

В новелле «Добрый день, милочка» Моруа показывает человеческое сердце, начинающее «звучать» печально, тревожно или нежно от мимолетного воспоминания, случайного визита, преднамеренно коварной фразы. Годами может царить спокойствие, довольство жизнью, собой, но неожиданно сказанное слово, пре-

зрительный жест, снисходительная улыбка, и все кажется уже не столь бесспорным. Внешне невинные, но иезуитски продуманные реплики Сабинь сразу же поколебали счастье Антуана и Франсуазы Кене. Торжествует тонко рассчитанное женское коварство, беспощадное даже к тем, кто раньше был дорог. Ничего не произошло, но «мелочи» постепенно образовали «мощную лавину, что ее угрожающий гул долго еще будет сопровождать жизнь героев». [5]. Моруа настойчиво уточняет психологические нюансы отношений между персонажами. Это основная творческая задача, поставленная им перед собой:

Композиционно новелла представляет собой очень четкое и простое построение, организованное по принципу контраста и параллелизма, что способствует реализации эстетического задания — вскрыть внутренний механизм психологического поведения человека. Рассказ включает две экспозиции: 1) предваряющая собственно действие и вводящая в социальную обстановку, 2) включенная в развитие интриги, непосредственно предшествует и является причиной завязки. Первая экспозиция дается как воспоминание, довольно точно фиксирующее событие, является эмоционально окрашенной и характеризует уже индивидуальные особенности персонажей. Время основного действия недолго — время послеобеденного визита гостей. Доминирующей композиционно-речевой формой является диалог. Элементы описания природы включены в общую повествовательную ткань рассказа. Чаще всего собственно повествование и описание переплетаются, дополняя друг друга. Портретные характеристики даны очень точно, позволяя представить образ введенного в изложение персонажа и раскрыть его внутреннее содержание. Повествовательная структура включает в основном двуголосное (автор и Антуан) описание, так как позиция автора излагается часто через образ и поступки Антуана.

Средством выражения основного контраста является столкновение позиций Антуана и Сабинь в их оценке Франсуазы, а также истинное и ложное «лицо» Сабинь, которое постепенно раскрывается в новелле. Чем крупнее автор дает план изображения персонажей, тем рельефнее в нем выступит контраст. Принципом контраста определяется манера поведения Сабинь, она то порывиста, то ласкова, то искренна, то коварна. Во всем ее облике, несмотря на желание показать себя честным, порядочным, благожелательным человеком, чувствуется страстная, неудовлетворенная жизнью натура, которая способна на всевозможные нечестные ухищрения с единственной целью своего самоутверждения. Этот контраст между мыслями и словами персонажа подчинен основной антитезе, противопоставляющей корыстолюбие и лицемерие подруги, с одной стороны, и искренность, доброту и порядочность мужа Франсуазы, Антуана, с другой стороны.

Принцип контраста не является исключительной принадлежностью какого-либо стиля. «Антитетичность присуща мышлению вообще, и всякое сопоставление, а, следовательно, и анализ явлений предполагает выяснение схожего и различного». [6]. Контраст в раскрытии характеров направлен на обнаружение истинного за показным, видимым, сущностного за кажущимся, внутренней мотивировки за внешним поведением.

Использование контраста обнаруживается в параллелизме, симметричности сюжетной организации новеллы. Параллелизм проявляется в последовательном изображении всех трех персонажей, их эмоционально-психологического состояния и их внутреннего мира, чему в значительной степени способствует описание их портретов и фактов личной жизни. Таким образом, композиция рассказа заключается в контрастно-симметричном построении, отражающем внутренний мир персонажей.

Проследим, как эстетическое намерение, то есть идейно-художественный замысел автора воплощается в словесной ткани произведения. Описание некоторых фактов жизнедеятельности персонажей и пейзаж непосредственно включены в повествование и содержат сведения, необходимые для развертывания сюжета. Основная их роль состоит в создании эмоциональной тональности, способствующей формированию эстетического эффекта рассказа, который должен соответствовать авторской оценке изображаемого. Использование стилистических приемов, включенных в описание, способствует формированию эффекта контрастности. Так, при описании сада эта функция реализуется при помощи антитезы: «Le theme de tout le jardin est l'opposition de fleurs sombres, violettes ou bleues, avec des notes très vives de jaune...» (Maurois, p. 87). Образ сада воспринимается не только буквально, но и иносказательно, как символ противопоставления злых намерений и честных, незапятнанных мыслей и поступков.

Моруа следует принципу строгого отбора деталей и отдает предпочтение тем, которые вызывают нужные психологические ассоциации.

Портретные характеристики подчинены идее создания облика персонажа. При описании Франсуазы автор использует снова прием антитезы. Изящный, утонченный облик героини ярко контрастирует на фоне ее резко отрицательных черт характера, отчетливо выделяя последние, демонстрируя противоречивость данного персонажа. «Il pouvait regarder sans lassitude... ce nez fin, ces yeux clairs et moqueurs, ce visage aux traits purs. Mais comme elle l'irritait parfois Pour choisir des meubles, des robes, des fleurs, Françoise avait un goût exquis. Envers les êtres humains, elle manquait de tact. Antoine éprouvait des sentiments douloureux quand Françoise blessait un de leurs amis». (Maurois, p. 82).

При описании портретов других персонажей автор использует ряд эпитетов, позволяющих уже некоторым образом раскрыть облик героев. В описании внешности Сабинны использованы обычные слова общеупотребительного характера, но их комбинирование позволяет создать зачатки конкретного образа. Портрет Сабинны складывается из ограниченного числа деталей, но их отбор, по-видимому, не случаен: «Sabine avait des cheveux noirs, un peu crépus, des épaules grasses, de beaux yeux» (Maurois, p. 84). Elle avait un tempérament de feu» (Maurois, p. 83). Эпитет *tempérament de feu* — дает конкретный образ страстной, темпераментной женщины. Употребленные выделенные эпитеты способствуют подчеркиванию этих особенностей характера, хотя они и нейтральны. Портрет состоит из ограниченного числа деталей, и их отбор целенаправлен. Моруа выделяет черные волосы, большие глаза, объемные плечи. Выражение лица не дается. Тем не менее облик Сабинны вычерчивается довольно отчетливо благодаря введению оценочных элементов, характеризующих ее как личность. Антуан, узнав о предстоящем визите, говорит о Сабинне: «Elle doit être une matrone mûrissante». Употребление данного эвфемизма способствует актуализации темы проницательного отношения к персонажу с элементами пренебрежения. Следующая мысль о Сабинне «Sabine allait être pointue» способствует реализации темы отрицательного эмоционально-оценочного смысла «настороженность». Характер и облик Сабинны проявляются также в ее разговоре, манере поведения при общении с Антуаном. «Vous m'avez... éblouie», «...vous étiez merveilleux», «je vous admirais tant» (Maurois, p. 88). Книжки Антуана являются по ее мнению «remarquable». «Je vous tiens pour un excellent écrivain». «J'ai même été frappée... par le silence de Françoise sur ce côté de votre vie» (Maurois, p. 89). Выделенные лексемы относятся к эмоционально-оценочной лексике, они способствуют реализации коннотативного значения — высшей степени проявления эмоций, что характеризует Сабинну как женщину эмоциональную, экспрессивную, динамичную. Фраза «Avec une surprenante rapidité elle se retourna» (Maurois, p. 88) благодаря введению оксюморного эпитета «surprenante» характеризует порывистость, динамичность Сабинны, может быть, даже ее необузданный темперамент. Речь Сабинны на протяжении всей повести насыщена эмоционально-оценочной лексикой положительного характера при ее оценке Антуана и отрицательного характера при оценке Франсуазы. «Les gens ne l'aiment pas, ils la détestent» (Maurois, p. 91). По ее словам Франсуазу считают «égoïste, coquette avec les hommes, un peu perfide avec les femmes... Très dissimulée... Et puis de manquer de tact...» «...C'est ce ton factice et cette voix dé-

sa gréable qui vous hérissent contre elle» (Maurois, p. (92). Elle était charmante, mais un peu so-sot tte». (Maurois, p. 88). Выделенные лексемы в результате наличия в них сем отрицательного эмоционально-оценочного значения способствуют формированию негативного отношения к Франсуазе и в неменьшей степени характеризует Сабину с отрицательной стороны, подчеркивая ее вероломство, коварство, непорядочность, даже жестокость. Антуан относится к Сабине с осторожностью, недоверчивостью, порой с неприязнью. Это проявляется в его реакции на поведение, высказывания и вопросы Сабрины. Так, при ответе на вопрос Сабрины «Quelle est cette odeur?» он употребляет сокращенную фразу, выступающую в данной функции в качестве эвфемизма, «Celle des oranges». Становится очевидным не только недовольство, но и даже едва сдерживаемая ярость. При ответе на вопрос, вспоминал ли Антуан о его дружбе с Сабриной, автор вводит употребление Conditionnel и вопросительной формы «Comment ne t'en souviendrais-je pas», выполняющих в данном контексте также роль эвфемизма, что способствует актуализации отрицательного эмоционально-оценочного смысла «насмешка», но и одновременно «осторожность».

В результате визита гостей, несмотря на критическое отношение Антуана к речам и поведению Сабрины, она добивается своего, и отношение Антуана к Франсуазе меняется. Их счастье, которое раньше казалось непоколебимым, находится под угрозой.

В этой новелле Моруа, как это часто можно наблюдать в других его произведениях, обрывает себя и свой рассказ на полуслове, избегая жесткого конца и оставляя читателю свободу самому додумать дальнейшее. Он как бы делает долгий аккорд, который сопровождает читателя и после чтения книги.

Моруа стремится не судить, а объяснять. Писатель не морализирует, он стремится констатировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Van Dijk. Some problems of generative poetics. *Poetics*, 1971, № 2.
2. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М., 1980, с. 14.
3. Балашова Т. Андре Моруа. — В кн.: А. Моруа. Карьера и другие рассказы (на фр. яз.). М., 1975, с. 8—9.
4. Балашова Т. Указ. раб., с. 13.
5. Балашова Т. Указ. раб., с. 9—10.
6. Хованская З. И. Указ. раб., с. 243.

СОКРАЩЕНИЯ

Maurois - A. Maurois. Une carrière et autres nouvelles.— М.: Прогресс. 1975.— 272 p.

ПЕРИОД КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ТЕКСТА

Закономерность интереса современного языкознания к изучению лингвистики связного текста, синтезирующего отдельные языковые явления во всех их многообразных проявлениях, обуславливается прежде всего стремлением объяснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации. Изучение синтаксической структуры целого текста и отдельных его компонентов в стилистическом аспекте — одно из необходимых звеньев в лингвистическом анализе этого явления.

Теоретический интерес к тексту подкрепляется задачами практического характера: методической науке необходимы надежные лингвистические основы обучения связной монологической речи как на иностранном, так и на родном языке. Изучение синтаксических единиц и распознавание из стилистических свойств создает возможность целенаправленного отбора выразительных средств языка, возможность сознательного использования их в разных речевых контекстах.

Объектом исследования в данной статье является период (стилистически маркированная единица), его композиционно-стилистика роль в художественно-публицистических текстах.

Период, представляя собой протяженную синтаксическую единицу, образующую новое смысловое единство, трактуется нами, наряду с абзацем и сложным синтаксическим целым, как структурная единица текста. Изучение периода не только как «определенной целостной единицы речевого общения», но и как составной части, строительного материала целого текста, позволяет раскрыть двоякую диалектическую природу периода: с одной стороны, это синтаксическое построение, обладающее относительной самостоятельностью, с другой — часть более сложного единства, зависящая от соседних единиц и от целого.

Разнообразие структурных вариантов периодических построений, их функциональная многоплановость, открывают широкие возможности художественного использования структур такого типа. Период имеет прямое отношение к композиционному, стилистическому и художественному своеобразию произведения.

Наряду с традиционными методами лингвистического анализа в работе применяется метод суперлинейного анализа. В данном случае этот метод нам кажется наиболее приемлемым, так как применяемый в основном к связным отрезкам текста, дает дополнительную информацию о потенциальных возможностях и качествах самих компонентов текста, что приводит в конечном

итоге к переосмысливанию сущности данной языковой единицы и ее ~~общей~~ парадигматической характеристики [1]

Единицы текста не равнозначны по степени своей информативности. Объем информации зависит от величины, характера и независимости данной единицы.

Структура периода предполагает увеличение смысловой нагрузки, лежащей на отрезок текста и, тем самым, увеличение напряженности, связанной с восприятием данного отрезка. Период может давать целую картину эпохи, представлять самые разрозненные, даже контрастные явления в ассоциативной связи.

Немаловажное значение для понимания специфики функционирования периода имеет вопрос объема периода, т. е. период представляет собой синтаксическое образование укрупненного объема. Резко увеличенный размер становится элементом стиля и как все стилевые элементы функционально нагружен.

Обязательным условием существования периода является его интонационная завершенность. Периодические построения характеризуются ритмической организацией частей, упорядоченной периодичностью временного и качественного порядка, что несет дополнительную стилистическую информацию.

Стилистический характер любого художественного текста (или его части) определяется стилистическими свойствами составляющих его элементов. Синтетизм, стилистическая насыщенность текста делает эту характеристику более сложной, требует определенной интерпретации эффекта совмещения разной стилистической окраски в едином художественном контексте, который заключается в том, что стилистическая окраска отдельного речевого явления обычно не столько выделяет это явление в его частности, сколько накладывает свой отпечаток на характер целого. В результате чего стилистические свойства языковых фактов становятся особенно значимыми.

Характер взаимодействия стилистических приемов в периоде может быть самым разнообразным. Например:

If you think you can jump in right now, without any apprenticeship, and lay bricks as well as a four, five or six years' apprenticed bricklayer; if you think you can jump in on the floor and nail on shoes on ten horses as well as a man who served a three, four or five years' apprenticeship at shoeing horses on the floor; if you think you can jump in and nail laths, or spread plaster, or do concrete work, without previous experience, better or as well as the men who have served their three, four and five years of apprenticeship; in short if you think that a vastly better-paid trade than that, namely the writing-game, can be achieved in your first short story not yet written, or long story not yet writ-

ten, why go ahead my boy and jump to it, and I'll pat you on the back— pat you on the back: the world will crush you in for the great genius that you are if you can do such a thing.

(London. Letters, p. 400)

Данный период представляет собой отрывок из письма Дж. Лондона, адресованного начинающему писателю. Все повествование носит эмоционально-напряженный характер. Тема, затронутая в периоде, близка автору, она волновала его всю жизнь и он неоднократно обращался к ней в своих художественных и публицистических произведениях. Рассуждая о нелегком писательском труде, который требует уюта, непрерывного расширения жизненного опыта, знаний, духовного кругозора, развития профессионального мастерства, Дж. Лондон призывает начинающего писателя запастись терпением и учиться писательскому мастерству как любому другому делу, которое требует предварительной подготовки.

Схематически изложенное здесь основное содержание выражается рядом стилистических приемов, которые существенно дополняют сообщение: 1) нарастание и ретардация (перечисление однотипных прилагательных предложений условий предшествует главному предложению); 2) ярко выраженный параллелизм синтаксической структуры членов вводящей части (одинаковый порядок слов, единство форм сказуемых и единство субъектов); 3) анафорический, эмфатический и корневой повторы; 4) сравнения. Ритмичность периода очевидна и наряду с метафоричностью играет важную роль в стилистической конвергенции данного периода.

Графически период часто совпадает с абзацем и является таким образом, средством композиции более сложного отрезка высказывания. Информация в данных типах текста имеет тенденцию к возрастанию, что заложено в них онтологически.

Анализ конкретного материала позволяет выделить две основные функции периода — экспрессивно-обобщающую (собственно стилистическую) и текстологическую (сопутствующую ей архитектурную). Эти функции период выполняет в широком контексте совместно с элементами различных уровней. В данной статье рассматривается текстологическая функция периода.

Мы выделяем текстологическую функцию периода как функцию создания текста, проявление которой в тексте не ограничивается только установлением связей между предложениями, а в большой мере соприкасается с внутренней организацией периода, с его смысловым значением как таковым и в отношении к контексту [2]

Истинные периоды представляют собой такие синтаксические образования, которые в силу своих формально-структурных и, в особенности, содержательных сторон выявляют своего рода самостоятельность, относительную независимость от контекста и даже

текста. В целом периодические построения, благодаря лингвистическим особенностям своей формы, тяготеют к автосемантическим структурам. В данном случае мы говорим не об отсутствии или наличии автосемантической/синсемантической, а о некоей общей тенденции, об интенсивности проявления этого признака (автосемантической). Так, будучи включенным в контекст, период, как правило, обнаруживает более ярко выраженную логико-синтаксическую автосемантию, но автосемантическая тенденция, в то же время, не исключает его тесной соотносительности с окружающим контекстом и носит относительный характер.

Для различных периодов характерны разные виды автосемантии, и разные степени ее проявления, в зависимости от использования периодических построений в различных композиционных частях произведения. Наличие межфразовых связей влияет на степень автосемантической отдельных периодических построений, например:

And when the age is at an end, when the sun has risen and the world is flooded with clear light and all the spectres have vanished, when the fine edges have been restored and hill and tree and stream come back to the sight, when men and women go walking in the fields, and turn their faces to the level light, careless of the long trembling shadows they cast behind them, when the world is seemingly re-made and given to man with the dew upon it, then you will find everything again in its place. But you will not find the crank.
(Priestley. Essays, p. 48)

Данный период имеет синсемантическую окраску благодаря союзам, связывающим его с предыдущим и последующим предложениями в абзаце. Но такие периоды представляют собой единичные примеры. В большинстве случаев периоды, расположенные в середине абзаца, автосемантически. Иногда мысль, выраженная в таких периодах, непосредственно не связана с основной линией абзаца.

Периоды, являющиеся начальными компонентами абзацев, обладают, как правило, наибольшей степенью автосемантической по сравнению с периодами, заключающими абзац. Максимальной автосемантией характеризуются периоды, графически совпадающие с абзацами. Периоды-абзацы представляют собой обычно законченные эпизоды, входящие в состав более крупного смыслового единства, например:

In the hardest working part of Coketown; in the innermost fortifications of that ugly citadel, where Nature was as strongly bricked out as killing airs and gases were in; at the heart of the labyrinth of narrow courts, and close streets, which had come into existence piecemeal, every piece in a violent hurry for some man's purpose, and the whole an

unnatural family, shouldering, and tramoling, and pressing one another to death; in the last close nook of this great exhaust receiver, where the chimneys, for want of air to make a draught, were built in an immense variety of stunted and crooked shapes, as though every house put out a sigh of the kind of people who might be expected to be born in it; among the multitude of Coketown, generically called «The Hands» — a race who would have found more favour with some people if Providence had seen fit to make them only hands, or like the lower creatures of the seashore, only hands and stomachs — lived a certain Stephan Blackpool, forty years of age.

(Ch. Dickens. Hard Times).

В этом абзаце из романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена» с помощью одного периода автор рисует картину рабочего города, показывает невыносимые условия жизни и труда шахтеров и некоего Стефана Блэкпула. Изъятый из контекста, этот отрывок представляет собой вполне исчерпывающее описание. Данный период абсолютно эксплицитен и не нуждается в поддержке контекста для полной реализации своего логического и эмоционального значений. В то же время данный период, вводя действующее лицо в роман, имеет прямую и непосредственную связь с тематическим контекстом всего произведения.

Тенденция периодических построений к автосемантии дает возможность их использования в различных композиционно важных частях текста. Здесь наибольший интерес представляют примеры употребления периодов в начале повествования, как-то: главы, раздела или целого произведения. Они в этом случае обычно графически совпадают с абзацем и обладают наряду с ранее названными характеристиками литературно-композиционной значимостью. В этом проявляется своеобразная, текстообразующая роль периода в организации смыслового и структурного единства текста: например, роман Диккенса о Великой Французской революции «Повесть о двух городах» начинается таким периодом:

It was the best of times, it was the worst of times, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity, it was the season of Light, it was the season of Darkness, it was the spring of hope, it was the winter of despair, we had everything before us, we had nothing before us, we were all going direct to Heaven, we were all going the other way — in short, the period was so far like the present period, that some of its noisiest authorities insisted on its being received, for good or for evil, in the superlative degree of compari-

(Ch. Dickens. A Tale of two Cities.)

Данный период содержит сведения экспозиционного характера: он вводит читателя в повествование, описывая в сжатой, лако-

нической форме сложную и противоречивую обстановку того времени. Оригинальна внутренняя композиция периода: вводящая часть состоит из десяти членов и полностью построена на использовании стилистического приема антитезы.

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что наряду с исследованием периодических построений в плане выявления стилистических потенций и функций их внутренней организации, проблемным является и изучение стилистического потенциала периода вовне, т. е. стилистико-композиционной роли периодических построений как весомых экспрессивных элементов структуры художественного текста в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1971, с. 7.
2. Halliday M. A. K. *Linguistic Function and Literary Style: A Symposium*. Oxford, L. N.-Y., 1971, p. 5.

В. Д. Маргулис
(Челябинск)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ЦЕЛОГО

Практика лингвистических штудий, связанных с описанием вербального текста, а также исследования в области логики и психологии позволяют сделать определенные выводы относительно основ развития современной теории речевого акта. Синтагматическая теория текста (СТТ) должна учитывать множество факторов естественного языка на единой концептуальной основе. Такой отправной базой СТТ может явиться иерархический подход к единицам высказывания с выделением основной функциональной составляющей речевого акта и учетом межуровневой системности в организации вербального текста.

Основными единицами естественного языка являются слова, словосочетания и речевые акты. Фонемы, морфемы, предложения, абзацы и предикативно-релятивные комплексы являются строевыми составляющими речевых целых. Особым статусом обладают высшие единицы языка: слово и текст. Трехмерная иерархия основных единиц языка позволяет учесть реальный, функциональный статус и объективную значимость всех составляющих. В то же время мы имеем дело и с системой уровней и представляющих их единиц.

Высшие, основные и строевые единицы языка в совокупности образуют принципиально организованную саморегулирующуюся систему, находящуюся под контролем и управлением аппарата

мышления. Единицы языка и единицы мышления являются основой для речемыслительного или, как было бы правильнее сказать, мысле-речевого процесса. Организация мышления в этой сложной системе является основополагающей, а организация речи подстраивается под структуру и функциональный механизм познания.

С этой точки зрения и объективности ради необходимо отметить, что изучение механизма познания по сути своей крайне необходимо при описании естественного языка и в особенности его содержательных параметров. Исследование аппарата мышления является одновременно и изучением естественного языка, а описание языка практически представляет собой в определенной мере описание мышления. Существующий в единстве и функциональном взаимодействии мысле-речевой процесс разделяется учеными лишь как научная абстракция и является приемом анализа. В действительности объект языкознания и логики един и неделим, как неделимы акт мышления и речевой акт (логическое и речевое целое).

При этом необходимо отметить, что вербальный текст является единицей как синтагматики, что признается всеми, так и единицей парадагматики, что еще не всегда поддерживается, так как обладает общими принципиально повторяющимися у всего многообразия речевых актов признаками и строевыми параметрами.

Организация мышления в самом схематичном и кратком виде нам представляется следующей. Восприятие объективной действительности позволяет разуму получать многообразную и ценную для бытия человека информацию. Эта информация отбирается, систематизируется и переходит в банк памяти. Анализ новой поступающей информации и обращение к опыту происходит параллельными путями. На основе необходимости, вызванной данной объективной обстановкой, устанавливается основное направление, главный предмет познавательного отражения. Познавательное отражение — первооснова механизма мышления, его фундамент. Средством и формой существования познавательного отражения, как и других ступеней мыслительного процесса, является естественный язык. От аналитического созерцания механизм познания переходит к обработке решения, творческого акта. Постулируется содержательное ядро познания объекта и делается вывод-решение, то есть создается суждение, основа дееспособности и функциональной силы мозга. Ядро-суждение детально разрабатывается сознанием, а на его основе принимаются частные суждения. На основе мысле-речевой проработки отражаемого объекта или участка действительности предпринимаются согласно командам мозга конкретные действия.

Вербальный текст чаще всего соответствует второй части акта познания. В нем уже, как правило, содержится принятое решение

или оценка участка отработанной действительности. В этом плане и следует вслед за Л. П. Добраевым [1] считать вербальный текст своего рода суждением или суждением-текстом¹. Такого рода тексты, как правило, встречаются в художественной прозе и в поэзии, в публицистике, в риторике, в научных сообщениях и публикациях. Уточним при этом, что под текстом понимается письменное или устное сообщение законченного характера, существующее как целое. Но есть и тексты, соответствующие первой части познания — познавательному отражению: перечни, списки, отчеты, указания, описания исходных данных и т. д. В этом случае мы имеем дело не с суждениями-текстами, а с текстами-отражениями.

Функциональные особенности единиц мышления обусловлены местом и статусом в системе данного акта мышления и типичными особенностями, закрепленными за данной единицей. Простые и сложные понятия, конфигурации понятий (релянты и комбинанты) [2], суждения (суждения-предложения, суждения-абзацы, суждения-предикативные комплексы, суждения-тексты) образуют двуединую систему единиц мышления и языка.

Понятию, как правило, соответствует лексико-семантический вариант, то есть словозначение, конфигурации — синтаксическое сочетание, суждению — лексическое словосочетание, суждению-абзацу, суждению-тексту — абзацы и речевые целые. Строевые единицы мышления в акте познания образуют логическую цепочку — логическое целое, соответствующее в языке тексту. Логическое целое и речевое целое — суть разные стороны одного объекта, мысле-речевого процесса.

Логическое целое (ЛЦ) представляет собой сложный и самый протяженный акт познания, его конечный продукт. ЛЦ обладает определенной структурой и организацией функционирования, то есть порождения и существования. Структура ЛЦ предполагает наличие исходного звена, его разработку и финальную часть. В его составе имеется ядро, состоящее из двух или трех понятий, образующих основную идею или собственно суждение-текст. Эта ядерная логическая конфигурация, представленная лишь двумя-тремя простейшими понятиями и в целом, образующими «сужденческую» конструкцию является представителем всего логического целого. В отдельных случаях в речевом акте это логическое ядро может выноситься в заголовок вербального текста, но оно может размещаться и в зачине, срединной части или финале.² Его расположение возможно в виде целостной конфигурации (словосочетания) или разрозненно в разных фрагментах целого.

¹ Проф. Л. П. Добраев считает суждениями-текстами речевые отрывки школьных учебников (учебные тексты). Нами этот подход трактуется расширительно: любой вербальный текст рассматривается как суждение-текст.

Представленная организация логического целого проецируется на структуру речевого целого и по сути в единицах языка повторяет познавательную цепочку. Только здесь мы уже оперируем понятиями словозначений, словосочетаний, предложений и текста. Содержательное ядро предстает в этом случае сверхсловосочетанием (ядерным словосочетанием, передающим логический информцентр). Над организацией речевого целого по сути давит структура познавательного акта, логического целого.

Единицы текста, повторяя в основном организацию и иерархию единиц мышления, в составе логической цепочки образуют сложную иерархию составляющих вербального текста. Высшие позиции в этой иерархии в пределах данного текста занимают одно- и несколькословные единицы, занимающие позиции информцентров. Семантическая структура ядерного сверхсловосочетания информцентра взаимодействует с организацией всего речевого целого. Микросодержательные связи и семантические составляющие ядра многократно развиваются и повторяются в системе целого.

Образование и развитие мысле-речевой цепочки — один из сложнейших и интереснейших механизмов высшей и наиболее организованной материи — человеческого мозга. Логико-речевое целое порождается и существует как снятый процесс, как результат сверхсложной отработки действительности и создания на этой основе творческого законченного (автосемантического) произведения мысли и языка.

Формирование речевого целого происходит одновременно и параллельно с формированием логического целого. Суть лингвистического постулирования целого произведения заключается, с одной стороны, в моделировании логическим механизмом механизма речевого и, с другой стороны, в наличии относительно саморегулирующейся или точнее самообусловленной системы парадигматических и синтагматических средств языка. Если структура логического целого формируется как бы с мгновенным незначительным «опережением» и подбором на этой основе средств языка, то организация и система речевого целого постулируется как бы с мгновенным незначительным «опозданием» и подвергается определению и выбору со стороны структуры логического целого.

В основе творения логико-речевой цепочки лежит коренной принцип развития элементарного понятия в простейшую конфигурацию и, следовательно, сложения смыслов и сложения слов. Творение мышления-речи происходит от некоторого исходного понятия (понятия-толчка) прибавлением к нему новых по строгим правилам допусков и разрешения на «сложение смыслов». Исходное понятие (субъект, тема, известное, экспликант, определяемое, уточняемое) соединяется с допускающим «сложение» относительным синонимом (дубликатом основания понятия). Происходит от-

носительное дублирование смыслов или эксплуатация относительного тождества. Второе понятие (предикат, рема, новое, экспликандум, уточняющее, определяющее) соотносится с первым как часть элементарного целого, образуя примитивное суждение в ракурсе логики или словосочетание в терминах языкознания. К этому ядерному по отношению к творимому мысле-речевому целому прибавляется последующее суждение-словосочетание и т. д. Основанием для продолжения мысле-речевой цепочки от исходного понятия и суждения является создание нового суждения к данному исходному субъекту или предикату. При этом исходный предикат становится субъектом второго суждения.

Необходимо различать исходное суждение и исходные понятия от ядерных суждений-словосочетаний. Исходная логическая единица и ее словесное представление в речи является первым словом, первым предложением текста как логического и речевого целого. Ядерное суждение-сочетание, информцентр целого (ИЦД) может совпадать с исходным, но может и, чаще всего, не совпадать. Исходное суждение является одной из частных составляющих ядерного, выделившегося в результате деления понятий. В языке исходному суждению соответствует топиковая фраза, а ядерному суждению — сверхсловосочетание, заглавное бинарное словосочетание текста. Творение логического и речевого целого начинается от ядерного суждения (понятия, суждения-толчка), а исходное понятие или суждение является лишь представителем ядра (информцентра), его частью.

Содержательная организация логического целого основывается на системе множественных атомарных исходных и вторичных суждений, звене ядерного суждения и его взаимосвязях по типу «сложения и деления» смыслов. Иерархия составляющих вербального текста включает в себя информационно-центральное ядрисе сверхсловосочетание, (ИЦД) соответствующее суждению-тексту или заглавному суждению логического целого, множество рядовых семантических и строевых единиц текста, развивающих и представляющих эту основную идею. Содержательная организация вербального текста определяет его просодическую, синтаксическую и стилистическую организацию. Подбор фонетических, морфологических, синтаксических и стилистических средств и параметров зависит в первую очередь от всей системы семантической организации целого и конкретной содержательной связи ядерных единиц.

Конкретные актуализованные речевые акты имеют ряд общих и различительных параметров. Общими признаками вербального текста являются следующие. Текст обладает достаточной протяженностью и объемом атомарных составляющих: заметка в газете, глава повести или романа, доклад, стихотворение. Один из ведущих признаков высказывания — заголовок. Сложное протя-

женное речевое целое обычно состоит из ряда сегментов: сверхфразовых единств (абзацев) и предикативно-релятивных комплексов, то есть допускает сегментацию. Ведущий признак текста — целостность содержания, законченность (автосеманτικότητα). Из этого вытекает и главный параметр произведения речи — наличие ядерного информационно-центрального суждения-текста, сверхсловосочетания.

К различительным особенностям произведения речи следует отнести лексическое заполнение позиций информцентра (слово, устойчивое словосочетание, ФЕ) и их комбинацию (слово и слово, слово и ФЕ, слово и устойчивое сочетание и т. д.), характер экспликационной взаимосвязи (способ сложения смыслов), контактное или дистантное расположение ядерных составляющих сверхсловосочетания, полноту или неполноту сегментов (зачин, развитие, финал). Различительные параметры вербального текста по сути дела составляют основу для синтагматической классификации речевых целых. В этом случае к типам текстов будут относиться высказывания с определенным наполнением ядерных позиций, способом содержательной связи и т. д.

Для отнесения текста к тому или иному типу принципиальное значение имеет характер содержательного взаимодействия между составляющими информцентра. Эти содержательные связи определяются степенью тождества значений корреспондирующих единиц в составе сверхсловосочетания. Спектр тождества здесь может быть весьма велик. От полного дублирования значения слова или сочетания субъекта (экспликандума) до противоположного, по типу логических антиномий. Синонимическая и антонимическая связи дефиниента и дефиниендума заглавного словосочетания являются относительно редкими. Чаще встречаются взаимодействия по типу слабого тождества и его различных степеней. Одна такая степень есть приближение к синонимическому взаимодействию (сильный импликационал). Другая — приближение к антонимическому, но не совпадение — слабый импликационал [3] или точнее его экспликация, то есть дублирование признаков слабого импликационала. В зависимости от того, какая степень дублирования значений у корреспондирующих единиц (абсолютная, сильная, слабая или отрицательная), устанавливается определенный способ содержательного взаимодействия ядерных субъекта и предиката. А в зависимости от способа содержательного взаимодействия формируется словарь текста и его синтактико-стилистические параметры.

Лексический состав речевого целого состоит из множества рядовых лексических единиц, слов и устойчивых сочетаний, образующих две или три большие агломерации. Первая группировка семантических единиц текста (СЕТ) тяготеет к заглавному субъекту-

дефиниендуму, вторая — к предикату-дефиниенту. В случае тройственного сверхсловосочетания, например, при переносном значении возможно и наличие третьей группировки. Содержательные взаимосвязи между СЕТ зачастую дублируют основное содержательное взаимодействие или представляют его по составным частям.

Сплошная выборка СЕТ из конкретного текста по существу может дать представление о его содержательном ядре и характере взаимодействия между корреспондирующими частями. Лексикон данного речевого целого составляет два или три синтагматических семантических поля, образуя широкий спектр рядовых лексических значений, являющихся представителями семантических признаков лексических составляющих информядра. Синтагматический анализ словаря некоторого речевого произведения одновременно может явиться и своеобразным дискретным анализом актуализованных значений информформационно-центральных единиц.

Строгая организация мысле-речевого произведения должна учитываться при переводе с одного языка на другой, подборе достаточных по объему речевых иллюстраций в словарях без отсечения основных содержательных взаимодействий, обеспечивающих актуализацию данного слова или ФЕ, при работе с учебным текстом или шире обучению родному и иностранному языкам. Описанная схема организации вербального текста является одинаково актуальной для научного, публицистического или художественного жанров, для протяженных автосемантических речевых целых и для их сегментов. В определенном смысле синтагматическая концепция вербального текста может рассматриваться и как концепция естественного языка вообще.

С позиций синтагматической концепции вербального текста принципиально важным является изучение содержательной и строевой организации речевых целых в зависимости от наполнения позиций информцентров, то есть текстов со словом-субъектом, текстов со словосочетанием (устойчивым)-предикатом, с фразеологизмом-субъектом ядерного сверхсловосочетания и т. д. Небезынтересно и сопоставление типологического характера ядер и их синтагматических воплощений с рядовой лексикой в однозначных текстах на разных языках, описание всех возможных типов и подтипов произведенной речи, возможностей компрессии информации на основе содержательных информцентров, сегментации протяженных речевых цепочек по объективным критериям, принципов преподавания языков с учетом содержательной организации текста и овладения этой организацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доблаев Л. П. Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969, с. 13, 14 и сл.

2. Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону, 1963, с. 35—70.

3. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983, с. 72—105.

Н. Б. Попова

(Челябинск)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЕЕ МЕСТО В ТЕКСТОВОМ МЕТОДЕ

Исследования текста ведутся разными дисциплинами, каждая из которых вычленяет свой определенный аспект в этой проблеме. Стилистическая интерпретация отличается от них тем, что охватывает все уровни текста, все аспекты описательной стилистики. Учет авторского и читательского кодов способствует более содержательной интерпретации текстовой информации, более точному определению особенностей структуры самого текста.

Объектом стилистической интерпретации настоящей работы является поэтический текст, то есть текст, наделенный стиховой структурой, со всеми вытекающими из нее поэтическими трансформациями. В основе исследования лежит структурно-функциональный метод, позволяющий охватить широкое многообразие текстовых отношений. Структурный анализ направлен на исследование разных лингвистических уровней поэтического текста в его статике. Функциональный анализ характеризует динамику поэтического текста, то есть направлен на выявление той семантико-прагматической информации, которая, будучи заложена в самой структуре текста, возникает непосредственно в процессе его восприятия читателем. Практической реализацией исследования статических отношений будет констатация на различных уровнях поэтического текста модели «параллелизм — нарушение параллелизма», рассматриваемой автором в других работах [1]. В процессе восприятия поэтического произведения и, следовательно, динамического функционирования указанных моделей отношение параллелизма ведет к поэтической мотивации, то есть созданию образа на любом уровне или участке поэтического текста [2]. Отношение нарушения параллелизма, создавая напряжение всех элементов структуры поэтического текста, активизирует поэтическую мотивацию, в которой концентрируется большое количество информации. Одновременно нарушение параллелизма отражает один из основных законов теории информации, согласно которому количество информации пропорционально ее неожиданности. Отношение нарушения параллелизма ведет к созданию образа на основе эффекта неожиданности или эффекта обманутого ожидания, рассматриваемого стилистикой декодирования в качестве одного из типов выдвиге-

ния [3]. Нарушения параллелизма могут быть в свою очередь объединены новым отношением параллелизма и способствовать образованию соответствующей поэтической мотивации и т. д.

Такова диалектика отношений в структуре поэтического текста. Связывая в тесное структурно-функциональное единство отношение параллелизма и поэтическую мотивацию, отношение нарушения параллелизма и эффект неожиданности, мы тем самым получаем конкретный метод исследования поэтического текста. Это собственно текстовый метод анализа, так как он направлен на описание поэтического смысла, который рождается только в тексте [4].

CLAIR DE LUNE

- 6—6 La lune était sereine et jouait sur les flots.—
6—6 La fenêtré entin libre est ouverte à la brise,
6—6 La sultane regarde, et la mer qui se brise,
6—6 Lâ-bas, d'un flot d'argent brode les noirs îlots.
- 6—6 De ses doigts en vibrant s'échappe la guitare. 5
6—6 Elle écoute... Un bruit sourd frappe les sourds échos.
6—6 Est-ce un lourd vaisseau turc qui vient des eaux de Cos?
6—6 Battant l'archipel grec de sa rame tartare
- 6—6 Sont-ce des cormorans qui plongent tour à tour,
4—4—4 Et coupent l'eau qui coule en perles sur leur aile
3—4—5 Est-ce un djinn qui là-haut siffle d'une voix grêle,
6—6 Et jette dans la mer les créneaux de la tour 10
- 6—6 Qui trouble ainsi les flots près du sérail des femmes?—
6—6 Ni le roi cormoran, sur la vague bercé,
6—6 Ni les pierres du mur, ni le bruit cadencé 15
4—4—4 D'un lourd vaisseau, rampant sur l'onde avec des rames:
- 6—6 Ce sont des sacs pesants, d'où partent des sanglots.
3—5—4 On verrait, en sondant la mer qui les promène,
6—6 Se mouvoir dans leurs flancs comme une forme humaine...
6—6 La lune était sereine et jouait sur les flots.
(Les Orientales, X)

Стихотворение «Лунный свет» представляет собой один из восточных мотивов сборника 1829 года, широкая цветовая гамма и материальная образность которого порывает не только с классицизмом, но и с ранним романтизмом, перенесшим законы эстетики тождества на описания религиозно-медитативного характера. Всеми своими структурными уровнями стихотворение отражает принципы романтического максимализма, главным из которых является прини-

тип контраста, отвечающий модели принципа нарушения параллелизма. Так, на уровне глубинных структур стихотворение передает восточную негу и жестокость. Обе темы сочетают в себе главные противоречивые качества романтической структуры: лирико-эпическое единство. Лирической стороной стихотворения является лунный пейзаж морского прибоя, перед красотой которого, кажется, замолкает гитара султанши. Эпическая сторона восточного колорита выступает в яркой сюжетности стихотворения и начинается, чередуясь с лирическими структурами, уже со второй строки. Султанша, закрытая от внешнего мира в серале, наконец, получает возможность ночью подойти к открытому окну. Но не ясная луна, не морской прибой привлекают ее внимание, а черные островки на серебристой волне и тревожные глухие звуки. После ряда поэтических вопросов и параллельных ответов, усиленных анафорическим «ні», отрицающим любое лирическое прочтение, автор дает объяснение непонятным явлениям. Черные островки — это тяжелые мешки с человеческими телами, в которых угадываются очертания женщин; глухие звуки метафоризируют рыдания и стоны казненных.

Таков лирико-эпический или, точнее, лирико-трагический сюжет стихотворения. Переданный лексико-синтаксическим уровнем, он представляет собой наиболее информативную часть уровня наблюдения. Передавая острую драматичность романтической концепции, он доведен до максимальной образности и практически является единственным способом проявления новой эстетики.

Особое изменение претерпел при романтизме поэтический синтаксис. Линейность повествовательных структур классицизма с ее причинно-следственной связью заменяется цикличностью и избыточностью синтаксических построений, основанных на отношении параллелизма. Такова циклическая избыточность однородных придаточных предложений с анафорическим союзом «qui» (стихи 3, 7, 9, 10, 11, 13, 18), однотипных поэтических вопросов (стихи 7, 9, 10, 11, 13) и трехкратного отрицательного ответа, сохраняющего бинарность ритма (стихи 14, 15). Синтаксическая избыточность наиболее сильно ощущается в стихах 7, 9, 10, 11, 13, где разные типы параллельных конструкций совпадают между собой, в результате чего непонятное явление, встревожившее созерцание лунного пейзажа, доводит сознание до крайней, физической тревоги.

Стилистическую окраску непонятного волнения, тревоги и, наконец, ужаса получают также стихи, в которых синтаксические конструкции не подчиняются принципу параллелизма. Своим избыточным и неожиданным появлением они скорее нарушают основной закон поэтического структурирования, вносят ощущение напряжения своей неуместностью. Речь идет о причастных и деепричастных оборотах, разбивающих естественную синтагматическую

сочетаемость структуры предложения. Одинокое деепричастие разбивает синтаксическую связь и без того инверсионного предложения, внося ощущение тревоги в умиротворенную картину лунного пейзажа: *De ses doigts en vibrant s'échappe la guitare*. Иатороженным становится и синтаксическое движение строфы, завершающейся избыточными развернутыми определениями в виде придаточного предложения и причастного оборота, которые могли бы составить параллельную конструкцию и потому воспринимаются как ее нарушение: *Est-ce un lourd vaisseau turc qui vient des eaux de Cos, Battant l'archipel grec de sa rame tartare*

И, наконец, в последней строфе нарушение синтагматической сочетаемости структуры «глагол в личной форме + инфинитив» развернутым деепричастием совпадает с резким переходом в глубинных структурах от ощущения тревоги к ужасу: *On verrait en sondant la mer qui les promène, Se mouvoir dans leurs flancs comme une forme humaine...*

Таково в поэтическом синтаксисе стихотворения Гюго избыточное функционирование обоих принципов поэтического структурирования, мотивированное новым сюжетом и новым мироощущением романтической эстетики.

Лексический уровень стихотворения также построен на избыточной образности. Метафоры, перифразы, сравнения, эпитеты наступают друг на друга, группируются в развернутые поэтические образы и метафорические темы, основанные в свою очередь на контрасте, то есть нарушения параллелизма на семантическом уровне. Как уже было отмечено, тематика стихотворения отражает две контрастные стороны восточного колорита: лирическую тему неги и трагическую тему жестокости. Лирическая тема передается высокопоэтическими метафорами, эпитетами, перифразами, символическими образами. Драматическая линия сюжета проходит через простые, но точные эпитеты и лексические метафоры.

Следующая таблица иллюстрирует тематическую контрастность образных средств стихотворения. Их противопоставление в процессе восприятия текста способствует увеличению стилистической информации за счет эффекта неожиданности.

Таблица

Образные средства	Лирическая тема	Драматическая тема
эпитеты	flot d'argent voix grêle bruit cadencé vague bercée lune sereine vaisseau turc rame tartare archipel grec	noirs flots bruit sourd sourds échos sacs pesants fenêtre enfin libre lourd vaisseau forme humaine

образные средства	Лирическая тема	Драматическая тема
метафоры	la lune jouait la guitare s'échappe la mer se brise et brode l'eau roule en perles couper l'eau ramper sur l'onde troubler les flots	des sanglots partent un bruit frappe la mer promène les sacs sonder la mer se mouvoir dans flancs
перифразы	des eaux de Cos L'archipel grec	
сравнение		comme une forme humaine
олицетворение	djinn	flancs (des sacs)

Сопоставление двух лексических групп как будто свидетельствует о некотором доминировании лирического плана. Однако это не так, если учитывать стилистическое функционирование представленных лексем. Образные средства высокопоэтического стиля, заимствованные у классицизма, сохраняют свою орнаментальность и, следовательно, однозначность. Лексемы драматического характера, несмотря на конкретность и внешнее отсутствие поэтичности, несут гораздо больше стилистической информации. Так, прилагательное *poigr*, кроме цвета, передает ощущение тревоги, так же как прилагательные *lourd* и *sourd*. Эпитет *enfin libre* раскрывает трагическую судьбу восточной женщины, свобода которой ограничена открытым окном ночью. Прилагательное *pesant*, хотя и является синонимом *lourd*, скрывает в себе уже не тревогу, а ужас казни своим материально осязаемым значением, идущим от метонимического *roids*. Наконец, прилагательное *humain*, характеризующее мешки, передает всю дикость нечеловеческой жестокости палачей. То же можно сказать и о функционировании метафор обеих групп. Высокопоэтические метафоры однозначны, так как их первоначальная образность стерта или стирается на фоне классицистической орнаментальности. И, наоборот, простая лексическая метафора, вводящая неожиданно трагические образы, дисгармонирующие с общим настроением лирического пейзажа, раскрывается одновременно обоими своими означаемыми. В результате возникает нарастающее ощущение ужаса. Оно появляется уже во второй строфе в стихе «Un bruit sourd frappe les sourds échos» в виде конвергенции метафоры *un bruit frappe*, эпитетов *sourd*, аллитераций (*br — fr, s—p—s—k*), воспроизводящих материальное ощущение глухих ударов, а также в виде семантики всех пяти лексем, общее значение которых связано с приглушен-

ным звуком. Далее, через метафоры *la mer promene les sacs* и *des sanglots partent*, ощущение ужаса конкретизируется и, наконец, раскрывается в конвергирующем сравнении последней строфы. Несмотря на простую форму сравнения *comme une forme humaine*, его тема состоит из двух метафор *sonder la mer, se mouvoir dans leurs flancs* и олицетворения *flancs (des sacs)*, очеловечивающего мешки и придающего им женские формы.

Отражая контрастность глубинных структур, построенных в разных планах изложения, обе темы находятся также в позиционном контрасте: одна начинает стихотворение, другая заканчивает его, образуя отношение параллелизма глубинных и поверхностных структур на уровне композиционного построения. Композиционно закончены и три строфы, заключенные между двумя тематическими метафорами, синтаксическая избыточность которых была проанализирована выше. Такой композиционный рисунок образно-синтаксических средств определяет специфику эстетического переживания поэтической информации. Лирико-поэтическая картина лунного пейзажа, созданная нагнетанием метафор, сменяется таким же поэтическим потоком вопросов о непонятном явлении, дисгармонирующим с общим пейзажем, чтобы затем вылиться в неожиданно мрачную метафору изощренной казни на фоне того же лунного света. Такое циклическое развитие поэтических образов с подчеркиванием безмятежности луны раскрывает острую драматичность романтической концепции, заложенной в самой структуре поэтического текста.

В отличие от лексического и синтаксического уровней метрический уровень стихотворения Гюго сохраняет свою классицистическую бинарность. Стиховой канон и эпический характер стихотворения как бы взаимно мотивированы в тексте. Исключительно правильный двенадцатисложник с регулярным ритмом 6-6 и внутриакцентным делением 3-3 и 2-4 соответствует скорее эпической размерности, чем лирической аффектации. С другой стороны, романтическая аффектация, присутствующая в тексте, не находит своего метрического выражения. На двадцать стихотворных строк приходится лишь четыре триметра романтического характера, которые могут быть легко прочитаны в ритме 6—6 и которые едва заметны в общем бинарном ритме. Отсутствие корреляции между лингвистическими уровнями, организованными на доминировании отношения нарушения параллелизма, и стиховой организацией, сохранившей жесткие рамки поэтического канона классицизма с его исключительной симметрией, усиливает напряженность романтической структуры. Отсюда эффект неожиданности и острая драматическая напряженность в проигрывании всех элементов наблюдения.

1. Попова Н. Б. Роль параллелизмов и их нарушений в структуре стихотворного текста.— В кн.: Функциональный синтаксис немецкого языка. Челябинск, 1977, с. 43—49; Попова Н. Б. Стилистическая функция и ее актуализация в структуре поэтического текста (на материале французской поэзии XVII—XIX веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1984.— 24 с.
2. Cohen J. Poésie et motivation.— Poétique, n 11 (1972), p. 432—445.
3. Арнольд И. В. Стилистика английского языка (стилистика декодирования).— Л.: Просвещение, 1973.— 304 с.; Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигения и проблема экспрессивности.— В кн.: Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975, с. 11—20.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982.— 157 с.

Л. М. Скредина, О. А. Турбина
(Ленинград) (Челябинск)

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРКАЛЯЦИИ ПО ТЕКСТАМ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVII в.

Ученые, занимающиеся описанием синтаксиса французского языка XVII в., обычно отмечают широкое распространение конструкций с дистантным расположением главных членов предложения за счет вклинивания (интеркаляции) между ними элементов различного характера. Такими элементами могли быть:

- а) наречия в роли обстоятельств, модальных или вводных слов:
 1. La marée cependant arrive de tous côtés... (Sévigné, 83);
 - б) именная группа (предложное имя) в роли обстоятельственных дополнений или обстоятельственных определений:
 2. Burrhus, après sa mort, fut extrêmement regretté à cause de sa vertu... (Racine, 142).
 3. Ces pendardes-là, avec leur pommade, ont, je pense, envie de me ruiner (Molière, 1860, 23);
 - в) причастные, герундиальные, инфинитивные обороты в функции обстоятельств, определений, часто эквивалентные придаточным предложениям:
 4. Dulcicula, charmée de la douceur et des manières honnêtes de Blanche, ne laissa pas de pénétrer la mauvaise opinion qu'elle avait de son baume... (Villandon, 133);
 5. Enfin elle allait être à un mari qui, en l'ôtant à ce qu'elle aimait, lui aurait toujours été odieux... (Bernard, 149);
 6. Il faut qu'un amant, pour être agréable, sache débiter les beaux sentiments, pousser le doux, le tendre et le passionné, et que sa recherche soit dans les formes (Molière, 1860, 24);
 - г) придаточные определительные предложения:
 7. Aussitôt le confesseur de l'abbaye, qui était un moine, grand ennemi de la réforme, voulut persuader à la mère Angélique de se retirer (Racine, 357);

д) вводные предложения:

8. ... Alix, dis-je, regarda la feinte paysanne avec mépris... (Villandon, 138);

9. ... toutes les ordures, Dieu merci, y sont a visage découvert (Molière, 450).

Ни в одном труде по синтаксису французского языка XVII в. не дается анализа и системного описания указанных конструкций, хотя о наличии таких конструкций обычно упоминают, оценки правомерности расчленения предикативного ядра мы находим уже в самых первых работах грамматистов и кодификаторов французского языка в XVII в., но они весьма противоречивы.

Так, Ф. Малерб (1606) объявил такую структуру предложения устаревшей и неприемлемой из-за ее явного несоответствия провозглашенным им принципам ясности и точности стиля. Разбирая у Депорта такие конструкции, как:

а) *Amour, tyran des Dieux,*

Les feux croisse en mon âme et les pleurs en mes yeus.

б) *L'univers se repose, et l'horison solitaire*

Des travaux journaliers est la treve ordinaire.

в) *Que vous vous efforciez l'une à l'autre de nuire*

Or c'est ce qui nous fait en main les armes prendre

Avec tant de trésor que l'âme en vous contemple [1].

Малерб осуждает, во-первых, интеркаляцию прямого дополнения (пример а) и, во-вторых, дополнения к предикативу (пример б); кроме того, он высказывается против свободы в расположении косвенных дополнений и обстоятельств (пример в).

Вслед за Малербом выступает Ш. Мона (1607), который требует придерживаться естественного порядка слов в предложении, т. е. порядка, согласно которому главные члены предложения располагаются последовательно (подлежащее—сказуемое) и преимущественно контактно [2]. Мона, тем не менее, допускает интеркаляции целого высказывания, представляющего собой нечто вроде вводного предложения (*espèce de parantese*). Слова этого высказывания, по его мнению, не касаются глагола, так как «происходит как бы остановка в повествовании (*suspension du sens*): *le Roy, apres avoir connu ma fidélité et diligence en plusieurs importants affaires, m'a amplement remuneré et depuis tous-jours bien aimé; les Ambassadeurs, ayans en plein conseil exposé leur charge, ont receu favorable response*» [3].

Однако, несмотря на осуждение интеркаляции такими авторами, как Ф. Малерб и Ш. Мона, конструкция все еще достаточно распространена. Даже спустя 30 лет, в 1632 году, А. Уден в своей грамматике сетует на то, что многие авторы продолжают разделять подлежащее и сказуемое другими элементами предложения, как это было свойственно авторам XVII в. Встречается даже очень

редкий для XVII в. случай разрыва личного субъектного местоимения и глагола-сказуемого, например, в выражении *je soubsigné confesse*. Уден считал, что эта, широко распространенная в деловом письме (при составлении обязательств) формулировка и другие ей подобные, встречающиеся у старых авторов, совершенно неприемлемы и должны быть заменены более правильными, например: *moi qui suis soubsigné, confesse* [4].

Аналогичные требования к построению высказывания предъявляет К. Вожла (1647), отмечая, что подлежащее может быть отделено от сказуемого лишь объектным или косвенно-объектным местоимением (*le, la, les, en, y*) или частицами *ne...pas*. Он возражает и против интеркаляций «висящих» фраз (*phrases suspendues*), которые вклинивались между подлежащим и сказуемым. Напомним, что у Мона и других предшественников Вожла остановка в повествовании при интеркаляции «висящей» фразы (придаточное определительное, причастный, герундиальный, инфинитивный оборот, вводное предложение) считалась нормальной, но Вожла настаивал на том, что эти висящие, или инцидентные фразы являются ненужным нагромождением и затрудняют понимание, следовательно, они находятся в противоречии с принципами чистоты и ясности стиля.

Однако «ясность» стиля понималась разными грамматистами по-разному. Так, например, один из авторов грамматики Пор-Рояля А. Арно полагал, что именно ясность стиля требует иногда употребления инцидентных фраз. По его мнению, интеркаляция «висящей» фразы была необходима для оформления высказывания как логически и семантически завершенного единства. С этой точки зрения Арно отмечает фразы правильные и неправильные. Правильные фразы — это те, которые построены не только грамматически правильно, но и ясны, логичны по содержанию. Из-за логической непоследовательности многие грамматически правильные фразы, согласно Арно, «выглядят не совсем законченными, поскольку часть заключенной в них информации не находит выражения, а подразумевается говорящим» [5]. И далее он приводит пример «неправильной» фразы: «Если бы кто-нибудь мне сказал: *la Gazette de Bruxelles du 14 Janvier 1662, touchant ce qui se passe à Paris est fausse*, я был бы уверен, что подразумевает он больше, чем выразил словами, поскольку из его высказывания невозможно определить, действительно ли эта газета лжива; необходимо, чтобы он привел такие подробности, которые позволили бы усомниться в правдивости того, что, например, в этой газете говорилось, *que le Roy avoit fait cent Chevaliers d'Ordre du Saint-Esprit*» [6]. Исходя из такого понимания правильности грамматического построения, Арно принимает интеркаляцию инцидентных предложений сразу после подлежащего. Это способствует,

по его мнению, достижению полноты и ясности высказывания, снимаемая двусмысленность. Фраза *la doctrine de Lucrece touchant la nature de nostre ame est fausse* — является, по мнению Арно, нелогичной и, следовательно, грамматически неправильной; надо уточнить, что именно ошибочно в доктрине, ибо «в целом доктрина такого философа, как Лукреций, не может быть ошибочной». Надо сказать так: «*l'opinion que nostre ame soit composée d'atomes, qui a été enseignée par Lucrece, est fausse*» [7].

В 1674 г. Д. Буур, страстный защитник идей Вожла, выступает с критикой концепции «господ из Пор-Рояля». Он, как и Вожла, считал, что за счет парантез авторы XVII в. создают большие периоды и перегружают ими тексты своих произведений на манер античных авторов — греков или римлян [8] — тогда как французский язык отличается от этих древних языков именно простотой строя. Буур живо и в лицах описывает свои споры по этому поводу с «господином Аббатом», имея в виду Арно. Он (Буур) сравнивает длинные парантезы с чудовищами о двух головах, четырех руках и ногах, и в качестве одного из аргументов в защиту своей концепции приводит и затруднения, связанные как с восприятием, так и с воспроизведением таких фраз: при произнесении одной из них он вынужден был вдохнуть несколько раз, хотя еще древние учителя красноречия отмечали, что периоды должны быть короткими во избежание утомления и говорящего, и слушающего. При этом Буур с насмешкой замечает, что господин аббат, который не обладал сильными легкими, не смог ничего ответить на это [9].

Как видим, среди грамматистов XVII в. не было единого мнения относительно характера конструкций с интеркаляциями. В целом, вопрос об искоренении конструкций, затрудняющих понимание изложенного, к которым грамматисты относили и конструкции с дистантно расположенными главными членами предложения, оставался неразрешенным на протяжении всего XVII в.; такие конструкции можно встретить и в произведениях французской прозы более поздних периодов. Не было единого мнения среди ученых XVII в. и относительно причин распространения конструкций с интеркаляциями. Одни из них (Малерб, Мопэ, Уден) считали такие конструкции устаревшими и объясняли их распространение влиянием языка произведений «старых» авторов XVI в., другие (Вожла, Буур) связывали такие употребления с влиянием античной литературы на произведения французских писателей XVII в., которое вызвало появление в текстах этих писателей конструкций, свойственных латинскому и греческому языкам, третьи (Арно) полагали, что конструкции с парантезами свойственны языку, поскольку их структура позволяет более полно выразить не только грамматическое, но и смысловое значение, что, по их мнению, находится в соответствии с логикой построения высказывания.

При изучении явлений и процессов французского синтаксиса XVII в. нельзя не учитывать приведенных выше суждений. Вместе с тем, следует обратить внимание на ряд других факторов. Так, начиная с самых ранних этапов своего развития, французский язык показывает преимущественное употребление фраз с прямым порядком слов, хотя в старофранцузский период встречаются и другие построения предложения. Они функционально маркированы, так как тот или иной порядок слов связан либо со структурно-коммуникативным типом предложения (придаточное, вопросительное и др.), либо с лексико-грамматической характеристикой члена предложения (местоимение, наречие и др.) [10]. Например, порядок, S—C—V¹ закрепился в синтаксисе французского языка как порядок таких предложений, в которых С выражается приглагольным объектным местоимением или наречным местоимением (у, en). Такую конструкцию можно назвать грамматически обоснованной, поскольку местоимение (в отличие от имени) сохраняет падежные различия между формами; кроме того, вклинивание местоимения в предикативное ядро не нарушает целостности последнего как единицы с семантическим и ритмическим ударением на определяемом, т. е. на глаголе.

В сопоставлении с такими конструкциями предложения с интеркаляциями в XVII в. имеют архаический характер. Тем не менее, они сохраняют свойственную уже старофранцузскому синтаксису тенденцию к специализации того или иного порядка слов на той или иной синтаксической функции. Так, интеркалированные дополнения выражены неодушевленными именами существительными и носят стилистический характер выделения. Проанализируем очень редкий для XVII в. случай интеркаляции прямого дополнения — имени существительного (оно подчеркнуто):

10. Je déclare au prince Th. et au marquis de L. et à tous ceux qui ces présentes lettres verront, gu'il ne faut pas prendre garde à moi (Voiture) [11].

Выделению интеркалированного дополнения способствует указательный детерминатив, который связывает все предложение с предшествующим и последующим контекстом, подчеркивая значимость данного предмета речи. Кроме того, благоприятные условия для интеркаляции беспредложного дополнения-имени создает относительное местоимение *qui* в роли подлежащего, поскольку, во-первых, оно теснее связано с антецедентом, чем с глаголом-сказуемым, а во-вторых, сама форма — *qui* без предлога — говорит о выполняемой им функции подлежащего. К перечисленным факторам, позволяющим данное употребление, следует отнести также

¹ Сокращение S—C—V означает *Sujet-Complément-Verbe*; в позиции дополнения рассматриваются объектные и обстоятельственные дополнения.

противопоставление одушевленного подлежащего неодушевленному дополнению.

Встречаются интеркаляции беспредложного существительного в роли определения:

11. N'a-t-il pas, par exemple, ceux qui se font les plus grandes amitiés du monde, et qui, le dos tourné, font galanterie de se déchirer l'un l'autre (Molière, 1961, 531).

Интеркалированное определение в таких случаях носит ярко выраженный характер обособления, имеет обстоятельственный оттенок и обязательно выделяется запятыми; подлежащее часто выражено относительным *qui*.

Гораздо более часто встречаются интеркаляции дополнения-предложного имени существительного с зависимыми словами (или предложениями) или без них:¹

12...j'ai rencontré un orfèvre qui, sur le bruit que vous cherchez quelque beau diamant en bague pour faire un présent à votre épouse, m'a fort prié de vous venir parler pour lui.. (Molière, 1961, 554).

13. M. de Luxembourg, avec la sienne, nous côtoira de fort pres (Racine, 514).

Интеркалированное предложное имя существительное выполняет обычно в предложении функцию обстоятельства (пример 12) или, реже, косвенного дополнения (пример 13). Относительное *qui* в роли подлежащего встречается приблизительно в 50% примеров данной конструкции. Такую частотность можно считать довольно высокой, если учесть, что в конструкциях с интеркаляциями других типов (за исключением интеркаляций наречий) подлежащее *qui* почти не встречается. Следовательно, позиция подлежащего в конструкциях с интеркаляциями предложного или беспредложного имени существительного является значимой. Противопоставление $S_{Nan} - (C_{N\ in\ an})$ (здесь и далее скобки обозначают интеркаляцию элемента) также является релевантным для конструкции $S_N - (C_N) - V$, поскольку около 90% таких конструкций имеют в позиции подлежащего одушевленное имя. Количество неодушевленных подлежащих расширяется в таких конструкциях за счет употреблений, встречающихся в стиле научного изложения, где речь идет о неодушевленных предметах и понятиях:

14. Car le quel, laquelle, lesquels, et son féminin, avec leurs cas, sont des mots assez rudes, s'ils ne sont bien placez selon les reigles que nous en donnerons en son lieu (Vaugelas, 123—124).

¹ Из 1000 примеров, взятых нами для анализа из прозаических произведений XVII в. различных авторов и различных жанров методом сплошной выборки, встретилось 156 примеров на интеркаляцию имени существительного, среди которых нет ни одного примера интеркаляции беспредложного имени существительного.

Однако следует отметить, что даже в научных трактатах неодушевленное имя существительное в роли подлежащего в конструкциях с интеркаляциями вообще и в конструкции с интеркаляцией имени существительного в частности — явление довольно редкое.

Конструкция S-(С_N)-V в сопоставлении с конструкцией S-C_{гoп}-V считается устаревшей уже в первой половине XVII в. Помещение перед глаголом двух неформленных падежно имен существительных (ср. с местоимениями: il-le, il-lui) могло привести к смешению их функций. В силу того, что первое место в предложении (слева от глагола) закрепляется за подлежащим, дополнение смещается вправо и занимает постглагольную позицию. Это приводит к исчезновению из употребления интеркаляций беспредложного существительного — прямого дополнения: в XVII в. они почти не встречаются. Частотность же интеркаляций косвенных дополнений и обстоятельств остается довольно высокой, хотя и постепенно сокращается к концу периода. О постепенном сокращении употребления таких конструкций (и других конструкций с интеркаляциями) можно судить, например, по переписке Ж. Расина: в письмах, написанных им в 60-е годы, предложений с интеркаляциями приблизительно на 20% больше, чем в письмах, написанных им же в 90-е гг. (пример 13 относится к 1693 г.). Современному языку такие конструкции не свойственны.

Среди факторов, приведших к исчезновению конструкций с интеркаляциями, следует особо отметить развитие выделительного оборота *c'est...que*, при помощи которого обособляются дополнения и обстоятельства. Этот оборот конкурирует по степени выразительности с интеркаляцией, и конкуренция заканчивается в пользу выделительных оборотов. В результате этого процесса до наших дней сохранился лишь один вид интеркаляции имени существительного — в роли обособленного определения. Такую же функцию может выполнять и обособленное прилагательное (с зависимыми словами или без них), а также причастие прошедшее:

15. Il est vrai aussi que cette humidité et cette mollesse du cerveau, jointes à une grande chaleur, lui donnent in mouvement facile et continuel ... (Fénélon, 12—13).

В XVII в. такие употребления можно встретить в произведениях различных жанров как средство украшения стиля.

Сходный характер имеют конструкции с интеркаляциями наречий в роли различного рода обстоятельств:

16. Elles ne cessaient d'exagérer et d'envier le bonheur de leur amie, qui cependant ne se divertissait point à voir toutes ces richesses (Perrault, 79).

Однако они обнаружили большую живучесть в языке по сравнению с интеркаляциями имени существительного: хотя такие кон-

струкций были признаны архаическими в XVII в., они сохранились в современном языке. Этому способствовало противопоставление подлежащего-существительного (или относительного местоимения) обстоятельному дополнению-наречию.

В особый класс интеркаляций, встречающихся в прозе XVII в., следует отнести парантезы или «фразы по случаю» [12]. Обобщая мнения грамматистов XVII в., к парантезам мы будем относить: 1) интеркалированные придаточные определительные предложения, которые в XVII в. часто выполняли функцию различных обстоятельных придаточных; 2) вводные предложения; 3) обороты, образованные неличными глагольными формами в функции различного рода обстоятельств и обстоятельных придаточных; а также смешанные типы, состоящие из нескольких различных по характеру элементов: а) имя существительное в функции обстоятельства или обстоятельного определения + зависимое от него придаточное предложение, б) имя существительное + инфинитивный (причастный, герундиальный) оборот, в) имя прилагательное в функции определения или обстоятельного определения + придаточное предложение, г) прилагательное + инфинитивный (причастный, герундиальный) оборот, д) существительное (прилагательное) + инфинитивный (причастный, герундиальный) оборот + придаточное предложение, е) инфинитивный (причастный, герундиальный) оборот + придаточное предложение и т. д. — комбинации возможны самые разнообразные. Встречались примеры, где парантеза в свою очередь содержала один или несколько типов интеркаляции. Конструкцию подобной фразы можно представить в виде матрешки, где несколько интеркалированных элементов, подобно элементам этой игрушки, оказываются заключенными последовательно внутри друг у друга:

17. L'inconnu qui, sur l'habit de Blanche, l'avait prise d'abord pour une paysanne, ou une demoiselle de village tout au plus, fut de la dernière surprise quand il entendit le tour dont elle parlait... (Villandon, 128).

Конструкции с интеркаляциями парантез — самые распространенные из всех типов интеркаляций XVII в. (их насчитывается 603 из 1000).

Употребление таких конструкций в XVII в. считалось нормальным, поскольку парантезам отводилась роль своего рода семантических толкователей, являющихся одновременно и средством украшения фразы. Даже те грамматисты, которые, выступая за точность стиля, в категорической форме высказывались против употребления парантез, оговаривались, однако, что «настоящая точность (exactitude) — враг выразительности» [13]. Согласно этому парантезы широко распространены в произведениях повест-

вательного-описательного стиля как средство для создания наибольшей выразительности и образности. Примерами синтеркаляциями парантез изобилуют литературные сказки:

18. Un jeune hibou, qui s'était vu dans une fontaine, et qui se trouvait plus beau, je ne dirai pas que le jour, car il le trouvait fort désagréable, mais que la nuit, qui avait de grands charmes pour lui, disait en lui-même... (Fénélon, 117).

См. также выше примеры 4, 5, 8, 16.

Довольно часто парантезы встречаются в произведениях других жанров при различного рода описаниях:

19. Dieu donc ayant affranchi son peuple de la tyrannie des Egyptiens, pour le conduire en la terre où il veut être servi; avant que de l'y établir, lui propose la loi selon laquelle il y doit vivre (Bossuet, 44—45).

20. Mme de Dampierre, qui était sa dame d'honneur et amie de Mme de Chartres, entendant cette conversation, s'approcha de cette princesse et lui dit tout bas que c'était Mlle de Chartres que M. de Clèves avait vue (Fayette, 19).

См. также выше примеры 6, 7, 9.

В количественном отношении среди интеркаляций парантез преобладают примеры с придаточными определительными предложениями, которые могли выражать различные обстоятельственные оттенки и часто выполняли ту же функцию, что и обороты, образованные неличными глагольными формами. Употребление придаточных определительных такого характера постепенно сокращается. К концу периода сокращается и количество длинных парантез. В значительной степени этому способствовали усердия грамматистов, направивших свои усилия на создание короткой лаконичной фразы. Однако парантеза как стилистический прием продолжает служить и авторам следующего столетия. Этот прием с успехом использует, например, Вольтер в своих философских сказках для создания колорита старины:

21. Zadig, avec de grandes richesses, et par conséquent avec des amis, ayant de la santé, une figure aimable, un esprit juste et modéré, un coeur sincère et noble, crut qu'il pouvait être heureux (Voltaire, 27).

В приведенном примере интеркалированный элемент состоит из нескольких отдельных типов. Такое построение фразы создает эффект неторопливого, назидательного рассказа умудренного опытом старца-сказителя, опасаящегося допустить неточность в повествовании или выпустить какую-либо важную деталь.

Итак, в XVII в. порядку S-C-V с местоименным дополнением прогивнопоставляется конструкция S — (...) — V, где [...] — интеркалированный элемент различного рода. Порядок S-C-V является схемой для построения предложений с местоименным дополнением,

включая предложения с безударным личным местоимением в роли подлежащего, тогда как конструкция S — (...) — V выполняет стилистическую функцию выделения и сохраняет архаические черты.

Интеркалирование в XVII в. происходит лишь в тех случаях, когда подлежащее маркировано либо по принадлежности к той или иной части речи (имя существительное, относительное местоимение), либо по признаку одушевленности (если дополнение выражено именем существительным). Чем слабее маркировка подлежащего, тем недолговечней конструкция. Так, ранее всего исчезают из употребления интеркаляции беспредложных и, вслед за ними, предложных имен существительных в роли дополнений или обстоятельств. Ускорению исчезновения подобных конструкций способствует также развитие других, более эффективных средств аффективного синтаксиса. При этом оставшиеся типы конструкции S — (...) — V (среди них интеркаляции наречий, парантез, прилагательных и причастий в функции обособленного определения или обстоятельства) приобретают еще большую выразительность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примеры цитируются по: Brunot F. La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desportes. — P., 1891, pp. 498—502.
2. Maupas Ch. Grammaire et syntaxe française. — P., 1675, pp. 250—251.
3. Maupas Ch. Op. cit., pp. 250—251.
4. Oudin A. Grammaire française rapportée au langage du temps. — P., 1640, p. 203.
5. Arnauld A. La logique ou l'art de penser, contenant, outre les règles communes, plusieurs observations nouvelles, propres à former le jugement. — P., 1750, p. 136.
6. Arnauld A. Op. cit., p. 137.
7. Arnauld A. Op. cit., pp. 137—138.
8. Bouhours D. Doutes sur la langue française proposez à Messieurs de l'Académie française par un gentilhomme de province. — P., 1674, pp. 216—221.
9. Bouhours D. Op. cit., pp. 216—221.
10. Скрябина Л. М. История французского языка. — М., 1972, с. 167—172.
11. Цитируется по: Haase A. Syntaxe française du XVIIe siècle. — P., 1925, p. 415.
12. Arnauld A. Op. cit., p. 137.
13. Bouhours D. Op. cit., p. 250.

СОКРАЩЕНИЯ

- Bernard Bernard C. Riquet à la Houpe. — In: Il était une fois... Contes littéraires français XII—XXe siècles. / Сост. М. В. Разумовская. — М., 1983. — На франц. яз. — 648 с.
- Bossuet L'Histoire universelle par Bossuet. — P., 1825, t. I. — 357 p.
- Fayette Mme de La Fayette. La Princesse de Clèves. — P., 1961. — 192 p.
- Fénelon Fénelon. L'éducation des filles. Fables choisies. — P., 1911. — 160 p.

Molière. 1860 Molière J.-B. Oeuvres complètes de Molière. T. I.—P., 1860. 779 p.

Molière, 1961. Molière. Oeuvres complètes. P., 1961. T. I.—947

Perrault Perrault Ch. La barbe Bleue. In: Il était une fois. Contes littéraires français XII—XXèmes siècles./Соот. М. В. Разумовская, М., 1983. На франц. языке. 648 с.

Racine Oeuvres de Racine.—P., 1821.—636 p.

Sévigné Mme de Sévigné. Mort de Vatel. In: M. Piat. Chrestomatie française des XVIe, XVIIe, XVIIIe, XIXe siècles. St. Petersburg, 1910.

Vaugelas Vaugelas Cl. Remarques sur la langue française. In: Chassang A. Remarques sur la langue française par Vaugelas. Nouvelle édition contenant le texte de l'édition originale... Versailles-Paris, 1880, t. I.—447 p.

Villandon M.-J. L'héritier de Villandon. Les Enchantements de l'éloquence. In: Il était une fois... Contes littéraires français XII—XXèmes siècles./Соот. М. В. Разумовская, М., 1983. На франц. языке.—648 с.

Voltaire Voltaire. Romans et contes philosophiques. M., 1970.

Н. Г. Смирнова

(Челябинск)

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СУБСТАНТИВЫ В ТЕКСТЕ

(на материале английского языка)

В данной статье описывается референтная природа, пропозициональная сущность и динамическая семантика производных существительных, образованных суффиксально и по конверсии от прилагательных и глаголов сенсорной семантики: coldness, lucidity, glow, glimmer, etc.

Формально эти дериваты являются предметными именами, так как они обладают формантами, имеющими субстантивную ориентацию. Содержательный же их аспект не совпадает с формой предметности. Наряду с предметностью эти дериваты несут информацию квалификативного характера. Они обладают двойной референцией: к миру действительности и к миру слов [1]. Более сложные референтные функции сенсорных субстантивов в сравнении с производящей основой объясняют их более сложную семантику. В их семантической структуре взаимодействуют два категориальных значения: предметность и признаковость.

Первичной номинативной функцией сенсорных субстантивов, обусловленной их формой, является обозначение их предметной сущности. Будучи по своему морфологическому и синтаксическому статусу предметными словами, эти субстантивы не имеют четкой области предметной отнесенности. Они имплицитно некое субстанциональное качество, признак, мыслимый как субстанция.

Содержательно и функционально они изоморфны предикативным синтаксическим структурам [2]. Свернутые пропозиции, они легко трансформируются в развернутые пропозиции whiteness—smth. is white.

Предметность и скрытая пропозициональная сущность сенсорных субстантивов по-разному проявляются в разных синтаксических функциях, в зависимости от семантики опорного слова, дистантных текстуальных связей.

Наибольшей номинативной полнотой, следовательно, обозначением предметности и наименьшей пропозициональной силой обладают сенсорные субстантивы, выступающие без опорного слова в позиции подлежащего, дополнения, обстоятельства места: *In the yellowing light of the evening sun the red and white and blue glowed brilliantly* (Carter, 504). *The glow increased and the branch took fire* (Golding, 158). *The twins remembered the darkness and other things and glanced round uneasily* (Golding, 159). *He turned into his room and stood in its blackness in a rage of lost chance* (Fowles 1, 119).

Скрытая предикативность проявляется ярче, когда сенсорный субстантив, вводимый предлогом *with*, употребляется в функции обстоятельства образа действия, эксплицитно характеризуя предметы, лица, процессы, свойства: *A pink rose reclining upon the big box hedge glimmered with contained electric luminosity* (Murdoch, 11).

Предикативная характеризующая функция сенсорного субстантива выявляется наиболее вышукло при наличии опорного слова в препозиции или постпозиции: *...soon the small front curl lay whispering damply against the whiteness of her brow...* (Cronin, 611).

Словосочетание *against the whiteness of her brow* легко трансформируется в сложную пропозицию *against the brow which was white*.

В предложении *The eye of the telescope might have glimpsed a... skirt of an almost daring narrowness and shortness* (Fowles 2, 8) словосочетание *a skirt of... narrowness and shortness* трансформируется в сложную пропозицию *a skirt which was narrow and short*.

Таким образом, в предикатной лексике, которая вступает в пропозициональные отношения с предметной лексикой, мы видим не только классически признаковые слова (глаголы, прилагательные, наречия), но и опредмеченные формы транспонированных в существительные глаголов и прилагательных. Эта лексика не отвечает «созерцательному отношению к миру, воспринимаемому как бытие в покое» [3].

Семантика сенсорных субстантивов на уровне виртуального знака по причине их референционной двуплановости является менее определенной в сравнении с предметными именами, идентифицирующими субстанцию, «автономно сущую в пространстве и времени». Они допускают двойную интерпретацию, обозначая как

конкретные, так и абстрактные, чувственно и идеально воспринимаемые опредмеченные признаки. Они одновременно имплицитуют как конкретное, так и абстрактное опорное предметное имя: *the darkness of his skin, the darkness of his heart.*

Семантическое развертывание сенсорных субстантивов осуществляется в синтагматическом ряду: в словосочетании, предложениях разной структурной сложности, сверхфразовом единстве, цельном тексте. Его можно представить как набор виртуальных первично-номинативных и актуализованных вторично-номинативных, синестетических и метафорических, ЛСВ. Собственно, этот же набор ЛСВ выявлен и при анализе семантического развертывания сенсорных наречий [4]. Различие состоит лишь в несколько модифицированной компонентной структуре ЛСВ сенсорных субстантивов и иных степенях их абстрактности. Компонентная структура субстантивов синкретична как на уровне виртуального, так и на уровне актуального словесного знака. Одна и та же форма субстантива при одной и той же функции в предложении обозначает одновременно как предметность, так и признаковость. Оно-масиологическая категория предметности характеризуется меньшей абстрактностью, чем категория первичного и, тем более, вторичного признака. Сенсорные субстантивы не подвергаются десемантизации, столь частотной в системе сенсорных наречий, что объясняется их категориальным значением предметности и субстантивной ориентацией их формы. Сказанное позволяет заключить, что ЛСВ сенсорных субстантивов отличаются меньшей глубиной абстрактности, нежели коррелирующие с ними глаголы, прилагательные и, в особенности, наречия. Оптимальной методики определения степени абстрактности ЛСВ пока не существует. Единственным критерием ее определения остается степень отвлеченности семантической категории опорного слова [5].

На актуализацию ЛСВ сенсорных субстантивов первичного и вторичного означивания влияют самые разнообразные контекстуальные факторы.

Сочетаемость свойства всех субстантивов зарождаются уже в акте номинации. Им генетически предназначено обозначать предметность. Отсюда их предрасположенность сочетаться с прилагательными: *gentle glow, velvety heaviness, powerful softness, etc.* Их синкретичная референтность приводит к тому, что они сочетаются и с предметными знаками: *the stillness of the night, etc.*

Семантическое наполнение актантажной структуры сенсорных субстантивов соответствует семантическим валентностям соотносимых с ними прилагательных и глаголов.

Первично-номинативный ЛСВ выявляется уже в минимальных двучленных синтагмах, детерминированных семантической категори-

ей и индивидуальным значением семантически согласующихся с ними предметных имен: the smell of perfume, the whiteness of her brow, the darkness of the tree.

Словосочетание актуализирует различные степени отвлеченности метафоры, возникающей при семантическом несогласовании сенсорных субстантивов и опорных слов. Среди опорных предметных слов мы видим обозначения событий, явлений природы, состояний (физических, психических), фактов, чувств, мыслительных процессов, социальных акций: the sweetness of the summer morning, the darkness of man's heart, a deep coldness of isolation, a deep gleam of hope, an expression of gracious warmth, etc.

Метафора, по словам Н. Д. Арутюновой, служит задаче создания признаковой лексики «невидимых миров» — духовного начала человека [6].

Словосочетание не отличается абсолютной информативностью даже при семантическом согласовании его составляющих. Опорное слово может оказаться метафорой в предложении, метафоризируя, соответственно, сенсорный субстантив. Истинная актуализация осуществляется в более развернутом контексте, где семантические проекции, идущие от предметных и признаковых слов, снимают семантическую амбивалентность сенсорного субстантива.

Уже в предложении происходит уточнение референции имен, идентификация имен, восполнение неполной номинативной функции изолированных признаковых слов и предметных имен со скрытой предикацией.

Полное семантическое согласование составляющих предложение актуализирует первично-номинативный ЛСВ сенсорных субстантивов, обозначающих чувственно воспринимаемые предметные признаки: The savage peered into the obscurity beneath the thicket (Golding, 292). When the green glow had gone from the horizon and night was fully accomplished... (Golding, 274).

В предложении Her eyes were lightly rimmed with the blue of sleeplessness (Wilson, 52) значение субстантива blue эксплицируется благодаря семантическому согласованию с предметным именем eyes, предикатным словом rimmed и логической presupпозиции The rims of the eyes of those who do not sleep for long are blue.

Предложение эксплицирует метафоричность сенсорного субстантива при полном семантическом несогласовании лексических единиц: Then the old man spoke with a strange lucidity... as if he had only been pretending to be drunk, and now summarized with one final inconsequence (Fowles 1, 71).

В определенных контекстуальных условиях благодаря одновременному означиванию субстантивом физического и эмоционального

состояния субъекта, ретроспективным и перспективным семантическим проекциям, идущим от семантически согласующихся и несогласующихся слов, семантика сенсорного субстантива становится синкретичной, включая одновременно исключаящие друг друга СК (семантические компоненты) чувственного и идеального восприятия: *For a moment the last sunshine fell with the romantic affection upon her glowing face; her voice compelled me forward breathlessly as I listened — then the glow faded, each light deserting her with lingering regret, like children leaving a pleasant street at dusk (Fitzgerald, 18)*. Угасает последний луч заходящего солнца, угасает и радостное возбуждение героини.

Предложение может оказаться недостаточным контекстом для актуализации семантики сенсорного субстантива. Так, в предложении *I was alone again in the unquiet darkness (Fitzgerald, 26)* значение субстантива *darkness* остается неопределенным. Речь может идти об естественной темноте неосвещенного пространства или о неопределенности, туманности ситуации, в которой оказался герой. В элементарном предложении *Then the glow faded* не ясно, описывается ли чувственно воспринимаемое сияние, исходящее от конкретного предмета, или радостное (эмоционально-психическое) состояние, в котором пребывает герой.

В предложении или сверхфразовом единстве предметные, предметно-признаковые и признаковые слова взаимодействуют в первично- и вторично-номинативных значениях, образуя сложные синестетико-метафорические комбинации: *The warm damp balminess of spring encompassed her sweetly with the moist smells (Mitchell, 11)*.

Пропозициональная сущность сенсорных субстантивов в тексте носит прагматическую направленность, поскольку эти субстантивы ориентированы на познающего субъекта и отражают его оценочное отношение к миру вещей и явлений. Этому способствует и то обстоятельство, что первично- и вторично-номинативные ЛСВ сенсорных субстантивов осложняются в тексте в результате процессов гиперсемантизации, выражающихся в возникновении дополнительной стилистической информации, которую можно представить СК «эмоциональная оценка», СК «экспрессивная образность», СК «интенсивность»: *...there were deep yellows that died with an unnatural passion into a green as fragrant as the spring and as pure as the sparkling water of a mountain brook (Maugham, 217)*. *The coolness that was pleasant in her personality became a kind of coldness on paper, something too painstaking and voulu (Fowles 1, 104)*. В первом предложении в значении субстантива *green* под влиянием последующего сравнительного оборота появляются СК «положительная эмоциональ-

ная оценка» и СК «интенсивность». Зелень плодов, изображенных на картине, свежа, как сама весна, и чиста, как прозрачный горный ключ. Во втором предложении субстантивы *coolness* и *coldness*, в первичной номинации относящиеся к одной и той же лексико-семантической группе и отличающиеся лишь градацией признака, передают противоположные оценочные суждения. Если *coolness* передает свойство героини, вызывающее у восприняющего лица положительные эмоции, то *coldness*, благодаря аллюзиям *painstaking* и *voulu*, означает нечто холодное, искусственное, исходящее от рисунка героини, апеллирующего к разуму, но не к живому чувству.

В текстовой семантике этих субстантивов под влиянием лексико-семантического окружения, текстовых и фоновых пресуппозиций возникает СК «интенсивность опредмеченного признака»: *It was his first sight of human death and its unutterable stillness blotted from him all other emotion, all else then was but preliminary to this (Galsworthy, 227).*

Как и любые дериваты, исследуемые нами сенсорные субстантивы выступают в анафорической и дейктической текстообразующих функциях, отсылая ко всему мотивирующему суждению, будь то первичная или вторичная номинация опредмеченного признака: *The outside was quite dark. The drizzle of rain drifted greyly past upon the darkness (Lawrence 1, 131). And the true sunbeams coming toward us flow darkly, a moving darkness of the gentle fire (Lawrence 2, 35).*

Эти субстантивы участвуют в ретроспективных и перспективных текстообразующих связях, передавая противительные, причинно-следственные, условные, конкретизирующие и другие логико-семантические связи: *Technically the drawing was impressive, if rather lacking in individuality. The coolness that was pleasant in her personality became a kind of coldness on paper, something too painstaking and voulu (Fowles 1, 104).* Рисунку героини не хватало индивидуальности, так как от него исходило нечто холодное, бесстрастное. Субстантив *coldness* объясняет изложенное в предшествующем предложении суждение.

Благодаря обилию первично и вторично предикатных слов, отображающих динамические, статические и опредмеченные признаки, текст обретает текучесть и пластичность, отражая «квазипредметное» бытие. Проведенное исследование позволяет заключить, что

1) разграничение между непропозитивной и пропозитивной лексикой исчезает в синтагматике;

2) гетерогенность предметных имен, референтная, номинативная, семантическая, усиливается на уровне актуализованного знака в тексте;

3) ономасиологические категории предметность и признаковость, преломляясь в тексте и становясь коммуникативно-семантическими категориями, обуславливают друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аспекты семантических исследований. — М.: Наука, 1980, с. 90.
2. Аспекты..., с. 101.
3. Аспекты..., с. 182.
4. Смирнова Н. Г. Семантическая структура сенсорных наречий в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
5. Dijk Teun A. Some aspects of the grammar of text. — The Hague—Paris—Mouton, 1972. Todorov T. Les anomalies sémantiques. — Langages № 1 (1966).
6. Аспекты..., с. 279.

СОКРАЩЕНИЯ

- ЛСВ — лексико-семантический вариант.
СК — семантический компонент.
- Carter — D. Carter. *Fatherless sons*. M.: Foreign lang. publ. house, 1957.
- Cronin — A. Cronin. *Hatter's castle*. — M.: Foreign lang. publ. house, 1963.
- Fowles 1 — J. Fowles. *The ebony tower*. — M.: Progress publishers, 1980.
- Fowles 2 — J. Fowles. *The French lieutenant's woman*. Triad, 1977.
- Fitzgerald — S. Fitzgerald. *The great Gatsby*. Kiev: Dnipro publishers, 1973.
- Galsworthy — J. Galsworthy. *To let*. — M.: Foreign lang. publ. house, 1964.
- Golding — W. Golding. *Lord of the flies*. — M.: Progress publishers, 1982.
- Lawrence 1 — D. H. Lawrence *Lady Chatterley's lover*. P. B., 1966.
- Lawrence 2 — D. H. Lawrence. *The ladybird*. — P. B., 1966.
- Maugham — W. S. Maugham. *The moon and sixpence*. — M.: Progress publishers, 1969.
- Mitchell — M. Mitchell. *Gone with the wind*. New York, 1968.
- Murdoch — I. Murdoch. *The sacred and profane love machine*. — P. B., 1976.
- Wilson — M. Wilson. *Meeting at a far meridian*. N. Y.: Doubleday and Co., 1961.

Г. Г. Соколова
(Москва)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТОВ)

В современных лингвистических изысканиях, ориентированных на коммуникативный подход к языку, видное место занимают труды, посвященные проблематике текста и контекста (В. И. Кодухов,

Г. В. Колшанский, И. Р. Гальперин, О.И. Москальская и др.).

По мнению Г. В. Кольшанского, «объектом изучения коммуникативной лингвистики являются не структуры и схемы словосочетаний и предложений, а структура и функция той единицы, которая выступает в реальном общении смыслонесущей единицей» [1], процесс же речетворчества опирается «на довольно ограниченный механизм — и по объему лексикона и по грамматическим формам» [2]. Исходя из этих тезисов, при изучении текста и контекста (речевого и фразеологического) целесообразно выявить составляющий их лексический минимум, а в ряде случаев — пути формирования фразеологического контекста, независимо от трактовки этого понятия [3].

Фразеологический контекст [4] отличается определенной структурно-семантической законченностью, опирающейся на самодостаточность фразеологической единицы (ФЕ). От речевого контекста его отличает ситуативная направленность, которая и предопределяет его особое восприятие как отдельного текста в тексте. При определении фразеологического контекста необходимо учитывать смыслообразующую роль составляющих его компонентов. При рассмотрении фразеологического контекста ФЕ, входящих в лексикон литературного языка, предполагается вскрыть сходства и различия их компонентного состава и семантики.

Фразеология специальных отраслей является составной частью фразеологии общенационального языка. Ряд фразеологических профессионализмов с течением времени становится широко употребительным к лексикону определенной профессии, настолько они укоренились в общеупотребительном языке.

В настоящее время такие области жизни, как научная, военная, спортивная и некоторые другие постоянно оказывают влияние на язык современного общества, пополняя его не только отдельными словами, но и фразеологическими единицами. Представляется небезынтересным уточнить, в какой степени отдельные специальные подязыки способны пополнить фразеологический лексикон современного французского языка и каков компонентный состав ФЕ. С этой целью в статье кратко будут рассмотрены наиболее распространенные спортивные и военные термины — ФЕ, что даст возможность сопоставлять особенности их компонентного состава, зависимости, существующие между основными параметрами компонентов, а также сравнить результаты сопоставления с данными, полученными на материале ФЕ литературного французского языка.

В современном французском языке широко не используются спортивные термины — слова, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы. Многие ФЕ образовались как специальные обозначения и существуют в качестве таковых. Другие же, возникшие и употребляемые в первую очередь в качестве спортивных терминов,

расширили свое значение и сферу употребления, став обозначениями понятий общенационального языка. В первую группу входят ФЕ *lutte à la corde* 'перетягивание каната', *juge de touche* 'судья на линии', *coureur premier* 'спортсмен, бегущий первый этап эстафеты' и т. п.; ко второй подгруппе относятся, в частности, *coup d'envoi* 'а) футб. подача, первый удар; б) сильный удар ногой, пинок'; *course contre la montre* 'а) бег, коньки соревнование на лучшее время; б) срочное дело; гонка, спешка' и т. д.

Формирование ФЕ-спортивных терминов мало отличается от образования общеупотребительных ФЕ. Большая часть ФЕ, относящихся к спорту, формируются посредством первичной транспозиции [5] и лишь очень немногие термины — посредством вторичной. Сопоставление ФЕ-спортивных терминов с общеупотребительными ФЕ подтверждает общие тенденции их развития. Регулярность образования общеупотребительных ФЕ, проявляющаяся в формировании фразеологических парадигм [6], характеризует развитие спортивной терминологии. Для значительной части субстантивных ФЕ (СФЕ)¹ характерна, например, «гнездовая» транспозиция [7], представляющая собой подвид первичной транспозиции. Суть «гнездовой» транспозиции заключается в том, что вокруг грамматически опорного компонента образуются ФЕ, близкие по значению или оценке. ФЕ, включающие сходные компоненты, но далекие по значению или оценке, выходят за рамки этого понятия. В литературном французском языке можно привести многочисленные примеры «гнездовой» транспозиции, когда вокруг одного компонента образуются ФЕ одного лексико-грамматического класса, составляющие «фразеологическое гнездо» [8]. В качестве иллюстрации приведем — *tête de bois* 'тупица', *tête de giroquette* 'легкомысленный человек' и т. п. В данном случае все СФЕ обозначают отрицательную характеристику человека, то есть имеют одинаковую оценку и относятся к одному фразеологическому гнезду. В спортивной терминологии к гнездовой транспозиции следует отнести те ФЕ, которые близки по значению — *riposte à temps* 'немедленная атака', *riposte directe* 'ответная атака прямым уколлом', *barre fixe* 'перекладина, турник', *barres parallèles* 'брусья', *exercices éducatifs* 'подготовительные упражнения', *exercices à mains* 'вольные упражнения', в которых опорными компонентами являются компоненты-существительные *riposte*, *exercice*, etc. Гнездовая транспозиция влияет на объем компонентного состава фразеологического гнезда в сторону его уменьшения, поскольку опорный компонент всегда один и тот же. Очевидно, что в состав компонентов первичных СФЕ-терминов входят абстрактные и конкретные существительные *lutte*, *course*, *montre*, а также соматиз-

¹ Объяснение сокращений см. в конце статьи.

мы (main), зоонимы (singe), каузативные глаголы (faire) и глаголы активного действия, прилагательные различных ЛСГ: piscine chauffée 'закрытый бассейн', saut de carpe avant 'прыжок согнувшись', course bord a bord 'гонка с общим стартом', serger l'eau 'табанить (гребля)', neige poudreuse 'рыхлый снег', battement développé 'батман с высоким отведением ноги' и т. п.

Использование подобных компонентов как специальной терминологией, так и в составе общеупотребительных ФЕ, подтверждает подвижность лексического состава языка и константность компонентов — единиц, образующих фразеологический контекст (ФК). Отмечая в составе ФК наличие терминов (гребля егге 'скорость', cougir son егге 'идти по инерции', perdre son егге 'терять ход'), редко употребляемых вне специальной сферы, следует обратить внимание на значительное количество слов литературного языка, являющихся одновременно спортивными терминами: battement, jeu, course etc.

Таблица 1 отражает основные параметры слов-компонентов упомянутого типа, которые употребляются в ФЕ, принадлежащих к различным видам спорта — battement tombé 'соединение батмана с выпадом'; battement tendu 'батман прямой ногой', but obtenu 'взятые ворота'; piste de descente 'трасса скоростного разгона', piste unique 'общая дорожка', piste délimitée 'проверенная дорожка'.

Таблица 1

Опорные компоненты	ФА (ФРССТ)	ФА (ФРФС)	Мн	Чн
1. battement	11	—	6	—
2. but	2	3	4	61
3. course	3	15	6	35
4. jeu	2	107	6	96
5. mesure	3	48	7	158
6. piste	7	4	5	9
7. point	6	70	15	338
8. riposte	5	2	2	—
9. saut	20	19	2	7
10. style	3	7	7	39

На таблице представлены рубрики: ФА (фразеологическая активность) аналогов компонентов ФЕ как терминов и как слов общеупотребительного языка, их многозначность (Мн) и частотность (Чн). ФА представлена по двум словарям, поскольку сравнение данных по ФРФС и ФРССТ даст возможность подчеркнуть сходство, отличие или несопоставимость этих показателей. Так, в Спортивном словаре ФА battement достигает 11 ФЕ, а в ФРФС разна нулю; у point ФА соответственно 6 ФЕ по ФРССТ и 70 ФЕ в ФРФС. Аналог слова-компонента jeu проявляет значительную ФА в общеязыковом значении — 107 ФЕ и очень низкую в спец-

альном — 2 ФЕ. С другой стороны, ФА but и saut сопоставимы в ФРССТ и ФРФС: 2—3 ФЕ и 20—19 ФЕ.

Частотность аналогов слов-компонентов, выявленная по словарю А. Жюйяна, невелика (или не всегда указана) и не во всех случаях отражается на фразеологической активности не только слов, фигурирующих на таблице, но и для других. Между ФА, многозначностью и частотностью компонентов ФЕ-терминов не прослеживается прямая зависимость, что также свойственно аналогам слов-компонентов литературного языка. С этой целью ниже приводятся две таблицы, дающие возможность подтвердить результаты зависимостей, полученные на материале спортивных терминов, формирующих ФК.

Таблица 2

Опорные компоненты	ФА	Мн	Чн
1. main	357	10	271
2. tête	328	18	225
3. coeur	248	9	192
4. nez	133	7	31
5. oeil	263	7	375
6. pied	269	10	128
7. oreille	129	6	—
8. dent	81	5	38
9. doigt	77	2	51
10. bras	70	5	104

Примеры таблицы 2 подтверждают тезис о существовании некоторой зависимости между выделенными параметрами аналогов компонентов ФЕ, представляющих фразеологический контекст. Однако при более детальном сопоставлении ФА, Мн и Чн становится ясным, что при частотности слова bras его ФА, равная 70 ФЕ, ниже, чем при частности (nez), равной 31 ФЕ. Или: при Мн main, равной 10, ее ФА равна 357 ФЕ. Подобные примеры можно продолжить, поэтому приведем таблицу 3, фиксирующую данные по зоонимам, которые, как и соматизмы, входят в качестве компонентов фразеологического контекста ФЕ, относящихся к спортивной терминологии.

Таблица 3

Опорные компоненты	ФА	Мн	Чн
1. chien	153	5	76
2. cheval	95	4	57
3. chat	67	4	25
4. âne	49	2	17
5. boeuf	32	5	13
6. lièvre	31	1	—

Опорные компоненты	ФА	Мн	Чн
7. singe	20	5	
8. brebis	19	2	—
9. coq	19	4	15
10. ours	17	4	—

Из данных таблицы 3 следует, что при Мн, равной 5, частотность аналога — 76, 13 или нулевая. При одном значении ФА возможно наличие 31 ФЕ, а при двух значениях 19 или 49 ФЕ. Таким образом, очевидно существование зависимостей между приведенными параметрами аналогов слов-компонентов, но эти зависимости нельзя определять как прямые. Этот факт подтверждает единый характер взаимозависимостей, существующих между параметрами аналогов слов-компонентов ФЕ (фразеологического контекста), независимо от их принадлежности к литературному языку или специальному подъязыку.

При изучении особенностей компонентного состава, характеризующего фразеологический контекст, существенно, что по объему субстантивные и вербальные ФЕ как бы «уравновешиваются», что не имеет места в литературном языке, где первое место принадлежит вербальным ФЕ, и что адвербиальные ФЕ встречаются значительно реже в спортивной терминологии, чем в материале литературного языка.

Для того, чтобы составить представление об особенностях ФЕ, функционирующих в различных специальных подъязыках, остановимся на ФЕ, относящихся к военной терминологии или возникших на ее основе. Французский язык располагает значительной по объему группой подобных ФЕ, давно вошедших в его фразеологический лексикон. Фразеологическому контексту ФЕ, широко используемых литературным языком, свойственен набор компонентов — слов широкого значения: *sur toute la ligne* 'по всему фронту; полностью, целиком, по всем пунктам', *tambour battant* 'быстро, не давая опомниться', *faire le zouave* разг. 'хорохориться, ретушиться, задаваться', *passer l'arme à gauche* арг. 'ноги протянуть, сыграть в ящик', *un stratège en chambre* 'доморощенный стратег', *la guerre éclair* 'молниеносная война' и т. д. Отличительной чертой ФЕ, относящихся к военной терминологии, является большое разнообразие ЛСГ, включающих аналоги слов-компонентов, составляющих эти ФЕ. Особое место среди прочих занимает ЛСГ «обозначения абстрактных понятий». Формирующие ее компоненты весьма многочисленны и семантически разнородны: *âme*, *aplomb*, *destruction*, *surprise*, *volume* etc. — *guerre des âmes* 'психологическая война', *tactique des destructions* 'тактика

задержки противника путем создания разрушений на его пути guerre de surprise 'внезапное нападение', guerre de volume 'пространственная война', mettre qch d'aplomb 'окончательно разработать что-л.' и т. д. В ЛСГ «обозначения военных реалий» входят существительные-компоненты étendard, cartouche, epaulette, épee, tambour, etc. По объему используемых в военной терминологии лексических единиц предыдущей ЛСГ уступают ЛСГ «соматизмы» (flanc, front, main, oreille, pied, rein etc), «действующее лицо» (maréchal, routier, stratège], и «историзмы» (cuirasse, hallegarde, lance, zouave). Остальные ЛСГ представлены немногочисленными примерами: «продукты питания» — chou—fleur, vivres; «зоонимы» — mouche, oie, canard; «предметы одежды» — gant, écharpe. Таким образом, компонентный состав фразеологического контекста ФЕ, относящихся к литературному языку, во многом повторяется составом компонентов специальной фразеологии [9], что подводит к утверждению о лексико-семантической близости литературного языка и специальных подъязыков.

Другой особенностью, сближающей фразеологию военного дела с общеупотребительной, является наличие в ее составе основных классов ФЕ — ВФЕ, СФЕ,ДФЕ, АФЕ. Например, avoir la capacité 'иметь на вооружении', formation de montagne 'горно-пехотная часть', sur les franges 'за пределами.., de pointe 'современный'.

Вербальные и субстантивные ФЕ отличаются большим разнообразием компонентного состава. Однако если в общеупотребительной фразеологии вербальные ФЕ представлены шире, чем СФЕ, в военной терминологии их объем как бы уравнивается. Вербальными компонентами многочисленных ФЕ являются, как и в общеупотребительных ВФЕ, глаголы широкого значения — être, mettre, faire, движения — voler. Ряд ВФЕ с компонентами battre, être, faire, mettre типа battre qn à plate couture 'разбить наголову', battre son plein 'быть в полном разгаре', être en déroute 'отступить', être en guerre 'находиться в состоянии войны', faire la guerre avec qn 'воевать с кем-н.', mettre qch d'aplomb 'подготовить', mettre hors de cause 'выводить из строя' и многие другие давно пополнили общеупотребительскую фразеологию, не утратив своего специального значения.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с ФЕ, значение которых как терминов и не-терминов сопоставимо (например, mettre bas les armes 'прекратить боевые действия' — mettre bas les armes 'сложить оружие', mettre hors de course 'сделать небоеспособным' — mettre hors de course 'вывести из строя') как действие и его результат, существуют ФЕ, отличающиеся несопоставимостью терминологического и нетерминологического значений: se mettre en boule 'организовать круговое охранение' — se mettre en boule 'рассердиться'. Последний пример свидетельствует о том, что, приобретая общеупотребительное значение, военные термины —

вербальные ФЕ не только расширяют, но и в ряде случаев меняют полную исходное значение.

Значительное место в военной терминологии принадлежит субстантивным ФЕ, изучение фразеологического контекста которых позволяет подчеркнуть их специфику. Компоненты СФЕ-существительные охватывают как сугубо военную лексику, так и лексику литературного языка. Так, например, компоненты-существительные feu и guerre — одновременно военные термины и обозначения абстрактных понятий (аналогичные замечания могут быть сделаны относительно других слов-компонентов). В военной терминологии названные компоненты чрезвычайно частотны. Приведем лишь некоторые примеры ФЕ, в состав которых они входят не только в качестве опорных компонентов: école à feu 'учебные стрельбы', feu nucléaire 'ядерный удар', permanence des feux gasants 'настильный огонь', régiment de guerre électro-nique 'радиотехнический полк', hausse de combat 'прицельная дальность', approvisionnement de combat 'боевой комплект', unité de tir 'расчет огневого средства'. Рассмотрение ФЕ, относящихся к военной терминологии, с точки зрения их фразеологического контекста подтверждает закономерность, присущую общеупотребительной фразеологии французского языка, а именно — образование ряда вербальных ФЕ посредством **видовой**, а субстантивных ФЕ посредством **гнездовой** транспозиции. **Видовая** транспозиция предполагает образование первичных ВФЕ, различающихся видом глагола [10]. Например, être hors d'état 'быть выведенным из строя' — mettre hors d'état 'выводить из строя', être en état 'находиться в готовности' — mettre en état 'привести в готовность' и т. д. Примеры **видовой** транспозиции широко представлены во фразеологии литературного языка. В качестве иллюстрации процитируем некоторые из них, зафиксированные ФРФС: être dans de beaux draps 'оказаться в затруднительном положении' — mettre dans de beaux draps 'поставить в затруднительное положение'; mettre dans le pétrin 'разг. 'впутать в историю' — être dans le pétrin 'попасть в историю', être à l'aise 'чувствовать себя непринужденно; быть зажиточным' — mettre à l'aise 'не стеснять; обеспечить'. Таким образом, видовая транспозиция характеризует развитие первичных ФЕ французского языка, независимо от того, относятся ли они к литературному языку или к специальным подъязыкам, например, к терминологии военного дела.

Гнездовая транспозиция присуща не только ФЕ, относящимся к литературному языку и спортивной терминологии, о чем упоминалось выше, но и к военной терминологии: sous-marin de roche 'сверхмалая подводная лодка', véhicule tout terrain 'вездеход', véhicule de commandement 'штабная машина' и т. п. Таким образом, регулярность образования, свойственная многим ФЕ литера-

турного языка, проявляется в материале военной терминологии, подтверждающая общую тенденцию развития, свойственную фразеологии французского литературного языка и его подъязыкам. Приводимая таблица 4, отражающая частотность, многозначность и фразеологическую активность аналогов слов-компонентов ФЕ по ФРФС и ФРВС, выявляет особенности конкретных аналогов компонентов при формировании специальных или общеупотребительных ФЕ французского языка.

Таблица 4

ФС)	ФА(ФРВС)	ФА (ФРФС)	Мн	Чн
1. attaque	7	5	5	28
2. combat	6	11	2	28
3. commandement	4	1	3	8
4. choc	1	1	2	23
5. feu	18	159	10	106
6. querre	23	52	3	327
7. peloton	4	—	4	6
8. rang	2	25	4	11
9. tir	20	—	3	—
10. unité	8	—	4	40

Наряду с фразеологически активными аналогами лексем в военной терминологии используются компоненты с очень низкой ФА. Подобные данные очень показательны по ряду причин. Во-первых, они дают представление о различиях в активности отдельных лексических единиц в образовании фразеологического контекста ФЕ литературного языка и специальных подъязыков; во-вторых, при сравнении ФА опорных слов-компонентов возникает возможность выделить различные подгруппы активности, и, наконец, в-третьих, более высокая или низкая ФА компонентов свидетельствует об основных тенденциях, характеризующих развитие фразеологии того или иного языка. Так, единицы с высокой ФА, то есть образующие значительное количество ФЕ с одним опорным компонентом, подтверждают регулярность фразеологических образований в языке. Единицы с низкой ФА, не превышающие нижнего порога ФА, показывают наличие противоположной тенденции, а именно — нерегулярности образования фразеологических единиц французского языка. Именно существование этих двух тенденций, столь характерное для литературного языка, находит отражение и в материале фразеологии специальных подъязыков. Таким образом, фразеология специальных сфер отражает общие закономерности развития фразеологической системы, что самым непосредственным образом проявляется во фразеологическом контексте фразеологических единиц.

1. Колшанский Г. В. Контекстная семантика.— М.: Наука, 1980.
2. Колшанский Г. В. Указ. раб.
3. Кунин А. В. Фразеологические единицы и контекст.— ИЯШ, 1971, № 5.
4. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии.— Л.: Наука, 1963.
5. Соколова Г. Г. Семантические категории фразеологических единиц. Лекция.— Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984.
6. Гак В. Г. О структурно-семантических группах во французской фразеологии.— ИЯШ, 1959, № 5.
7. Термины наш — Г. С.
8. См. работы Ю. А. Гвоздарева, например: Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1977.
9. Соколова Г. Г. Состав компонентов фразеологических единиц французского языка: Лекция. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984.
10. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. М.: Высшая школа, 1979.

СОКРАЩЕНИЯ

- Ганшина К. А. Французско-русский словарь. - М., 1971.
 Гимнастика. Спортивные термины. - М., 1979.
 ФРФС Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963.
 ФРВС Остапенко В. П. Французско-русский военный словарь.— М. 1976.
 ФРССТ Французско-русский словарь спортивных терминов под ред. Н. Н. Скородумовой.- М., 1970.
 СФЕ, ВФЕ, АФЕ, ДФЕ — субстантивные, вербальные, адъективные, адverbиальные фразеологические единицы.
 ФА, Ми, ЧН — фразеологическая активность, многозначность, частотность аналогов компонентов ФЕ (Данные по ФА заимствованы из ФРФС, ФРВС и ФРССТ, по многозначности из словаря К. А. Ганшиной, по частотности из словаря А. Жюйяна).
 ЛСГ — лексико-семантическая группа.

А. Г. Турбин
 (Челябинск)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ПОВТОРЕ В ТЕКСТЕ

Среди многочисленных аспектов исследования такого многомерного образования, как текст, во главу угла ставится генеральная задача установления видов связи, соединяющей предложения как элементы одного целого, выявления параметров этой связи, а также определение правил передачи ее. Центральной областью текстовых исследований является изучение повторов, в особенности именных, причем идея анафорических отношений стала, как отмечается, одной из рабочих концептов лингвистики текста [1].

Наиболее общее разграничивание исследований текстового повтора, выявляющееся в лингвистике, проходит по линии «лекси-

ко-семантический — грамматический». Отличительной особенностью повтора грамматического характера является, в соответствии с принципами анафоры, вторичное употребление реферируемого элемента в последующем контексте, например:

Il aurait juré que la fille poussé un soupir de soulagement en se déchaussant et qu'elle caressait maintenant ses pieds (G. Simenon). Elle lui remettait un volume mince qui était à gauche. Pierre prit le volume en main avec précaution (A. Troyat).

Если не считать, что в первом примере происходит замещение одного формального показателя другим, а во втором примере лексема остается той же (меняется лишь детерминатив имени), то референциальный характер воспроизведения элементов в том и в другом отрывке текста одинаков. Речь идет о соотношении формальных элементов с одним и тем же объектом реальной действительности (референтом). При этом на синтаксическом уровне механизм указанного явления сходен с явлением субституции, заключающейся в замене одного элемента другим [2]; в данном случае субституция является естественной, проявляется в тексте. Назовем элемент повтора субститутом, а повторяемый элемент — antecedентом. Указанное явление необходимо ограничивать от явления репризы, имеющего сходный механизм, но осуществляемого, как правило, на уровне простого предложения.

Значение и правильное употребление обоих коррелирующих при повторе элементов имеет значение для построения грамматически правильного текста на иностранном языке (например, при переводе на французский язык). Не каждое из имен замещается легко и, так сказать, регулярно: если для одних повтор заключается лишь в замене детерминатива или в замене существительного местоимением il, то другие имеют существенные ограничения на использование указанных элементов. Имена имеют различный референциальный характер, и неправильное или избыточное употребление повторяемых элементов может привести к неясности, а то и к бессмыслице в тексте.

Наша статья ставит задачей установить сам факт наличия повтора в рассматриваемых явлениях (в особенности, на примере элементов il и en), выявить его семантико-синтаксическую природу, определить характер детерминированности элементов, коррелирующих при повторе, и их взаимоотношение, показать особенности, присущие тому или иному имени.

Основными величинами, которые необходимо знать говорящему и которые нужно считать краеугольным камнем явления повтора, являются, во-первых, принадлежность именного элемента к определенной семантико-грамматической группировке, а во-вторых, характер его детерминированности, выявляющийся в конкретном акте

референции. Выявление как первой, так и второй характеристики возможно лишь функциональным путем (в нашем случае — с помощью глагольной сочетаемости).

Как известно, каждое имя соотносено с объектом окружающей действительности, с одной из зафиксированных в нашем сознании реалий материального мира, объединяемых по принципу сходства, что находит выражение в языке. Выявление именных группировок производится при помощи рассмотрения комплекса переходных глаголов французского языка и изучения характера именных элементов, сочетающихся с ними [3]. Элементы, отражающие наиболее важные группировки объектов действительности, наиболее явно прогнозируются в постглагольной (прямообъектной) позиции, вследствие чего зачастую (в зависимости от контекстных условий) воспринимаются как избыточные и в контексте не фигурируют [4]. Наиболее явно выявление семантико-грамматических группировок имен через глагольную сочетаемость осуществляется при операции обратного характера — восстановлении «стертого» элемента в постглагольной позиции, на основе категорий антецедента. Последовательное применение метода восстановления позволяет обнаружить группировки, являющиеся наиболее значимыми и наиболее релевантными для нашего анализа. Отражая наиболее важные группировки реальной действительности, подобные имена одновременно представляют собой важнейшие части системы языка, или, как ее называют иначе, языковой компетенции.

Вторым параметром, на фоне которого функционирует именной элемент каждой из четырех указанных группировок, является номенклатура детерминированности. Детерминированность имен — характеристика, связанная с говорящим субъектом, отражающая его отношение к указанному именному элементу: степень воздействия, степень обладания, степень знания — словом, характер восприятия говорящим субъектом данного элемента. Основой детерминированности необходимо считать весь комплекс пресуппозиционных характеристик, присутствующих либо подразумеваемых в тексте.

Отражая характер высказывания с точки зрения говорящего, детерминированность обычно соотносят в языке с категорией определенности/неопределенности, в связи с чем последняя, видимо, и получила название «категории точки зрения» [5]. В категории определенности/неопределенности принято выделять два значения, совокупность наименований которых и образовала название самой категории, — значение определенности и значение неопределенности, выражаемые, соответственно, определенным и неопределенным артиклями. Именно они соответствуют двум самым характерным проявлениям детерминированности в языке элемент, известный говорящему (или слушающему) и элемент, неизвестный говорящему (или слушающему).

Тем не менее, спектр восприятия того или иного элемента говорящим субъектом значительно шире. Детерминированность любого имени не исчерпывается определенностью и неопределенностью, референт может быть также указываемым, повторяемым, притягаемым и т. п. Все эти значения характеризуют различные оттенки (и, очевидно, различные степени) восприятия субъекта, в связи с чем правомерно будет отнести их к той же категории определенности/неопределенности, расширенной до необходимых пределов за счет добавления указанных выше значений, являющихся рядоположенными к двум названным и обладающих сходными формальными показателями-детерминативами [6].

Полный ассортимент (номенклатура) значений, как и иерархический их характер выявляется на основе применения метода восстановления «стертого» элемента в постглагольной позиции. Преимущество этого метода для нашего исследования заключается в том, что речь идет также о разновидности повтора, однако повтора на уровне означаемого (на формально-синтаксическом уровне повторяемый элемент лишь подразумевается), что, по сути дела, не меняет характер референциальной отнесенности. Восстановление производится в контекстах, где «стертая» (незаполненная) позиция постглагольного элемента находится на различном расстоянии от antecedента, что и обеспечивает различный характер детерминированности элементов.

Проведенные исследования позволяют нам вывести следующую таблицу детерминированности именных элементов:

Формальные элементы --
определители

Формальные элементы --
заместители

- I. ce (+N) — значение указательности
- II.
- III. le (+N) — значение определенности
- IV. le (+N), des (+N), du (+N), de (+N) — значения обобщенности, считаемой неопределенности, несчитаемой неопределенности, отсутствие референта

il, elle, le, la, les
значение повтора

Выделенные нами элементы являются наиболее явно ощутимыми величинами. Первая из них сигнализирует о наличии референта в непосредственной близости от говорящего и соотносится с конкретным актом высказывания. Вторая — отмечает предмет, не находящийся в сфере внимания субъекта, но упоминаемый в тексте. Третья характеристика качественно сходна со второй, но субститут коррелирует с antecedентом, находящимся на большем, чем в предыдущем случае, расстоянии. Эти три значения следующие

шим образом интерпретируют соответствующие формальные показатели: 1) значение указательности — «этот», «тот, что я вижу здесь, сейчас»; 2) значение повторяемости — «он», «указанный предмет»; 3) значение определенности — «тот предмет (явление), о котором речь уже шла». Последний параметр характеризует сущность референта, не прибегая к ссылке на antecedent.

Изоморфизм величин указанного ряда базируется не только на чисто функциональном сходстве детерминативов, что было отмечено еще Ж. Дамуретом и Э. Пишоном, он имеет, как видно, и содержательные основы. Различный референциальный характер, который может иметь один и тот же элемент при функционировании, выявляется в отмеченных Н. Д. Арутюновой этапах логико-семантической идентификации [7]. Следующий пример наглядно показывает, как выделяются эти этапы:

Marie, levée d'un bond, était à la porte, l'ouvrait (E. Triplet).

Элемент «дверь» характеризуется в данном отрезке, как минимум, три раза, из которых два эксплицитны:

1. Il y avait une porte.
2. Marie était à la porte.
3. Marie l'ouvrait.

Рассмотрение примеров показывает, что явление повтора также, по существу, укладывается в указанную схему: повтор представляет собой постепенное изменение характера детерминированности элемента, постепенную эволюцию его от менее определенного значения к более определенному.

В абсолютном большинстве примеров на повтор вторым элементом коррелирующей пары (субститутом) является, как правило, элемент *il* (*le*) (хотя встречаются и элементы *le+N* и *se+N*), при этом в соответствии с характером antecedent'a выделяются два типа примеров: 1) тип *un (+N) — il* и 2) тип *le (+N) — il*:

Il ouvrit le frigidaire, prit une bouteille de bière, fut sur le point de l'ouvrir (G. Simenon).

— Le chapeau

— On ne l'a pas retrouvé. Le vent a dû l'emporter plus loin (G. Simenon).

Корреляция *le (+N) — il* является, на наш взгляд, более органичным и естественным образчиком употребления повтора, чем предыдущий пример: повторению подвергается обычно известный, определенный объект — в этом суть семантики повтора. Первый отрывок также отражает повтор; но неизвестного объекта; фактически мы имеем дело с ситуацией, когда элемент со значением неопределенности, не знакомый говорящему субъекту (речь идет о выборе одного из многих неизвестных), имплицитно проходит стадию определенности (*le+N*), а потом и повтора, например:

D'un geste aussi machinal, Lucas prit un paquet de tabac gris dans sa poche et le remit à son compagnon (G. Simenon).

Если более полно охарактеризовать идентификацию «пакета», получится следующее:

1. Lucas prit un paquet de tabac gris.

2. Il avait dans la main le paquet qu'il avait acheté (qu'on lui avoit donné, qu'il venait de procurer etc).

3. Lucas le remit à son compagnon.

Среди синтаксических элементов, коррелирующих с *il* (*le*), находим также артикль *le*, употребляющийся при имени со значением обобщенности:

— Tu vois, Monica, c'est précisément l'effet que je produis sur les garçons, je les étonne (R. Merle).

Le может употребляться в качестве субститута не только элемента, но и перифразы:

Il sentit que le moment le plus difficile était arrivé. Il le comprit au silence concentré de Nora (G. Simenon).

Необходимо отметить, что в отличие от имен, принадлежащих к группировкам одушевленных, конкретных и абстрактных, корреляция вещественного элемента с *le* невозможна: восторженные черты лишь для объекта, имеющего конкретные пространственные параметры. Тем не менее, именно *il* (*le*) является своего рода центром всей системы повтора, идеальной точкой, завершающей акт референции.

Несколько иначе, в отличие от *il*, осуществляется корреляция с элементом *en*, так же, как *il* (*le*) являющимся часто (но относительно меньше, чем *il*) употребляемым элементом-субститутом. *En* обладает способностью заменять имена любой группировки — как правило, с неопределенным или частичным артиклем:

Victor attendait une explication de ses dernières paroles. Il était toujours affamé de raisons. Arsène, qui éprouvait rarement le besoin d'en donner, resta muet (Aymé).

C'est de la vodka au poivre! Un breuvage diabolique! Sa majesté exige que tout le monde en boive! (A. Troyat).

Характер проведенных трансформаций показывает, что *en* при корреляции функционально равен элементу со значением неопределенности [8]. Это значит, что *en* совпадает по характеру детерминированности с теми элементами, которые он замещает — элементами различного характера неопределенности, а также отсутствия референта. Та же способность проявляется у *en* при замещении имен с определенным артиклем со значением обобщенности [9], имеющих тот же характер детерминированности:

Sa femme n'aimait pas les escargots. Il en mangeait rarement (G. Simenon).

Таким образом, в случае с еп мы лишь формально имеем дело с повтором, подобным разобранным выше. Исходя из сформулированного нами положения (повтор — это явление, основанное на вторичном употреблении элемента с большей степенью детерминированности), можно сделать вывод, что употребление коррелирующих элементов с одной и той же степенью детерминированности не является повтором, хотя и подпадает под определение субституции.

Представляется, что явление замещения — если можно объединить этим термином оба разобранных нами феномена со сходными формальными характеристиками — отражает семантическое различие в характере действия, выполняемого протагонистами: повтор указывает на то, что говорящий совершает над одним и тем же объектом действия сходного характера, постепенно как бы приближаясь к нему (об этом свидетельствует изменение детерминированности); простое замещение (субституция) показывает, что хотя объект тот же, действия, совершаемые над ним, различны и находятся в непересекающихся плоскостях. В первом случае мы имеем дело с единичной референцией расчлененного характера, во втором — с двумя отдельными характеристиками референции.

Указанные явления были рассмотрены нами на основе антецедента — нарицательного имени. Представляет также интерес выявление особенностей повтора имени собственного, являющегося *terra incognita* референции [10]. Этот вопрос отражает, прежде всего, такой практический момент функционирования, когда возможное нагромождение собственных имен при построении фразы требует употребления субститутов — местоимений или иных перифрастических заместителей. В каком случае необходимо прибегнуть к субституции? Подчиняется ли корреляция «собственное имя — субститут» тем законам повтора, которые были выведены выше для имен нарицательных, или они представляют собой особую область. Чтобы войти в суть проблемы, рассмотрим несколько примеров с именем собственным — одушевленным, взятых из известных произведений советских авторов.

«Игорь Преухов — лучший друг Генки. И, наверное, достойный друг, так как сам по-своему знаменит. Жители города больше знают не его самого, а рабочие штаны, в которых **Игорь** ходит писать этюды. Штаны из простой парусины, но **Игорь** уже не один год вытирает о них свои кисти и мастихин, а потому штаны цветут неммыслимыми цветами. **Игорь** гордится ими, называет: «Мой поп-арт!» (В Тендряков. Ночь после выпуска).

«Тут появилась рыжая Зика, жена художника Васина, с букетом роз. Она немо совала букет **Ольге Васильевне** и, нагнувшись — длинная, нескладная, — норовила поцеловать **Ольгу Васильевну**

в щеку. Эту Зику **Ольга Васильевна** почти не знала. Зато потом узнала хорошо». (Ю. Трифонов. Другая жизнь).

«Муж у **Вики** веселый и добродушный. И сынишка у **Вики** тоже веселый и добродушный. И когда-то **Вике** казалось, что такая семья — предел счастья, тем более что замуж **Вика** вышла с запозданием и почти без любви и, как говорится, наконец-то». (В. Манин. Человек свиты).

Указанные отрывки свидетельствуют о том, что при наличии повтора русский язык более предпочитает вторичное употребление собственного имени, чем использование субститута. Безусловно, в французских текстах, очевидно, также можно найти образцы нагромождения собственных имен: индивидуальный стиль автора иногда идет вразрез с общепринятым, нормативным стилем. Однако можно сказать с уверенностью, что французский язык предпочитает более скопление повторяющихся элементов (субститутов), чем повтор собственных имен (точные числовые выкладки для решения этого вопроса еще предстоит сделать), на что указывает, например, следующий взятый наугад отрывок из «Вуивры» М. Эме, в котором речь идет о схватке пастуха Арсена с предводительницей змей Вуиврой:

D'un seul coup, la fureur d'Arsẽne se tourna contre elle. Manquant de recul pour se servir de sa faux, il s'en débarrassa et voulut saisir au vol les mains de la Vouivre. Plus prompt que lui et plus adroite, elle se déroba à son effort et continuait à placer ses gifles avec précision. Il se rua sur elle et frappa des deux poings, en aveugle, avec la violence confiante d'un homme qui ne s'est jamais battu et ne craint ni pour lui ni pour l'adversaire. Moins forte, mais mieux avisée, elle rendait coup pour coup et se défendait avec avantage. Pour en finir, il la saisit à plein corps, sans toutefois parvenir à lui emprisonner les bras, et essaya de la faire trébucher. Elle résistait solidement... и т. д.

Можно сделать вывод, что французский язык предпочитает употребление местоимений даже в том случае, когда возможна двусмысленность референции:

Le ministre Missoff pardonnait à Kohn Bendit qui l'avait ridiculisé quand il était venu inaugurer la piscine (R. Merle).

Об этом же свидетельствует такое несвойственное русскому языку явление, как катафора (постседентное употребление) имени собственного:

Quand elle était encore en bonne santé, Emilienne le plaisantait sur son incapacité à se faire obéir (H. Troyat).

Тем не менее нормальным, наиболее часто встречающимся текстом можно считать такой, где имена собственные и их замести-

тели чередуются, т. е. во вторичном употреблении имя собственное замещается субститутом, например:

Il arrivait à Mme Janvier de venir chercher son mari quai des Orfèvres. Maigret la rencontrait de temps en temps (G. Simenon).

Если принадлежность именного элемента к определенной группировке является достаточно явной (что не требует доказательств), то характер выражения детерминированности не эксплицирован. Тем не менее, представляется, что выявление значений детерминированности собственного имени возможно функциональным путем, при помощи экстраполяции выведенного выше номенклатурного ряда на соотношение «собственное имя — субститут».

Если рассмотреть значения детерминированности субститутов при замещении имени собственного, выяснится, что в этом смысле механизм субституции в принципе не отличается от случаев замены имени нарицательного — при повторе именной элемент проходит те же самые этапы логико-семантической идентификации, причем этапов может быть не два, а более, как в следующем примере:

Elle était intéressée par le sujet qui pouvait être intéressant pour Marc. Elle le chercha des yeux: cet imbécile pageait sous l'eau (A. Troyat).

В соответствии с характеристиками двух субститутов можно сделать вывод о значении детерминированности собственного имени. Положение О. Дюкро, утверждающего, что собственное имя занимает промежуточное положение между определенностью и указательностью [11], необходимо принять, в данном случае, с поправкой в сторону значения определенности. Однако, в принципе, О. Дюкро совершенно прав и одно и то же имя собственное может иметь различные значения детерминированности. Выявление каждого из этих значений производится путем применения показанных выше трансформационных характеристик к повтору имени собственного и заключается в соотношении имени с предыдущим случаем его употребления.

Рассмотрим в качестве примера целого текста роман Ж. Сименона «Первое дело Мегрэ». Как и любой художественный текст, он изобилует собственными именами, значения детерминированности которых варьируются.

1. Имя собственное, фигурирующее в тексте в первый раз, имеет ту же референциальную характеристику, что и нарицательное с неопределенным артиклем в составе так называемой определенной дескрипции (description défini [12]):

Il fallait prendre en filature un certain Fernand Barilard. Ср.: — Il fallait prendre en filature un homme de la rue voisine.

Эквивалентность собственного имени конструкции «up + N» с определением (имени с артикулатом, по Х. Вайнриху [13]) является порогом неопределенности собственного имени.

2. В следующем типе выявляется соответствие имени собственного имени нарицательному с определенным артиклем. Собственные имена такого характера в любом тексте преобладают. Необходимым условием для выявления в собственном имени такой характеристики является либо значительная удаленность его от того же имени в предыдущем употреблении, либо, наоборот, употребление его рядом с другим собственным именем. В последнем случае повтор имени производится для того, чтобы избежать экивока, как в следующем примере:

Il y eut une sonnerie sous l'horloge et Maigret se leva précipitamment, ouvrit la porte matelassée. Le commissaire était déjà de retour, et Maigret put voir les feuilles de son rapport.

Пример повтора собственного имени в связи с удаленностью его от того же имени в предыдущем употреблении является наиболее частым случаем использования указанных имен в тексте:

Assis à son pupitre noir, Maigret passa les heures les plus rageuses de sa vie à examiner des papiers crasseux, à écouter des plaintes de concierges ou des explications de camelots.

Les solutions les plus extrêmes lui venaient à l'esprit, comme de donner immédiatement sa démission. Ainsi, tout ce qu'il y avait à faire, selon le commissaire, c'était d'ouvrir une enquête sur le flûtiste! Pourquoi pas arrêter celui-ci et le passer à tabac

Maigret aurait pu aussi téléphoner au grand patron, ou aller le voir.

В последнем случае употребления имя «Мегрэ» можно заменить именем типа «инспектор» с определенным артиклем, ср.: —» L'inspecteur aurait pu aussi téléphoner au grand patron... Однако, поскольку инспекторов здесь много и Мегрэ — один из многих (вспомним, что он пока еще инспектор, а не комиссар), то предпочтительнее трансформации в виде определенной дескрипции типа —» L'inspecteur dont il s'agit...

3. Следующий тип представляет собой также соотношение имени с его предыдущим употреблением, но на более близком расстоянии. На этот раз, в отличие от предыдущего, собственное имя-субститут замещается элементом *il*, устанавливающим значение повторяемости:

-- Pardon: il y a quelqu'un. Il y a Dédé, au volant de son auto. Remarquez que Dédé n'a pas arrêté le moteur de la voi-

ture. Ср.: —» Remarqueз qu'il n'a pas arrêté le moteur de la voiture.

Причины, по которым говорящий повторил имя Деде, а не воспользовался субститутом-местоимением, скорее всего экстралингвистические, связанные с особенностями стиля людей, производящих дознание.

В другом примере, где также необходимо по смыслу использование указателя повторяемости, говорящий избегает его из почтения к лицу, о котором идет речь (повтор имени здесь невозможен, так как делает фразу тяжеловесной) и использует другое имя обозначаемого лица:

- M. Gendreau—Balthazar est ici
- Lequel Le père ou le fils
- Le père.
- M. Félicien n'est pas encore rentré.

Ср.: —» Il n'est pas encore rentré.

Как видно, положение О. Дюкро о характере собственного имени может быть уточнено: собственное имя находится ближе к значению неопределенности и, с другой стороны, не достигает значения указательности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., 1978, с. 6; см. также Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983, с. 51.

2. Басманова А. Г. Что такое субституты.— *Revue roumaine de linguistique*, 1975, № 3, p. 292.

3. Подробно см. об этом: Турбин А. Г. Глаголы неполной предикации в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983, с. 8—12; он же. Проблема облигаторности дополнения при глаголах неполной предикации.— В кн.: Члены предложения и классы слов в романских и германских языках: Сб. науч. тр./Ленинг. гос. пед. ин-т им. Герцена. Л., 1983, с. 130—136.

4. Dubois J. *Grammaire structurale du français: le verbe*. P., 1967, p. 22.

5. На это указывает, в частности, Вяч. Вс. Иванов, ссылаясь на А. Норена. См.: Иванов Вяч. Вс. Категория определенности-неопределенности и шифтеры.— В кн.: Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 90.

6. Отдельные авторы расширяют границы категории до трех, а иногда и четырех значений. См., например: Dubois J. *Op. cit.*, p. 130; Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, с. 158.

7. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 361.

8. Басманова А. Г. Грамматическая категория падежа в современном французском языке: Учебное пособие к спецкурсу по теоретич. грамматике французского языка/МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977, с. 68.

9. Басманова А. Г. Указ. раб., с. 71.

10. Фактически первым значительным трудом по референции собственного имени явилась недавно вышедшая книга Ж. Клебера. См.: Kleiber J. *Problèmes de référence: descriptions définies et noms propres*. Metz, 1981.

11. Ducrot O. *Dire et ne pas dire*. P., Hermann, 1972, p. 245.

12. Kleiber O. Op. cit., p. 171.

13. Вайрих Х. Текстовая функция французского артикля.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., 1978, с. 377.

Г. П. Черногорова

(Челябинск)

АВТОРСКИЕ ТЕКСТОВЫЕ ИОВАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Фразеологизмы, устойчивые словосочетания при всей монолитности их значения, воспроизводимости, фиксированности их компонентов и прочих признаках, которым они обязаны словом «устойчивые» в определении, подвержены, тем не менее, активным процессам. С одной стороны, это длительные изменения, которые приводят к образованию новых фразеологических единиц (в дальнейшем ф-единиц) и разрушению старых, с другой стороны, это разовые преобразования: трансформации ф-единиц в процессе коммуникации и авторские преобразования фразеологизмов.

С течением времени фразеологизмы, как и слова, девальвируются, теряют эффективность. Поэтому естественна потребность говорящего или пишущего к трансформации ф-единиц с целью повысить их экспрессивность. Насколько значительна при этом роль автора, «трансформатора» Распространенным мнением является следующее: писатель, желая «освежить» фразеологизм, вернуть ему образность, прибегает к разным приемам, приводящим к радикальным преобразованиям. Эти приемы описаны в лингвистической литературе с той или иной степенью развернутости [1]. Предложены принципы систематизации авторских преобразований на основе единого объективного принципа [2]. Целью данной работы является не описание возможных преобразований и их классификация, а определение механизма трансформаций с позиций потенциальных возможностей ф-единиц как сложного диалектического единства, характеризующегося структурной раздельнооформленностью и семантической спаянностью компонентов. Вывод, основанный на анализе ф-трансформаций Э. Базена, заключается в следующем: все возможные трансформации заложены в самой ф-единице и являются актуализацией ее парадигматических возможностей. Парадигматикой считаем группировку единиц одного уровня на основе оппозиций единиц друг другу по их дифференциальным признакам [3]. Определяя совокупность ф-единиц как расширение лексики [4], естественным является применить к ним те же категории, т. е. проявленнем парадигматических отношений применительно к фразеологизмам является наличие категорий омонимии, синонимии, антонимии, вариантности. Подвергая ф-единицу синтаксической или контекстуальной трансформации [5], автор реа-

лизует потенциальные возможности фразеологизма в его парадигматических связях. Специфичной парадигмы фразеологизма как двуплановой единицы является выход как в парадигму слова, так и в парадигму словосочетания.

Возможности конкретной авторской реализации парадигматических категорий фразеологизмов рассматриваются на материале романов Эрве Базена «Vipère au poing», «La mort du petit cheval», «Cri de la chouette».¹

1. Фразеологическая омонимия, вернее, омонимия ф-единиц лежит в основе большого числа авторских каламбуров. Возможны 3 случая:

а) Отношение частичной омонимии устанавливается по одному из компонентов фразеологизма. «... Des salières creuses où était tombé le poivre de grains de beauté» (p. 205). (Salière—1) подключная впадина, 2) солонка').

В цепи фразеологизмов финальный компонент предыдущего созвучен начальному компоненту последующего, чем достигается, не только определенный стилистический эффект, но и имплицитно значение, трудно поддающееся переводу: «Amour de tête, tête à queue, queue leu leu... En fait de femme, possession vaut titre...» (p. 246) — «Рассудочная любовь — абсурд».

Омонимия может быть в основе сложного метафорического преобразования. В пассаже, трактующем происхождение семьи Резо, на основе фразеологизма fleur de lis 'геральдическая лилия', символизирующего королевскую семью, путем омонимии одного из компонентов образовано сочетание fleur des pois 'цвет общества', где подразумевается омоним poids 'вес'. «Et nous, Rezeau, ... nous sommes tout de même roturiers, malgré nos armoiries... enregistrées sous Louis XVI au titre bourgeois malgré nos alliances avec la fleur des pois de ce royaume» (p. 84)

б) Отношение полной омонимии. «Une ville où l'on pense bien ... où l'on pense biens» (p. 84). (Penser bien 'благодарно мыслить', penser biens 'заботится о материальном благе'). В данном случае использована омонимия ф-единицы и свободного словосочетания.

в) К этому же случаю примыкает так называемое «использование прямого лексического значения идиомы» (этот термин неверен, т. к. идиома не обладает собственным лексическим значением компонентов), что в действительности является использованием омонимичной ф-единицы свободного сочетания [6]. «Je n'aime pas assez les lentilles pour avoir vendu mon droit» (p. 355). От библеизма vendre pour un plat de lentilles 'продать за чечевичную похлебку'. Употребление генетически производящего омо-

¹ Bazin, Hervé. Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. Moscou, 1979.

нимичного словосочетания создает двойной план восприятия, усложненный образ.

II. Фразеологическая вариантность проявляется у Базена прежде всего в синтаксической перестройке фразеологизмов в связи с необходимостью ввести ф-единицу в структуру более сложную, в предложение.

а) Чаще всего синтаксический вариант при инвариантном значении создается путем эллипсиса глагольного компонента: «Elle a seulement changé de tête de Turc» (p. 363) от être la tête de Turc 'быть объектом насмешек'; «la parabole du plat de lentilles» (p. 236) от vendre pour un plat de lentilles 'продать за чечевичную похлебку'; «Madelaine venait chercher sa ration hebdomadaire de feuilles à l'envers» (p. 145) от voir les feuilles à l'envers 'видеть листья с обратной стороны'.

Возможен также эллипсис tous les fils sont trop blancs от cousu de fil blanc 'шить белыми нитками'.

б) Явлением, противоположным эллипсису, является усложнение смысловой и формальной структуры фразеологизма путем употребления эпитетов и дополнений. «Tous les fils sont trop blancs» (p. 239) — все нити слишком белые от cousu du fil blanc; «L'ange frais qui passe» (p. 66) — установилось холодное молчание от un ange qui passe 'ангел пролетел'.

Э. Базен вообще любит этот образ и в другом своем произведении «Qui j'ose aimer» развивает и усложняет метафору: «Les anges passaient et repassaient tirant de l'aile entre nos monosyllabes». Или: «J'eus l'oreille assez fine pour entendre cette recommandation» от avoir l'oreille fine 'хорошо слышать'. Или: «Fredie en eut sa très juste part» (p. 32) от avoir sa bonne part 'хлебнуть, пережить'.

Возможна ситуация, когда дополнительный компонент синтаксически несочетаем с ф-единицей. «Nous sommes tous très intéressés, très mouches du coche» (p. 56) от la mouche du coche 'человек, суесящийся без дела!'. Здесь использовано свойство данной ф-единицы быть семантически эквивалентной прилагательному

в) Другим типом проявления вариантности является изменение временной формы глагольного компонента ф-единицы и связанная с этим большая категоричность суждения. Автор о своем брате-подростке: «Le voleur d'oeufs qui volera un boeuf» (p. 32) от qui vole un oeuf, vole un boeuf.

г) Распространенным приемом обновления фразеологизма у Э. Базена является субституция компонента ф-единицы. «Ai-je déjà engrassé le bain de jouvence» (p. 447) вместо fontaine de jouvence. Или: «Folcoche ne se mouche pas de la main gauche» (p. 149) от ne pas se moucher du pied (du talon, du coude) 'ловко, ничего не скажешь'. Значение ф-единицы, как и во всех

других случаях, сохраняется, но приобретает дополнительную окраску. В первом примере описывается утро большой семьи, соответственно возникает слово *bain* — и в прямом смысле. Во втором случае субституция компонента продиктована еще и желанием эффекта аллитерации (*Folcoche — main gauche*).

Создание варианта фразеологизма путем субституции компонента или введения добавочного компонента широко используется Базеном. Этот прием дает ему благодатную возможность развить, углубить, дополнить образ, лежащий в основе фразеологизма. Например, «*Elle filait le dernier coton de sa race*» (p. 91) вместо *filer le mauvais coton* 'дышать на ладан'. Т. е. она не только дышала на ладан, но и была при этом последней представительницей рода. В другом случае мы встречаем: «*Cette goutte de vin fit déborder le vase*» (p. 106). Исходная единица — *c'est la goutte d'eau qui fait déborder le vase* 'капля (воды), переполнившая чашу'.

Или, говоря о Фолькош, — «... *Elle confia ses haines à son oreiller*» (p. 99). *Haine* заменяет слово *pensée* в исходном фразеологизме *pensée de l'oreiller* 'сокровенная мысль'.

Богатые возможности для вариативности представляют субституции на синонимичной или антонимичной основе. «*Malgré toute la bonne volonté du monde, ou, plutôt, malgré toute la mauvaise volonté du monde, Folcoche ne pouvait plus... nous interdire de paraître à cette réunion*» (p. 57) (*bonne volonté* = *mauvaise volonté*). Такие примеры немногочисленны, это стилистически слишком просто для Базена. Он создает контекстуальные антонимы: «*L'ignote encore que la prodigalité de l'espace est premier des luxes bourgeoises et que le prix du mètre carré de terre craonnaise autorise des ceintures vertes que ne peut s'offrir la ceinture rouge*» (p. 119). В ф-единицах *ceinture verte*, *ceinture rouge* окказиональными антонимами являются *vert* и *rouge*, первое как символ буржуазного люкса, противопоставленного пролетарскому демократизму красного пояса Парижа.

В другом случае дополнительный стилистический эффект создается добавлением к ф-единице эпитета, антонимичного его компоненту в свободном употреблении. *Avec une parfaite mauvaise foi* от *la mauvaise foi* 'злонамеренность'. Говоря о молодой девице не чересчур строгих правил, герой употребляет фразеологическое выражение *la pèche est mûre*, вместо *la poire est mûre*, что значит «лови момент». Сущность антонимической замены и создаваемый ею блестящий стилистический эффект ясны из невинного замечания брата героя: «*Le pêches, on les mange pourries*» — «но ведь мушмулу едят подгнившей».

Явление, трактуемое обычно в литературе как авторское разложение фразеологизма, есть ни что иное, как использование авто-

ром потенциальных возможностей парадигмы ф-единицы. Путем синтаксической перестройки фразеологизма (эллипсис, создание неожиданного контекста и т. д.) некое инвариантное значение А получает дополнительные варианты значения а, б, с, заложенные в самой единице и актуализованные автором. В результате в контексте реализуется семантически более сложная, нежели исходный фразеологизм, единица со значением Аа, Аб, Ас и т. д. Роль автора, следовательно, заключается в том, чтобы обнаружить и использовать вариантное потенциальное значение фразеологизма, заложенное в его парадигму. Если «мелко плавает», то в парадигму входит и антонимичное «глубоко плавает», и возможная степень качества «очень» и т. д. Говоря о молчаливом слуге-китаец, Базен применяет образ «il avait sept langues pour se taire». Фразеологизм *tourner sept fois la langue avant de parler* предполагает для выражения высокой степени *tourner dix-sept fois la langue* или нечто подобное. Этот образ был бы слишком прост для Базена, его метафора стилистически и синтаксически совершеннее, суждение приобретает привлекательную парадоксальность (*sept langues — se taire*). Роль автора — в выборе формы, соответствующей тому парадигматическому значению фразеологизма, которое ему, автору, желательно актуализировать. Однако сказанное не опровергает того, что автор имеет богатейшие возможности для адекватного выражения самых изысканных семантических и стилистических нюансов, и эти возможности ему предоставлены значением многоплановой и разносторонней, уникальной лингвистической единицы, каковой является фразеологизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963; Авалиани В. В. Слово-фразеологизм контекст. — В кн.: Вопросы филологии — 5, ч. I: Сб. науч. тр./Самарканд. ун-т, Новая серия, вып. 219. — Самарканд, 1972; Дубинский И. В. Природа фразеологического сочетания и возможность замены их компонентов: Сб. науч. тр./Азербайджанский гос. пед. ин-т, вып. 9, серия филологич. Баку, 1961; Козырева Л. Ф. Некоторые виды трансформаций устойчивых фраз. В кн.: Вопросы общего романо-германского языкознания, вып. 2, Уфа, 1965; Кунин А. В. Основные понятия фразеологической стилистики. — В кн.: Проблемы лингвистической стилистики (Тезисы докл. науч. конф.), М., 1969; Молотков А. И. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке. — В кн.: Нормы современного русского языка: Литературное словоупотребление. М.-Л., 1966; Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения ФЕ. В кн.: Лингвистические проблемы перевода. М., 1981; Шанский Н. М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов. — РЯШ, 1957, № 3.
2. Шадрин Н. Д. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. — В кн.: Лингвистические исследования, ч. II, М., 1973.
3. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 227.
4. Кунин А. В. Указ. раб., с. 57.
5. Контекстуальной трансформацией считаем преобразование ф-единицы

в омонимичное свободное сочетание, сопровождающееся изменением значения, что возможно в определенных текстовых условиях.

6. Этот прием определяется А. В. Куниным как двойная актуализация — стилистический прием, основанный на двойном восприятии — на обыгрывании значения ф-единицы и буквального значения ее переменного прототипа. См.: Кунин А. В. Двойная актуализация как понятие фразеологической стилистики. — ИЯШ, 1974, № 6.

С. О. Шереметьева, Е. А. Бородкина
(Челябинск, Таллин)

МЕЖУРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА ПАТЕНТНОЙ ФОРМУЛЫ США

Цель настоящей статьи — описание семантико-синтаксических и морфологических особенностей текста формулы изобретения на устройство (ФИУ) патента США, ориентированное на разработку системы автоматического перевода отечественных формул изобретения этого типа на английский язык при зарубежном патентовании или выпуске сигнальной информации. При создании системы предполагается использовать аппарат формальной модели синтеза ФИУ СССР, разработанный в [1], что определило направление и приемы анализа, конкретные результаты которого изложены в данной статье (о теоретических предпосылках и правомерности примененных методов анализа см. в [2]).

Предназначение формулы изобретения — заключительной части патентного документа — дать краткую словесную характеристику технической сущности изобретения и определить его объем, т. е. объем прав автора. Поэтому подъязык формулы представляет собой результат взаимодействия общеупотребительного английского языка с подъязыками техники и юридической документации, что сказывается на отборе используемых в ФИУ лексики и грамматики.

Композиционный строй текста формулы изобретения диктуется, во-первых, основным требованием подъязыка техники излагать мысль в виде развернутого определения и, во-вторых, требованием патентного права строить текст формулы в виде одного или более пунктов, ясно заявляющих предмет изобретения [3]. С грамматической точки зрения каждый пункт ФИУ независимо от его длины и сложности представляется в виде отдельного односоставного номинального предложения, которое как качественно, так и количественно отличается от «нормальных» английских предложений. Количество слов в каждом предложении ФИУ варьирует от 100 (в среднем) до нескольких тысяч (при достаточной сложности устройства). Отличительной чертой предложения патентной формулы является наличие сопровождающей его единственный главный член цепочки чрезвычайно распространенных определений, за которыми часто следуют независимые причастные обороты. Причем

отдельные именные группы могут дублировать структуру пункта, т. е. включать в себя именные группы второй степени подчиненности, а независимые причастные обороты могут иметь зависящие от них синтаксические структуры, например:

...apparatus comprising a vessel and conveyer means extending into said vessel, said conveyer means including a conveyer belt and roller means, said roller means include two rollers each having a groove...

Экстралингвистическим коррелятом текста ФИУ является совокупность определенным образом взаимосвязанных частей устройства и их особенностей, иначе говоря, совокупность признаков изобретения. Каждый признак представлен в тексте формулы предикатной фразой (валентной конструкцией), состоящей из термина-предиката и его актантов.

В настоящей работе термин «предикат» употребляется для обозначения лексем, выражающих признак вещи или признак другого признака [4]. С этой точки зрения фразы *wires are connected, connecting wires, wires connecting, etc.* являются предикатными.

Терминами-предикатами мы называем те лексические единицы, которые репрезентируют собственно связи и особенности элементов устройства. Например, в приведенном выше фрагменте ФИУ использованы термины-предикаты *comprise, extend, include, have*, слово *said* в подязыке формулы употребляется в референтной функции, обозначая «этот», «упомянутый», и поэтому так же, как остальные предикатные и непредикатные слова данного фрагмента в нашей модели отнесено к актантной лексике [5].

Тогда очевидно, что сложная поверхностная структура американской формулы изобретения, (как и текст отечественной ФИУ) — это цепочка определенным образом связанных валентных конструкций, возникающих в результате реализации валентных свойств терминов-предикатов, что тесно связано с семантикой последних [6].

Таким образом, облик текста ФИУ определяется, с одной стороны, семантикой терминов-предикатов и их валентными свойствами, а, с другой стороны, морфологической формой самих предикатов и порядком следования и способами связи валентных конструкций.

При анализе 500 текстов ФИУ США выделено 5206 словоупотреблений 780 различных терминов-предикатов, которые так же, как и термины-предикаты отечественной ФИУ относятся к следующим семантическим классам [7]: наличие (*have, comprise*), взаимное расположение (*mount, arrange*), соединение (*connect, couple*), взаимодействие (*coact, operate*), сопоставление (*correspond, fit*), движение (*move, advance*), ограничение (*surround, confine*),

разделение (separate, space), предназначение (provide, serve), прочие конструктивные особенности (form, produce). Аналогия наблюдается и в распределении частотных характеристик терминов-предикатов: большей частотностью обладают слова с максимально широким значением (have, include, form, mount, be, comprise), что обусловлено стремлением увеличить объем притязаний автора изобретения. Поскольку термины-предикаты — это часть лексической системы естественного языка, они обладают свойствами, присущими всем лексемам ЕЯ, в частности некоторые из них связаны отношениями синонимии, встречаются и полисемантические термины-предикаты. Однако функциональная установка ФИУ передавать техническую сущность изобретения делает необходимым соразмерять семантико-синтаксические свойства лексики формулы и техническую структуру устройства, что приводит к изменению значений отобранных для «работы» в подъязыке формулы лексем, их валентных свойств и, как следствие, парадигматических отношений. Например, предикат engage в общем употреблении используется в значениях «наниматель», «занимать (время)», «обязывать», «обручить», «вводить (войска)» и т. п. [8], в то время как в подъязыке ФИУ он употребляется в совершенно иных значениях «соединять», «прикреплять», характеризуется специфичным набором валентности (см. ниже) и входит в другую парадигму синонимов:

connect, couple, link, engage, associate, interconnect, interlock abut, articulate, communicate, interfit, join, secure, hing, interrelate.

При анализе валентных свойств терминов-предикатов мы исходили из того, что все синтаксически зависимые от предиката синтаксические структуры являются его актантами [9], т. е. представляют собой реализацию его семантических валентностей. Ниже приведена таблица частотных характеристик валентных конструкций с различным числом реализованных валентностей (табл. 1).

Таблица 1

Число валентностей	Число конструкций	% от общего числа констр.
1	1514	29,08
2	2815	54,08
3	784	15,06
4	86	1,65
5	7	0,13

Данные таблицы аналогичны тем, что получены для отечественных ФИУ: самой частотной является двухвалентная конструкция

a hinge member is attached to the frame

1

2

1

2

Одновалентные конструкции представлены либо конструкциями определительного типа:

predetermined level
 |
door to be opened
 |

либо словосочетаниями типа «подлежащее-сказуемое»:

when the lock undogs.
 |

Максимально возможное число одновременно реализованных валентностей терминов-предикатов ФИУ равно 5, причем четырех- и пятивалентные конструкции в ФИУ крайне редки.

Степень «участия» различных валентностей терминов-предикатов в организации текста формулы изобретения неодинакова, поскольку частота их реализаций различна. Для количественной оценки этого явления нами использована мера их силы [10], под которой мы понимаем условную вероятность реализации данной валентности в текстах формул при условии, что появился соответствующий термин-предикат, т. е. $f(x_i) = \frac{i(x_i)}{i(P)}$

где $i(x_i)$ — число реализаций данной валентности, $i(P)$ — число появлений соответствующего термина-предиката.

Полученная с помощью этого критерия информация позволила нам определить иерархию валентностей терминов-предикатов, ранжировав их по убыванию силы (см. ниже), что существенно для решения задач автоматического перевода.

Очевидно, что для моделирования законов порождения текста ФИУ определяющим является соотношение различных уровней валентностей терминов-предикатов этого подъязыка. В результате анализа данного аспекта валентных свойств терминов-предикатов нами выявлены модели управления выделенных лексем этого типа и зафиксированы в виде таблиц, подобных приведенной ниже, где используются следующие обозначения: Sc — конкретное существительное, Sa — абстрактное существительное, Inf. — инфинитив, G — герундий, Adv. — наречие. Нумерация семантических валентностей несет информацию об их иерархии: чем сильнее валентность, тем меньшим номером она обозначена. Сила каждой валентности с точностью до сотых указана в скобках рядом с ее номером, за которым следует вопросительное слово, поясняющее «роль» данной валентности в ситуации, описываемой термином-предикатом.

FNGAGE — соединять, прикреплять (см. табл. 2)

1(0,80) что	2(0,73) что	3(0,18) как	4(0,13) с чем	5(0,12) для чего	6(0,11) где	7(0,04) чем
Sc	Sc	Adv. at Sa	with Sc To Sc	Inf. for G	in Sc, onS between Sc about Sc within Sc	by Sc

Здесь валентности 1 и 2 выражаются конкретными существительными, валентность 3 – наречиями или абстрактными существительными, вводимыми предлогом *at*, 4-я валентность замещается конкретными существительными с предлогами *with*, *to*, 5-я – инфинитивом или герундием с предлогом *for*, валентности 6 и 7 – конкретными существительными с указанными в модели предлогами.

Для американских патентных формул на устройство так же, как и для отечественных характерен определенный порядок следования валентных конструкций, который регулируется их экстралингвистической значимостью: сначала идут валентные конструкции терминов-предикатов, указывающих на наличие определенных частей устройства, затем – на их взаимное расположение, взаимосвязь и другие конструктивные особенности.

К числу языковых средств, связывающих отдельные валентные конструкции в единый текст формулы, относятся:

1) повтор актанта

...apparatus comprising conveyer means said conveyer means including a conveyer belt...

2) общий актанта

...an upper and a lower bars are provided with ladder tares carrying a plurality of states...

3) анафорические замены

...a window having a slidably mounted sash and a stool which is mounted on the window sill...

4) союзы «and», «so that», «while», etc.

...the outer edge of the sliding door includes guide block assemblies at top and bottom and the door opening at top and bottom is provided with rails...

Связывание валентных конструкций союзом *or* запрещено, т. к. альтернатива в существенных признаках может быть связана с альтернативой технического решения, т. е. может нарушить единство изобретения.

Что касается морфологической репрезентации терминов-предикатов в текстах ФИУ, то и здесь выявляются определенные особенности. Результаты статистического анализа указывают на наличие «ядерной зоны» грамматических структур, в которую входят 6 наиболее частотных из них:

be + Participle II, Participle II, Participle I, Gerund, Present Indefinite, Verb + Infinitive.

Эти 6 самых употребительных грамматических форм покрывают 92% от числа всех реализованных в обследованном корпусе текстов грамматических структур, причем самой частотной морфологической формой терминов-предикатов так же, как и в подъязыке отечественной формулы изобретения на устройство является пассивное причастие.

Проведенный анализ и выявленная общность в закономерностях организации текстов патентных формул на устройство США и СССР подтверждают гипотезу о том, что параллельные подъязыки различных национальных языков характеризуются значительно большей структурно-семантической аналогией, чем сами эти языки в целом [11], и дают конкретный материал для разработки системы автоматического перевода. Результаты исследования могут быть использованы и в учебно-методическом аспекте для интенсификации и оптимизации процесса преподавания иностранного языка, а также при чтении курсов по функциональной стилистике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буторов В. Д., Шереметьева С. О. Алгоритмизированный синтез формулы изобретения. Научно-техническая информация, сер. 2, 1985, № 7, с. 20—28; Шереметьева С. О. Модель синтеза формулы изобретения. Дис... канд. филолог. наук. Л., 1985.— 174 с.
2. Шереметьева С. О. Указ. раб.
3. Чихачев Н. А. Формула изобретения в советской и зарубежной патентной практике.— М.: ЦНИИПИ, 1967. 85 с.
4. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения.— Л.: ЛГУ, 1977.— 204 с.
5. Шереметьева С. О. Указ. раб., с. 93—94.
6. Allerton D. J. Valency and the English Verb/D. G. Allerton.— London etc.: Acad. press, 1982. VII.— 168 p.
7. Шереметьева С. О. Указ. раб., с. 38.
8. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1963. — 1192 с.
9. Шереметьева С. О. Указ. раб., с. 61.
10. Шереметьева С. О. Указ. раб., с. 63.
11. Sublanguage: Studies of Language in restricted semantic domains/R. Kittredge & J. Lehrberger. Berlin etc.: de Gruyter 1982.— VI.— 240 p.

Н. А. Шехтман
(Оренбург)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНТАМИНАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ)

В основе коммуникации лежит процесс расчленения семантического пространства, континуальность которого вытекает из его сопряженности с объективным миром. Реальная действительность,

бесконечная в своем разнообразии, отражается в нашем сознании в виде континуума и вербализуется в языке, единицы которого всегда дискретны. Успех общения предопределен информативностью коммуникативных единиц, которая, в свою очередь, зависит от уровня дискретизации семантики: чем меньше дискретность, тем выше информативность и адекватность вербального идеальному.

Глубина семантической разработки континуума находит отражение в двух типах семантических моделей: парадигматическом и синтагматическом.

В словаре (парадигматический тип) существуют свои приемы преодоления семантической дискретности вокабул. Составители толковых словарей, интуитивно ощущая смысловую неадекватность некоторых однословных квазиэквивалентов, нередко используют в правой, объяснительной части словарной статьи не один, а два или более синонима: *наугад* — *наудачу*, *наобум*; *нападки* — *порицание*, *придирки*, *обвинения* (Д. Н. Ушаков). Там, где значению одного знака соответствует область пересечения значений двух или более знаков, оно оказывается более эксплицированным, т. к. аранжировка знаков активизирует лингвистическое восприятие пользователя и заставляет его, сознательно или бессознательно, в зависимости от уровня его языковой осведомленности, проводить семасиологические сопоставления звеньев цепочки, отбрасывая дифференциальные семантические признаки и концентрируя свое внимание на их общей части. Тем самым сокращается разрыв между смыслом определяемого и семантикой определяющего. В этих случаях — а они встречаются в толковых словарях довольно часто — мы имеем дело с единым, хотя и расчлененным, состоящим из нескольких знаков, планом выражения, который характеризуется общностью референции, что и зафиксировано корреляцией этого сложного комплекса с одним словом в левой части словарной статьи.

Пересечение значений приводит к семантической контаминации лексических единиц, в результате создается новая семантическая величина, отличная от любого отдельно взятого значения любой из них. Поэтому несмотря на отдельность словарных единиц, семантическое пространство языка непрерывно, изолированных семантических явлений в словаре не существует: из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку опосредований, можно попасть в любое другое семантическое поле [1].

С другим типом моделирования семантического пространства лингвист сталкивается в тексте, в способах синтагматической организации коммуникативных единиц. Преодоление противоречия между дискретностью лексических единиц и недискретностью выражаемого содержания является толчком к созданию новых коммуникативных единиц. Частным случаем здесь являются словосо-

четания с аллонимами, т. е. контекстуально обусловленными уточнителями, которые указывают, в каком конкретном значении употреблено опорное слово в данном контексте [2]. Слово и его аллоним, употребляясь вместе, более полно выражают суть обозначаемого, нежели каждое из них, взятое порознь: *The doctor's steps sounded on the stairs — slow, heavy, meditative steps.* (Lindsay J.).

Эти специфические единицы коммуникативной системы языка, состоящие из двух или более знаменательных слов, сами могут рассматриваться как индивидуальный сложный семантический знак и в таком виде они представляют собой новый объект исследования.

Мы вправе говорить об особых единицах анализа, если они вычленимы и воспроизводимы в устойчивой последовательности. Словосочетания с аллонимами отвечают этим признакам. Они вычленимы, т. к. являются необходимым и достаточным контекстом друг друга, и устойчивы, т. к. способны к регулярному воспроизведению в одних и тех же структурных и семантических моделях у разных авторов и в разных жанрах. Специфичность их положения в системе лексических средств языка состоит в том, что они одновременно связаны и со словом, и со словосочетанием: со словом их сближает отношение синонимии, со словосочетанием — раздельнооформленность и расчлененное обозначение какого-либо свойства или явления.

Сочетание слова и его аллонима — одно из типичных композиционных построений лексических единиц в плане выражения. Само построение может быть изменено качественно и расширено количественно: нижней количественной границей такого блока являются два слова, а верхней — не более трех. Что касается степени их законченности с точки зрения семантики, то она определяется, во-первых, наличным инвентарем лексических единиц конкретного языка и, во-вторых, актуальными потребностями коммуникантов.

Многократное обозначение одного смысла оправдано лишь в том случае, если таким обозначением решается какая-либо важная коммуникативная задача, иначе оно противоречило бы принципу экономии языковых усилий. В качестве такой задачи можно рассматривать создание новых средств выражения, являющихся результатом процесса семантической контаминации. Тем самым еще раз доказывается правомерность обсуждения устойчивых (но не фразеологизованных!) сочетаний как самостоятельных единиц текста.

Теперь необходимо остановиться на их структурных и содержательных характеристиках.

Главной особенностью их структурной организации является

синтаксическая однородность слова и его аллонима (аллонимов), причем детерминирующими являются синтаксические признаки опорного слова, а не аллонима. Синтаксическими компонентами модели служат не только слова (С), но и словосочетания (СС): С + связка + С: She stared at him, dazed and transfixed. (Lawrence D. H.).

С + связка + СС: It's unimportant and needn't be taken into account. (Christie A.).

СС + связка + СС: In spite of everything, whatever happens, absolutely, there would be nothing could alter me. (Green H.).

Анализ фактического материала показал, что отсутствие структурного разнообразия сочетаний компенсируется многообразием семантического наполнения этих трех моделей. Однако их семантический аспект также поддается упорядочиванию. Но если в структурном плане свойства всего сочетания зависели от опорного слова, то в семантической организации этих моделей определяющей оказывается семантика аллонима, т. к. именно он указывает характер уточнения семантической структуры своего противочлена. О моделируемости семантических отношений лексических единиц можно говорить лишь тогда, когда удастся установить повторяющиеся, регулярно воспроизводимые, не зависящие от авторской манеры письма схемы семантической сочетаемости. Проведенные исследования показали, что такие схемы действительно существуют и описываются с помощью ограниченного количества семантических корреляций, которые были названы:

интерпретацией (abscond, desert),
конкретизацией (move, rotate),
противопоставлением (long, short),
связью части и целого (estuary, river),
связью причины и следствия (murder, death),
связью объекта и его функции (bell, ring),
градацией (fear, panic),
оценочной (doctor, quack) и нек. др. [3].

Постоянство семантических соотношений компонентов этих словосочетаний и их воспроизводимость (и структурная, и семантическая) в разнообразных текстах указывают на то, что эти контаминированные смысловые единицы относятся к оптимальным коммуникативным стереотипам и, по-видимому, принадлежат общей части лингвистической, (а точнее) лексической компетенции носителей английского языка.

Следовательно, даже если существуют какие-либо ограничения процесса общения, обусловленные набором языковых единиц

и его лексической системы, то эти ограничения снимаются в речи благодаря семантической контаминации, создающей более сложные словесные комплексы, которые обеспечивают необходимую коммуникативную гибкость и выразительность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 252.
2. Шехтман Н. А. Семантическая структура слова и его сочетаемость.— В кн.: Вопросы теории английского языка: Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, том 261. Л., 1965, с. 123.
3. Егоров А. О. Системный подход и его применение в лексико-семантических исследованиях. Магнитогорск, 1983, с. 13.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Арнольд И. В. Оценочность комментария в устной речи и тексте.	3
Абросимова Т. А., Прощенок-Кальнина О. Р. Роль текста при формировании модальных характеристик во французском языке.	11
Азначеева Е. Н. Типологические особенности музыкального и литературно-художественного текстов.	16
Биренбаум Я. Г. Роль союзных парентез в организации текста.	24
Буковская М. В. Textoобразующие функции афоризмов в художественном произведении.	31
Гильдина А. К. <u>К вопросу о ретроспекции в тексте</u>	37
Козлов В. С. Синтаксические синонимы в межуровневой организации текста.	43
Козина Н. В. Комплексный анализ семантических основ художественного текста.	51
Колесникова Н. Н. Период как структурная единица текста.	57
Маргулис В. Д. К вопросу о формировании современной теории речевого целого.	62
Попова Н. Б. Стилистическая интерпретация и ее место в текстовом методе.	69
Скрелина Л. М., Турбина О. А. Явление интеркаляции по текстам французских писателей XVII века	75
Смирнова Н. Г. Характеризующие субстантивы в тексте (на материале английского языка).	85
Соколова Г. Г. Фразеологический контекст как объект лингвистического исследования (на материале французских текстов).	91
Турбин А. Г. Референциальные особенности именных элементов при повторе в тексте.	100
Черногорова Г. П. Авторские текстовые новации как результат реализации фразеологической парадигмы.	111
Шереметьева С. О., Боролкина Е. А. Межуровневая организация текста патентной формулы США.	116
Шехтман Н. А. О семантической контаминации лексических единиц (на материале английских текстов).	121

Межуровневая организация
текста в естественном языке.

Межвузовский сборник
научных трудов

Темплан 1987 г., поз. 229

Редактор Ю. В. Тихонова.
Техн. редактор М. Ю. Гмызина.

Сдано в набор 10.02.87. Подписано в печать
8.06.87. ФБ 02828. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Усл. п. л.
7,44. Уч.-изд. л. 7,5. Печать высокая. Гарнитура
литературная. Тираж 800 экз. Заказ 3094.
Цена 1 р. 15 коп.

Челябинский ордена «Знак Почета» государст-
венный педагогический институт. 454080, Челя-
бинск, пр. Ленина, 69.

Типография издательства «Челябинский рабо-
чий». 454080, Челябинск, Свердловский пр., 60.